

An impressionistic painting of a vast field of flowers, likely daisies, in various colors including white, yellow, pink, blue, and purple. The brushstrokes are thick and textured, creating a sense of movement and light. The background shows a dark treeline under a sky with soft, blended colors of blue, white, and grey.

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

июнь 2017

ГОД ЭКОЛОГИИ

Альфред Фризен, «Новый Барнаул», 2001 г.

Издается при поддержке
администрации Барнаула

ИЮНЬ 2017

/ год экологии /

«Истинные ценности» 3

Обращение редакции

Алексей Смельцов.

«Первый эколог» на Алтае 4

Исторический материал,
посвященный Александру Гумбольдту

Константин Паустовский.

«Последний черт» 8

Рассказ

Виталий Бианки.

«Последний выстрел» 12

Рассказ

Евгений Гуцин. «Волчья кровь» 16

Рассказ

Владимир Свинцов.

«Зайкины истории» 23

Рассказ

«О зелени в Барнауле:

взгляд через века» 27

Хронологический очерк об истории озеленения Барнаула

Поэты Барнаула о природе Алтая 31

Подборка стихотворений

Оксана Косова.

«Трамвайная экология» 33

Юмористическая зарисовка

«Литература,

открывающая сердца» 34

Стихи участников экологического конкурса

«Берегите Землю, берегите!» 37

Обзор книг на экологическую тему

Виктор Зотеев.
«Лето. Луг. Цветы»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А.В. Артёмов — председатель,
С.А. Боженко,
М.К. Зимогор,
А.Г. Истомина,
С.А. Мансков,
В.Г. Паршков.

Главный редактор
Михаил Гундарин.

Наш адрес:
7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

/ Пушкинская премия /

**Артём Бочкарёв. «Пушкинский»
призыв в литературу** 43
Из истории Пушкинской премии

«Пушкинисты-2017» 45
Подборка стихов лауреатов Пушкинской премии этого года

/ проза /

**Владислав Пасечник.
«Сыновья Морского Зверя»** 48
Фрагмент приключенческо-исторической новеллы

/ Сибирь литературная /

**Игорь Силантьев.
«Сибирская пастораль
нового тысячелетия»** 59
Подборка стихов новосибирского поэта и ученого-филолога

/ проза /

**Наталья Шубенкова.
«До и после пьедестала»** 62
Отрывок из книги известнейшей барнаульской спортсменки

/ дебют /

**Виктор Галкин. «Тишина,
прозрачная, как ночь»** 72
Дебютная подборка стихотворений

/ мемуары /

**Владимир Чикильдик.
«Последняя встреча»** 74
Мемуарный очерк к 75-летию Геннадия Панова

**Геннадий Панов.
«Святое, светлое, свое»** 78
Подборка стихотворений Геннадия Панова

/ дискуссионный клуб /

**Роман Гром.
«Обложка вместо книги»** 80

**Елена Кузнецова.
«Вселенная на ладони»** 81
Критики обсуждают новую книгу стихов Натальи Николенковой

/ портрет художника /

**Вадим Климов.
«Чекануться нужно»** 83
Барнаульский арт-критик о художнике Алексее Чеканове

ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ

Хотя экология и включена в список базовых национальных ценностей, в этом ряду ее определение отделено от других важных понятий: «гражданственность», «патриотизм», «нравственность», «наука» и «искусство». Но смысловое поле, составляющее понятие «экология», уж точно включает в себя эти значения. Преодолеть недоразумения, наполнить конкретным, чувственно воспринимаемым содержанием идею сохранения природы может только художественная литература. С одной стороны, она не так «в лоб» конкретна, как актуальная лишь на момент создания текста журналистика, с другой стороны, не так сложна и абстрактна, как философия и наука. И именно литература способна поднять экологию как ценность на высокий социально значимый уровень, связать разные смыслы в художественный образ, открывающий и сердце, и сознание читателя.

А сердце читателя легко открывается через понятие «счастье». В искусстве давно сложился архетип гармоничного единения человека и природы как утраченный и потому недостижимый идеал, как утопическая пастораль, не связанная с достижениями прогресса. Искусство держится за миф, копирует и варьирует его. С другой стороны, реальная жизнь пытается навязать нам материальные ценности потребителя, новые технологии создают виртуальный мир, оторванный от естественной среды — земли, воды, леса, воздуха... При этом истинным счастьем и для современного человека до сих пор являются древние онтологические ценности: здоровье, красота, гармония в отношениях с близкими людьми, радость от общения с природой.

Литература имеет все шансы и обязана дать глубокое философское понимание Природы и включить человека внутрь ее структуры. Указать на доминирующие ценности бытия, в соответствии с которыми человек определит, как ему жить, чего хотеть и чего добиваться. В традициях русской

литературы как раз прослеживается тонкое сочетание философии и художественного смысла, что привлекает в том числе и иноязычных читателей.

Высшим пилотажем литературы о природе следует считать произведения о природе человека. Идти человеку из природы в высшем смысле этого слова некуда, если он считает, что до сих пор живет на земле.

Наши земляки, или писатели, связанные с краем фактами житейской или творческой биографии, художники Алтая, дали в своих работах немало примеров истинного слияния с природой, а значит, и с сутью вещей. В год экологии стоит их вспомнить, как и познакомиться с сочинениями наших современников, в том числе совсем молодых.

Год экологии должен стать десятилетием, веком - ведь истинные ценности непреходящи!

Редакционный совет журнала
«Барнаул Литературный»

Художник
Г.А. Юткин

Корни экологии как науки уходят в прошлое весьма основательно. Хотя только в XX столетии экология стала наукой серьезной, большой и влиятельной, официально датой ее рождения считают 1866 г., когда крупный зоолог Эрнст Геккель в одной из своих работ использовал этот термин для обозначения науки о связях организмов и условий среды. Добавим: взаимоотношения организмов и среды их обитания исследовались учеными с давних времен.

«Первый эколог» на Алтае

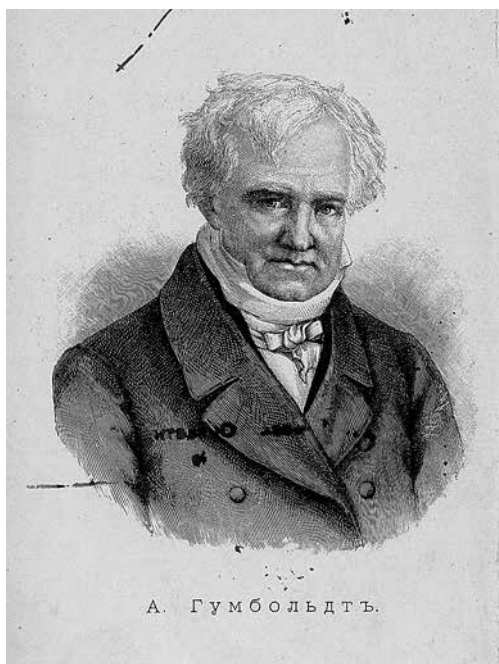
Алексей Смельцов
Фото из архива автора

Любой натуралист — исследователь растений и животных — всегда не только ботаник или зоолог, но и эколог. Идеи связи организмов и условий среды находят уже в трудах греческих философов Аристотеля и Теофраста и гения эпохи Возрождения Леонардо да Винчи.

Но первыми «настоящими» экологами можно назвать шведа К. Линнея (1707—1778), французов А. Лавуазье (1743—1794) и

Ж.-Б. Ламарка (1744—1829), немца А. Гумбольдта (1769—1859), англичан Т. Мальтуса (1766—1834) и Ч. Дарвина (1809—1882).

Из них на Алтае бывал — и весьма результативно — Александр Гумбольдт. Александр Гумбольдт считается одним из отцов-основателей экологии потому, что он был великим путешественником, который на основе впечатлений о природе разных материков развил представления о приспособительных формах организмов к условиям среды — жизненным формам и о климатической зональности распределения видов.

1.

Гумбольдт был человеком ярким и незаурядным. Его называют «великим» и лингвисты, и биологи. Что привело этого энциклопедиста на Алтай?

Обратимся к биографии нашего героя. Александр Гумбольдт получил горнопромышленное образование у ведущих геологов своего времени во Фрайберге (Саксония). Поработал по специальности, но недолго — полученное наследство позволило сосредоточиться на исследованиях и путешествиях. Им он отдал всю свою жизнь. Уже первое большое путешествие в Южную Америку (1799—1805) обеспечило ему славу исследователя в тогдашнем ученом мире, а также в династиях континентальной Европы: никогда ранее ни одна научная экспедиция не была проведена с таким точным планированием, так обоснована научной постановкой вопросов, так оснащена новейшей техникой и так организована, никогда не проходила под таким присталь-

ным вниманием научной общественности.

Но останавливаться Гумбольдт был не намерен. У него еще на студенческой скамье возникла мечта побывать в России. Уже в 1793 г. Гумбольдт сообщил своему однокурснику Владимиру Соймонову о своем желании познакомиться с горными районами на южной и восточной периферии Российской империи.

Однако в Россию он попал спустя 30 с лишним лет — по приглашению императорского правительства и лично министра финансов Егора Канкрин. Причем был тут и государственный интерес: Пруссия была заинтересована в доверительных отношениях между Европой и Россией. Гумбольдт, который с 1826 г. вновь находился на государственной службе, после того как личное состояние из-за путешествий и публикаций было истощено, получает для своего предприятия отпуск у короля. А деньги — у российских властей. Как пишут исследователи, в Санкт-Петербурге он получил вместо первоначально обещанных 10 тыс. рублей — 20 тыс. Огромная сумма! Кроме того, Генеральный штаб Русской армии предоставил в его распоряжение набор всех возможных карт района его путешествия. А еще Гумбольдту предоставили два экипажа (каждый по 1,2 тыс. талеров стоимостью, отметил Гумбольдт) и две коляски с почтовым курьером и поваром.

Вот как беллетризовано, но ярко и интересно писал о пребывании Гумбольдта на Алтае его российский биограф Вадим Сафонов:

«11 июля Гумбольдт смотрел в Тобольске с высокого берега на сизо-бурое непомерное пространство движущейся воды. Кое-где виднелись клочья сбитой пены. Это походило на равнину, на осеннюю степь. И Гумбольдт сказал тобольскому генерал-губернатору Вельяминову:

— Я с юных лет мечтал об Иртыше и Тобольске.

Поездка совершалась еще скорее, чем предполагалось; Гумбольдт решил, что остается время посмотреть и Алтай. Вельяминов отрядил с путешественниками своего адъютанта Ермолова (он приходился племянником «покорителю Кавказа»).

Потянулся открытый простор, изредка прерываемый березовыми колками. Зонтичные травы с горьким запахом поднимали выше человеческого роста желтоватые соцветия.

Начались болота. Экипажи запрыгали на кочках. В густом тростнике кричали утки. На закате вся плоская, неоглядная гладь наполнялась тонким ноющим звуком. В свете фонаря крутились мириады мошкар. Лица заматали платками.

Ехали Барабинской степью.

Abb. 1: A.v. Humboldts Reiseroute 1829

Ночью в Каинске узнали, что дальше по пути свирепствует сибирская язва. Одни говорили, что ее вызывает укусы мухи. Другие были уверены, что дело в испарениях огромных болот. Почти все советовали возвращаться. Гумбольдт двинулся дальше. С собой взяли запас провизии и бочонок с водой.

Три дня пересекали зараженную местность. Через вздувшуюся, почерневшую, бушующую Обь не было переезда. Сутки ждали на берегу, стараясь согреться и обсохнуть у дымных, потрескивающих костров из сырого хвороста.

Каменные дома, тенистые деревья, тишина и пустота на чистых, широких улицах. Вот посерединке одной из них бульвар, на листьях — матовая роса, тускло отсвечивает необычная мостовая — из шлака, остающегося от плавки серебра.

Так, на рассвете 21 июля, въезжали в Барнаул, алтайский центр.

Горный округ назывался Кольвано-Воскресенским. Начальствовал в нем П.К. Фролов. «Деятельный ум и вкус г. Фролова встречаешь на каждом шагу в Барнауле», — отметил Ермолов в описании своей поездки с Гумбольдтом.

Двадцать лет назад Фролов проложил здесь, на Алтае, между рудником и заводом конно-железную дорогу. Она вошла во все книги по истории техники как важный этап в развитии железнодорожного транспорта. Паровоза еще не было, но рельс и колесо доведены до такой степени совершенства, что одна лошадь легко везла груз, который по грунтовой дороге потянули бы едва двадцать пять лошадей.

Фролов строил суда, расчищал реки, украшал город, реорганизовывал горное и заводское дело, в несколько раз увеличивши производство в некоторых отраслях. Администратор и инженер, человек высокой культуры, энергичный, взыскательный, стремительный (о его внезапных наездах в какой-нибудь медвежий угол те, у кого рыльце в пушку, сложили присловье: «Не боюсь ни огня, ни меча, а Петра

Кузьмича»), он был одним из тех русских людей, которые и в самые мрачные времена растили силу и богатство своей родины.

Шоссе проходило по широкой плотине, Фролов показывал машинное здание (машину двигателя вода), корпус сереброплавильного завода, цветники и фонтаны около него, обнесенные чугунной решеткой — такой же, как у Михайловского замка в Петербурге.

Осмотрели городские музеи — зоологические коллекции, модели рудников и машин, оружие, утварь, одежды народов Алтая и Сибири.

Дома у Фролова была комната, обитая китайскими материями, устланная китайскими коврами; в шкафах расставлены фигурки людей с косыми бровями, разложены карты Небесной империи, рукописи на маньчжурском и монгольском языках. И Гумбольдт ощутил, как близки от этого вполне европейского города, от этого дома китайские рубежи, сердце Азии.

В Петербург он написал: «Господин фон Фролов образованный человек и с талантом».

Гранитные груды громоздились друг на друга. Причудливый мир казался еще более фантастическим в предвечернем полумраке. Первые красноватые лучи ударили в глаза. Внезапно с крутой возвышенности открылось Кольван-озеро. Оно лежало в громадной мглстой низине, как в круглой чаше.

В Змеиногорск приехали к десяти утра. На Алтае кругом, а здесь особенно, оставались живые следы работы другого Фролова, Козьмы Дмитриевича, горняцкого сына, гениального гидротехника. То был отец нынешнего гостеприимного алтайского хозяина Гумбольдта. Козьма Фролов с детских лет был дружен с таким же, как он, сыном горного солдата Иваном Ползуновым, творцом «огневой машины». И судь-

бы их шли как бы рядышком — оба уральцы, оба попали на Алтай, где проработали все зрелые годы, обоих по таланту сравнивали даже в официальных петербургских документах.

Только Фролов на сорок лет пережил Ползунова, сраженного чахоткой молодым в 1766 году. И вовсе различно было то главное, что они делали.

Целью одного было покорение пара.

А другой стал замечательнейшим в человеческой истории властителем воды.

Гумбольдт и спутники его могли видеть в недрах Змеиной горы штольни, подземные реки, проведенные Фроловым; еще стояли исполинские семисаженные колеса. Вода у Козьмы Фролова двигала машины, мехи, молоты, насосы, поднимала руду, везла ее в вагонетках; то была удивительная подземная, почти нацело механизированная силой воды «кузница Плутона», или, лучше сказать, Плутона, подружившегося с Нептуном, — переворот во всей прежней технике горных работ. Мощная, покорная, бесконечно многообразная сила, фроловское чудо, как говорили о ней, — вот во что была тут превращена человеческим гением вода в канун века пара!

Пустынные гранитные и порфиновые горы прорезаны ущельями. Каменные колоссы нависали над узкой дорогой. Мрачная, дикая, величественная «дорога гигантов» ведет к Кольванской фабрике, знаменитой фабрике, чьи яшмы и порфиры Гумбольдт видел в парижском Тюильри, во дворце прусского короля, а недавно и в Петербурге, в Зимнем. Он ходит среди рабочих, он стоит подле — нет, он стоит под яшмовыми вазами-колоссами, одна четыре, другая семь аршин в поперечнике...

Риддерский рудник. Алтайские белки, в снеговых шапках, глядели прямо в стеклянные оконца избы, отведенной путешественникам. Еще не тронутый лес строевой сосны, пихты, берез и тополей подступал к селению. Медведи и горные козы спускались к грохочущей речке Громотухе.

Мысль о китайских рубежах не выходила из головы Гумбольдта.

В Усть-Каменогорской крепости, где шел торг с монгольскими караванами, Ермолов подарил Гумбольдту китайский компас.

2 августа горами на дорогах-долгухах двинулись в Бухтарминск. Над пещерой на скале была высечена вязь неведомой надписи. Ни Меньшенин, ни томский военный губернатор Литвинов, сопровождавший Гумбольдта, не знали, что это такое; русских же ученых в экспедиции Гумбольдта не было.

У форпоста Красные Ярки переехали границу Российской империи. Иртыш, клочка, прорубал себе дорогу в острых скалах. Впереди было каменное сердце Азии.

И все же Гумбольдт не добрался до него. Он остановился у первого китайского поста.

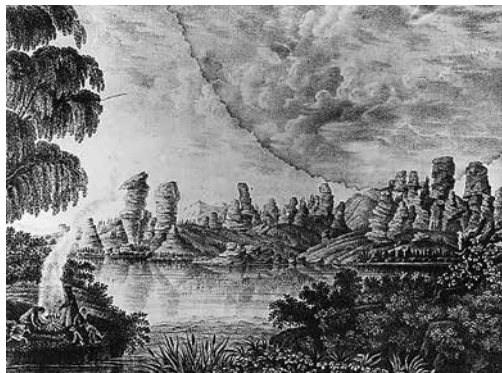
Назад из Бухтарминска в Усть-Каме-ногорск спустились на двух плотках по Иртышу: по три доски были связаны вместе, перестланы досками, и сверху поставлена войлочная юрта.

15 августа были уже в Омске».

2.

Вначале Гумбольдт предполагал обра-ботать все свои записи в виде отчета о путе-шестве, включив в него астрономические магнитные наблюдения и издать отдельной книгой. Но разразившаяся в 1830—1831 гг. в парижской Академии наук на шумевшая научная дискуссия между знаменитыми французскими академиками зоологом-э-волюционистом Жоффруа Сент-Илером и крупнейшим палеонтологом Жоржем Кю-вье отвлекла Гумбольдта от первоначаль-ных намерений. В то же время Густав Розе, приведя в порядок собранные во время пу-тешествия коллекции минералов и других пород, приступил к публикации отдельных статей, намереваясь впоследствии издать труд под названием «Геогностическо-ми-нералогическое описание Урала и Алтай-ских рудных гор».

Летом 1831 г. Гумбольдт предложил Гу-ставу Розе включить в его работу и отчет о деятельности всех членов экспедиции, передал ему собранные во время путе-шества материалы, пересмотрел совместно с Розе и Эренбергом путевые дневники и принял участие в корректировании всей работы. В 1837 году в Берлине вышел пер-вый том *Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspirischen Meere*, а в 1842 г. — второй том. Сам Гумбольдт не издал отдельной работы о путешествии на Урал, Алтай и Казахстан, но ряд материалов, собранных в экспедиции, он внес в свои более позд-ние капитальные сочинения *Asie Centrale* (Paris, 1843), *Kosmos* (Stuttgart, 1845—1862), *Ansichten der Natur* («Картины природы») (1849, 1860). Все эти работы были переве-дены на многие языки, в том числе и на

ПЕРЕЪЗДЫ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ГУМБОЛЬДТОМЪ ПО СИБИРИ (1829).

(Современное частное письмо).

Вы вѣрно были и видѣли, когда про-ѣзжалъ черезъ Москву изъ Берлина извест-ный баронъ Гумбольдтъ. По прибытіи его въ Тобольскъ я былъ посланъ встрѣ-тить его отъ Ивана Александровича (*), спросить и здоровья и поздравить съ бла-гополучнымъ прѣѣздомъ. Когда я исполнилъ долгъ мой, то баронъ, рекомендуя мнѣ сопутствующимъ ему, доктора медицины Г. Эренберга, профессора химіи Розе и нашего горнаго чиновника Меншикина, наговорилъ множество лестнаго относитель-но Ивана Александровича, а потомъ цѣ-лый часъ разспрашивалъ меня о Сибири, жизни въ Тобольскѣ и проч.: однимъ сло-вомъ я былъ очарованъ его любезностію и ласками. На другой день мы съ гене-раломъ рано поѣхали къ нему. Можете представить, какъ могъ Гумбольдтъ встрѣ-тить Ивана Александровича: въ дѣстѣй-шихъ выраженіяхъ благодарилъ генерала за всѣ распоряженія его съ самаго въѣ-зда его въ Сибирь, не забывъ даже расх-валить и прескверныя, отъ болотистаго грунта, дороги наши въ Тобольской гу-берніи; коротче сказать: всѣ возможные учтивости употреблены были съ обѣихъ сторонъ при первомъ ихъ свиданіи. Разу-мѣно, намъ сейчасъ же зашлатили ви-зиту нашу. Тутъ счастливая мысль роди-лась во мнѣ: ѣхать съ барономъ по си-

бири. Нехочу уже описывать вамъ, какъ успѣлъ я въ намѣреніи моемъ; ибо это бы значило повторять давно уже вамъ известное и досихъ поръ еще неизмѣняе-мое; скажу только, что генералъ мой, ото-бравъ согласіе барона, рекомендовалъ меня ему, и на другой день, т. е. 11-е (Юля) я уже былъ въ командѣ Гумбольдта. Пос-лѣ обѣда баронъ приглашенъ былъ гене-раломъ за городъ на чай; съ высоты сей въ 20 сажень праваго берега Иртыша видъ пространной равнины, по коей двѣ широкія рѣки, Тоболь и Иртышъ, разли-вались нѣсколькими рукавами, справед-ливо обращали на себя вниманіе Гумбольд-та. Наконецъ 12-е Юля въ 8 мѣ часовъ утра мы выѣхали изъ Тобольска. Погода была прекрасная; на первой станціи баронъ заставлялъ высту мѣста надъ моремъ. Днемъ Розе, Меншикинъ и я пересажив-ались съ нимъ попеременно, а Эренберга сажалъ онъ съ собой вечерами. На второй станціи мы пообѣдали вовсе не по Рус-ски: запивъ виномъ легкой супъ, нѣсколь-ко яицъ и холодныхъ жареныхъ цыплятъ; здѣсь онъ наблюдалъ температуру воды, воздуха и высоту мѣста, что и повторялось почти каждую станцію. 15-го числа рано утромъ прѣѣзжаемъ въ г. Тару, а вскорѣ потомъ въѣхали мы въ такъ называемую Барабу (Барабинскую степь); здѣсь дол-жны были ѣхать по надурувшейся буче-ной дорогѣ, — ибо большая часть сей огромной степи состоитъ изъ болотъ непро-ходимыхъ, заросшихъ высокими тростни-

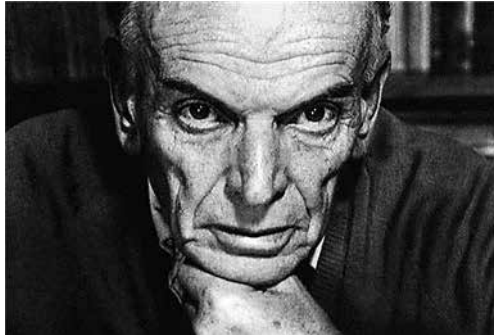
(*) Волыгинъ, тамошнiаго губернатора. Писав- шій это письмо находился адъютантомъ при Волы- гинѣ.

русский. Причем последняя из указанных работ дважды издавалась во второй половине прошлого века (1855, 1862) и в 1906 г.

Уже первые известия об итогах экспеди-ции Гумбольдта на Урал и Алтай вызвали острую полемику в европейской печати. Учено-го пытались обвинить в преувеличении природных богатств Урала. Но все же более поздние труды А. Гумбольдта, Г. Розе и Г.-Х. Эренберга о путешествии 1829 г. были приняты мировой научной общественностью за истину, а в России долгое время были источ-ником для дальнейших исследований Урала, Западной Сибири, Алтая и Каспия.

«Почти никогда в течение моей беспок-ойной жизни, — писал Гумбольдт русско-му послу в Петербурге, — я не в состоянии был собрать в короткое время (шесть меся-цев), правда, на огромном пространстве, такую массу наблюдений и идей... Самые приятные воспоминания оставили о себе: пространство к юго-востоку от Тобольска между Томском, Кольванью и Усть-Каме-ногорском; прекрасная швейцарская мест-ность у Зырянских снеговых гор Алтая. Как светлые точки, как приятные воспоми-нания, должен я еще назвать конские скач-ки и музыкальный казахский праздник...».

31 мая исполняется 125 лет со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского (1892—1968). Трудно разгадать тайну воздействия его таланта, но ясно одно: Паустовский захватывает сразу, целиком, и читатель подчиняется ему добровольно и радостно, вбирая в себя поэтический мир художника. Произведения Паустовского стали классикой отечественной литературы, они актуальны и сегодня. Автор ставит перед человеком сложные вопросы и дает нравственные ориентиры, необходимые каждому из нас. Темы сохранения природы и культурной среды («экологии культуры» - согласно выдающемуся отечественному филологу, литературоведу академику Д.С. Лихачеву), патриотизма и любви к родному языку во все времена волновали думающих и ответственных людей. Вспомним слова из письма-завещания Константина Георгиевича, выстраданные всей его жизнью: «Мы жили на этой земле. Не отдавайте ее в руки опустошителей, пошляков и невежд. Мы потомки Пушкина и с нас за это спросится».

В тридцатые годы была написана поистине лучезарная книга «Летние дни» (откуда взят предлагаемый вам рассказ под названием «Последний черт»). А в годы войны Паустовский приехал в Барнаул по приглашению художественного руководителя Московского Камерного театра А.Я. Таирова. Театр находился в эвакуации. Паустовский работал над пьесой «Пока не остановится сердце», премьера которой состоялась 4 апреля 1943 г. В Барнауле в 1942-43 годах Паустовский пишет рассказы, работает над романом «Дым отечества», его он завершил в 1944 году. В письме Р. Фраерману Паустовский писал: «Теперь о Барнауле. Это славный город, славный прежде всего тем, что он русский город, очень похожий на наши северные города. Деревянные дома с мезонинами, липы, запустенье, герань на окнах и множество добродушных стариков-рыболовов. Великолепная Обь — она здесь шире Волги и уже наше, бледное, северное небо.... Три раза ловили рыбу на Оби и в протоках. Ловится хорошо чебак (вроде плотвы), другой рыбы мало».

Последний черт

Константин Паустовский

Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он долго кричал по деревне, что на озере завелись черти. В доказательство дед показывал порванные штаны: черт якобы клюнул деда в ногу, порвал рядно и набил на колене большую ссадину.

Деду никто не верил. Даже сердитые старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов, что черти на озерах не водятся и, наконец, что после революции чертей вообще нет и быть не может — большевики извели их до последнего корня.

Но все же бабы перестали ходить к Глухому озеру за ягодами. Им стыдно было признаться, что на двадцатом году революции они боятся чертей, и потому в ответ на упреки бабы отвечали нараспев, пряча глаза:

— И-и-и, милай, ягод нынче нетути даже на Глухом озере. Отродясь такого пустого лета не случалось. Сам посуди: зачем нам зря ходить, лапти уродовать?

Деду не верили еще и потому, что он был чужак и неудачник. Звали деда «Десять процентов». Кличка эта была для нас не понятна.

— За то меня так кличут, милоч, — объяснил однажды дед, — что во мне всего десять процентов прежней силы осталось. Свинья меня задрала. Ну и была же свинья — прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет — кругом пусто! Бабы хватают ребят, кидают в избу. Мужики выходят на двор не иначе как с вилами, а которые робкие, те и вовсе не выходят. Прямо турецкая война! Крепко дралась та свинья. Ну, слухай, что дальше было. Залезла та свинья ко мне в избу, сопит, зыркает на меня злым глазом. Я ее, конечно, тянул костьюлем. Иди, мол, милая, к лешему, ну тебя! Тут оно и поднялось! Тут она на меня и кинулась! Сшибла меня с ног; я лежу, кричу в голос, а она меня рвет, она меня терзает! Васька Жуков кричит: «Давай пожарную машину, будем ее водой отгонять, потому ныне убивать свиней запрещено!»

Народ толчется, голосит, а она меня рветь, она меня терзает! Насилу мужики меня цепами от нее отбили. В больнице я лежал. Доктор прямо удивился. «От тебя, говорит, Митрий, по медицинской видимости, осталось не более как десять процентов». Теперь так и перебиваюсь на эти проценты. Вот она какая, жизнь наша, милоч! А свинью ту убили разрывной пулей: иная ее не брала.

Вечером мы позвали деда к себе — расспросить о черте. Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами — с лесных полян пригнали коров. Бабы кричали у калиток, заунывно и ласково скликая телят:

— Тялуш, тялуш, тялуш!..

Дед рассказал, что черта он встретил на протоке у самого озера. Там он кинулся па деда и так долбанул клювом, что дед упал в кусты малины, завизжал не своим голосом, а потом вскочил и бежал до самого Горелого болота.

— Чуть сердце не хряснуло. Вот какая получилась завертка!

— А какой из себя этот черт? Дед заскреб затылок.

— Ну, вроде птица, — сказал он нерешительно. — Голос вредный, сильный, будто с простуды. Птица — не птица, пес его разберет.

— Не сходить ли нам на Глухое озеро? Все-таки любопытно, — сказал Рувим, когда дед ушел, попив чаю с баранками.

— Тут что-то есть, — ответил я, — хотя этот дед и считается самым пустяковым стариком от Спас-Клепиков до Рязани.

Вышли на следующий же день. Я взял двустволку.

На Глухое озеро мы шли впервые и потому прихватили с собой прожатый дед. Он сначала отказывался, ссылаясь на свои «десять процентов», потом согласился, но попросил, чтобы ему за это в колхозе выписали два трудовых дня. Председатель колхоза, комсомолец Леня Рыжов, рассмеялся:

— Там видно будет! Ежели ты у баб этой экспедицией дурь из головы выбьешь, тогда выпишу. А пока шагай!

И дед, благословясь, зашагал. В дороге о черте рассказывал неохотно, больше помалкивал.

— А он ест что-нибудь, черт? — спрашивал, посмеиваясь, Рувим.

— Надо полагать, рыбкой помаленьку питается, по земле лазит, ягоды жрет, — говорил, сморкаясь, дед. — Ему тоже промышлять чем-нибудь надо, даром что нечистая сила.

А он черный?

— А поглядишь — увидишь, — отвечал загадочно дед. — Каким прикинется, таким себя и покажет.

Весь день мы шли сосновыми лесами. Шли без дорог, перебирались через сухие болота — мшары, где нога тонула по колено и сухих коричневых мхах.

Жара густо настаивалась в хвое. Кричали медведки. На сухих полянах из-под ног дождем сыпались кузнечики. Устало никла трава, пахло горячей со-

сновой корой и сухой земляникой. В небе над верхушками сосен неподвижно висели ястребы.

Жара измучила нас. Лес был накален, сух, и казалось, что он тихо тлеет от солнечного зноя. Даже как будто пахло гарью. Мы не курили. Мы боялись, что от первой же спички лес вспыхнет и затрещит, как сухой можжевельник, и белый дым лениво поползет к солнцу.

Мы отдыхали в густых чащах осин и берез, пробирались через заросли на сырые места и дышали грибным прелым запахом травы и корней.

Мы долго лежали на привалах и слушали, как шумят океанским прибоем вершины сосен, — высоко над головой дул медленный ветер. Он был, должно быть, очень горяч.

Только к закату мы вышли на берег озера. Безмолвная ночь осторожно надвигалась на леса глухой синевой. Едва заметно, будто капли серебряной воды, блестели первые звезды. Утки с тяжелым свистом летели на ночлег.

Озеро, замкнутое поясом непроходимых зарослей, поблескивало внизу. По черной воде расплывались широкие круги: играла на закате рыба.

Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в чащах, и только костер трещал и разгорался, нарушая лесную тишину.

Дед сидел у костра и скреб пятерней худую грудь.

— Где же твой черт, Митрий? — спросил я.

— Тама, — дед неопределенно махнул рукой в заросли осинника, — Куда рвешься? Утром искать будем. Нынче дело ночное, темное, погодить надо.

На рассвете я проснулся. С сосен капал теплый туман. Дед сидел у костра и торопливо крестился. Мокрая его борода мелко дрожала.

— Ты чего, дед? — спросил я.

— Доходишься с вами до гибели! — пробормотал дед. — Слышь, кричит анафема! Слышь? Буди всех!

Я прислушался. Спросенок ударила в озере рыба, потом пронесся пронзительный и яростный крик.

— Уэк! — кричал кто-то. — Уэк! Уэк!

В темноте началась возня. Что-то живое тяжело забилося в воде, и снова злой голос прокричал с торжеством:

— Уэк! Уэк!

— Спаси, владычица троеручица! — бормотал, запинаясь, дед. — Слышишь, как зубами кляцает? Дернуло меня с вами сюды переться, старого дурака!

С озера долетали странное щелканье и деревянный стук, будто там дрались палками мальчишки. Я растолкал Рувима.

— Ну, — сказал дед, — действуйте, как желаете, я знать ничего не знаю! Еще за вас отвечать доведется. Ну вас к лешему!

Дед от страха совсем ошалел.

— Иди стреляй, — бормотал он сердито. — Советское правительство тоже за это по головке не побалуует. Нетто можно в черта стрелять? Ишь чего выдумали!

— Уэк! — отчаянно кричал черт.

Дед натянул на голову армяк и замолк.

Мы поползли к берегу озера. Туман шуршал в траве. Над водой неторопливо подымалось огромное белое солнце.

Я раздвинул кусты волчьей ягоды на берегу, взгляделся в озеро и медленно потянул ружье.

— Что видно? — шепотом спросил Рувим.

— Странно. Что за птица, никак не пойму.

Мы осторожно поднялись. На черной воде плавала громадная птица. Оперение ее переливалось лимонным и розовым цветом. Головы не было видно — она вся, по длинную шею, была под водой.

Мы оцепенели. Птица вытащила из воды, маленькую голову, величиною с яйцо, заросшую курчавым пухом. К голове был как будто приклеен громадный клюв с кожаным красным мешком.

— Пеликан! — крикнул Рувим.

— Уэк! — предостерегающе ответил пеликан и посмотрел на нас красным глазом.

Из пеликаньего клюва торчал хвост толстого окуня. Пеликан тряс шеей, чтобы протолкнуть окуня в желудок.

Тогда я вспомнил о газете: в нее была завернута копченая колбаса. Я бросился к костру, встряхнул из рюкзака колбасу, расправил засаленную газету и прочел объявление, набранное жирным шрифтом:

«Во время перевозки зверинца по узкоколейной железной дороге сбежала африканская птица пеликан. Приметы: перо розовое и желтое, большой клюв с мешком для рыбы, на голове пух. Птица старая, очень злая, не любит и бьет детей. Взрослых трогает редко. О находке сообщить в зверинец, за приличное вознаграждение».

— Ну, — спросил я, — что будем делать? Стрелять жалко, а осенью он подохнет от голода.

— Дед сообщит в зверинец, — ответил Рувим. — И, кстати, заработает.

Мы пошли за дедом. Дед долго не мог понять, в чем дело. Он молчал, моргал глазами и все скреб худую грудь. Потом, когда понял, пошел с опаской на берег смотреть черта.

— Вот он, твой леший, — сказал Рувим. — Гляди!

— И-и-и, милый... — Дед захихикал. — Да разве я что говорю! Ясное дело — не черт. Пущай живет на воле, рыбку полавливает. А вам спасибо. Ослобонили народ от страха. Теперь девки сюда понапрут за ягодами — только держись! Шалая птица, сроду такой не видал.

Днем мы наловили рыбы и снесли ее к костру. Пеликан поспешно вылез на берег и приковылял к нашему привалу. Он посмотрел на деда прищуренным глазом, как будто что-то стараясь припомнить, Дед задрожал. Но тут пеликан увидел рыбу, разинул клюв, щелкнул им с деревянным стуком, крикнул «уэк» и начал отчаянно бить крыльями и притопывать утиной лапой. Со стороны было похоже, будто пеликан качал тяжелый насос.

От костра полетели угли и искры.

— Чего это он? — испугался дед. — Чумовой, что ли?

— Рыбы просит, — объяснил Рувим.

Мы дали пеликану рыбу. Он проглотил ее, потом снова начал накачивать крыльями воздух, приседать и топтать ногой: клянчить рыбу.

— Пошел, пошел! — ворчал на него дед. — Бог подаст. Ишь размахался!

Весь день пеликан бродил вокруг нас, шипел и кричал, но в руки не давался.

К вечеру мы ушли. Пеликан влез на кочку, бил нам вслед крыльями и сердито кричал: «Уэк, Уэк!» Вероятно, он был недоволен, что мы бросаем его на озере, и требовал, чтобы мы вернулись.

Через два дня дед поехал в город, нашел на базарной площади зверинец и рассказал о пеликане. Из города приехал рябой скучный человек и забрал пеликана.

Дед получил от зверинца сорок рублей и купил на них новые штаны.

— Порты у меня-первый сорт, — говорил он и оттягивал штанину. — Об моих портах разговор идет до самой Рязани. Сказывают, даже в газетах печатали. Весь колхоз наш знаменитость получил через эту дуроломную птицу. Вот она какая, жизнь наша, милоч!

Виталий Валентинович Бианки (1894—1959) остается одним из известнейших писателей-натуралистов. Он тесно связан с Алтаем, и не только биографически, но и на уровне тем, мотивов, материала. Отвечая на вопрос, какой уголок России стоит выбрать для жизни (а писатель объездил всю страну), Бианки отвечал: «Это Алтай. В жизни не видел ничего более прекрасного. Я жил там в юности четыре года — и до сих пор (а мне седьмой десяток) вспоминаю это время, как чудесный сон... Я бы выбрал Алтай».

При этом природа для Бианки не храм, не лаборатория, но сцена, на которой разворачиваются порой очень драматичные события. Как в рассказе, который мы публикуем в этом номере. Вечные темы «человек и животные», «охотник и его собака» здесь принимают интонацию древнего рока, настоящей трагедии. В круговорот жизни на природе — не пикника, но борьбы за существование — оказываются вовлечены многие. И речь идет именно о жизни — и смерти.

Последний выстрел

Виталий Бианки

В котелке поспела сухарница[1], и охотники только было собрались ужинать.

Выстрел раздался неожиданно, как гром из чистого неба.

Пробитый пулей котелок выпал у Мартемьяна из рук и кувырнулся в костер. Остроухая Белка с лаем ринулась в темноту.

— Сюды! — крикнул Маркелл.

Он был ближе к большому кедру, под которым охотники расположились на ночлег, и первым успел прыгнуть за его широкий ствол.

Мартемьян, подхватив с земли винтовку, в два скачка очутился рядом с братом. И как раз вовремя: вторая пуля щелкнула по стволу и с визгом умчалась в темноту.

— Огонь... подь он к чомору! — выругался Маркелл, трудно переводя дыхание.

Костер, залитый было выплеснувшейся из котелка сухарницей, вспыхнул с новой силой. Огонь добрался до сухих сучьев и охватил их высоким бездымным пламенем.

Положение было отчаянное. Яркий свет слепил охотникам глаза. Они не видели ничего за тесным кругом деревьев, обступивших елань[2]. Защищаться, отстреливаясь, не могли.

А оттуда, из черного брюха ночи, освещенная елань была как на ладони, и чьи-то глаза следили за каждым их движением.

Но Мартемьян сказал совсем спокойно:

— Однако ништо. Белка скажет, откуда он заходить станет. Вокруг лесины отуряться[3] — не достанет.

В этих немногих словах было все: и признание опасности, и точное указание, как ее избегнуть.

— Цел? — спросил Маркелл.

— В казанок[4] угодила, — просто ответил Мартемьян.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Неподвижно стояли, вплотную прижавшись к жесткой коре дерева, и вслушивались в удаляющийся лай собаки.

Эти два человека и сроду не были болтливы — они стыдились лишних слов. В тайге они родились, в тайге прожили вдвоем всю свою долгую жизнь. Старшему шел уже седьмой десяток, младшему — шестой. Кто бы сказал это, глядя на их прямые плечи, крепкие спины? Громадные, с волосатыми лицами, они стояли у темного кедра, как два поднявшихся на дыбы зверя.

Нападение не требовало объяснения: в руках у братьев было сокровище.

На плече у Мартемьяна висел кожаный мешок. Мешок был из толстой, грубой кожи, заскоружный и грязный. Но лежало в нем то, что считалось дороже золота: тщательно снятые, высушенные и вывернутые блестящей шерсткой внутрь шкурки застреленных ими соболей.

Слишком трудно дается осторожный зверек добытчику, слишком часто в тайге лихие

люди пытались отнять у промышленника его драгоценную добычу. Братья носили мешок на себе поочередно, ни на минуту с ним не расставаясь.

Враг умудрился застать их врасплох. Оставалось только прятаться от его невидимой руки, пока сам собой не потухнет костер.

И оба молчали, потому что знали, каждый думает так же.

Лай Белки подвигался вправо; они, хоронясь за стволом, переступали влево.

Слышно было, как собака настигла скрытого тьмой человека, кинулась на него.

«Дура... застрелит!» — подумал Мартемьян. И от этой мысли у него сразу похолодели ноги.

Внезапно лай оборвался придушенным хрипом. В разом наступившей тишине раздался глухой шум падения тела и сейчас же — шуршанье судорожно скребущих землю лап.

— Шайтан... Белку! — вскрикнул Мартемьян и уже на бегу крикнул брату: — Стой!

Маркелл во всем привык слушаться старшего брата. Так повелось с детских лет, так осталось и до старости.

Он с тревогой следил, как брат перебегает предательски освещенную елань.

Когда Мартемьян был уже у самой стены деревьев, за ней вспыхнул огонек и громыхнул выстрел.

Мартемьян выронил винтовку, споткнулся и упал.

— Бежи! — крикнул он брату. — Белку!..

Маркелл понял с полуслова: брат хотел сказать, что стрелявший пришел не за кожаным мешком, а за собакой, и что собаку надо отбить во что бы то ни стало. Маркелл выскочил из-за прикрытия и широкими прыжками кинулся через елань.

Выстрелов больше не было, но, когда Маркелл добежал до деревьев, он услышал впереди треск сучьев: кто-то тяжело убежал по тайге.

Скоро чаща преградила охотнику путь. Острый сучок полоснул его по щеке, чуть не задев глаза.

Маркелл остановился. В черном мраке впереди не видать было даже стволов деревьев, и шаги бегущего смолкли.

Маркелл сунул винтовку в чашу и, не целясь, выпалил прямо перед собой — в темноту.

Прислушался. Сзади спокойно потрескивал костер.

Маркелл вернулся к брату.

Пуля пробила Мартемьяну правую руку и чиркнула по ребрам. Рана не опасная, но крови шло много.

Согнув больную руку в локте, Маркелл туго прикрутил ее к груди брата. Кровь удалось остановить.

Братья потушили костер, улеглись на земле и молча, не смыкая глаз, стали дожидаться рассвета.

Думали о своей Белке и как ее отбить. Дороже самой драгоценной добычи охотнику его верный друг — собака.

Лучше б им лишиться кожаного мешка, чем Белки: была б собака, настреляли бы еще соболей. Теперь братья были не только ограблены, — разорены.

Такой собаки, как их Белка, больше не достанешь. Молодая — ей не было еще и четырех лет, — она уже славилась на всю округу как лучшая промысловая лайка. Щенки ее отличались редким чутьем. За каждого давали пятнадцать — двадцать рублей. За мать не раз предлагали все двести. Но братья не польстились даже на такие неслыханные деньги.

Кто мог украсть ее?

Такая белоснежная лайка была одна в округе, ее все знали. Слухи о ней живо дошли бы до хозяев.

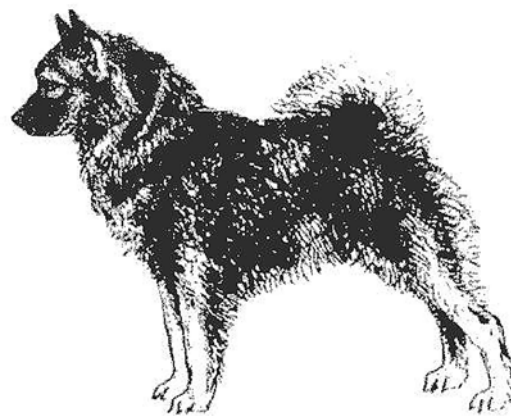
Украсть мог только тот, кто не боялся, что законные хозяева судом или силой заставят его вернуть им собаку.

Такой человек был один в округе: исправник[5].

Он не раз уже предлагал братьям продать ему Белку и всячески притеснял их за отказ. Не было сомнения, что это он подослал к ним своего человека украсть собаку. Не было сомнения, что никто из деревенских не пойдет в свидетели против него.

Братья сознавали свое полное бессилие перед полицейским там, в деревне, и в городе. Лежа рядом, они думали об одном: как поймать вора, пока он не ушел из тайги. И мысль их работала одинаково, точно на двоих была у них одна голова.

В тайгу был единственный путь — по реке. По ней заходили охотники на промысел, по ней и назад

возвращались, в деревни. Нет другого пути и вору. Его лодка припрятана, верно, где-нибудь поблизости.

Братья оставили свою лодку выше по реке. Добираться до нее — уйдет целый день.

Река близко. Если бы не тайга, не чаща, добежать до реки — полчаса. Тогда можно будет...

Было у братьев еще сокровище, отнять его у них можно было только вместе с жизнью, — верный глаз.

Только б увидеть вора, а уж пуля, направленная уверенной рукой, не даст ему ускользнуть. И тайга схоронит концы.

Едва в посеревшей темноте обозначились ближние деревья, братья поднялись с земли.

Мартемьян только поглядел на брата да передал ему кожаный мешок, и оба шагнули в одном направлении.

Им ли не знать тайги! Ощупью, в темноте, они отыскивали незаметный звериный лаз и вышли по нему на тропу.

Скользя в пробитые оленьими копытами колдобины, спотыкаясь о корни, они бежали и бежали по узкой тропе, пока не послышался впереди мерный грохот реки.

Тогда они пошли шагом, перевели дыхание, чтобы не изменил глаз, не дрогнула бы рука, если сейчас понадобится стрелять.

Ободняло[6].

Они раздвинули ветви и выглянули на реку так осторожно, точно выслеживали чуткого марала[7].

Река вздулась от обильных осенних дождей. Навстречу братьям, гремя на перекате, несся широкий бурливый поток. Он был виден далеко вперед.

Лодки на нем не было.

Братья поглядели назад. Сейчас же за ними река, обогнув мыс, круто сворачивала. Высокий лес на мысу заслонял реку за поворотом.

Если вор проскользнул уже здесь, больше они никогда его не увидят.

Один и тот же невысказанный вопрос мучил обоих: да или нет?

И глаза их шарили по волнам, точно искали на них невидимые следы проскользнувшего по ним беглеца.

Так стояли они долго. Уже солнце поднималось над тайгой, играя искрами в зыби потока.

Братья устали от бессонной ночи, от быстрого бега по тропе у них зудели ноги. Но им и в голову не приходило сесть, точно сидя они могли пропустить плывущую мимо них лодку.

Ночное нападение лишило их ужина; утром у них не было времени поесть. Но они не догадывались выгащить из-за пазухи хлеб и пожевать его.

Вдруг Маркелл — глаза его видели дальше — вскрикнул:

— Плывет!

Это было первое слово после шести часов молчания.

Дальше все произошло быстро, очень быстро, гораздо быстрее, чем можно это рассказать.

На них стремительно неслась лодка.

Маркелл первый разглядел на ее носу собаку и крикнул:

— Белка, сюды!

Видно было: собака рванулась, но ремень, завязанный у нее на шее, сбросил ее назад в лодку. Слышен был хриплый, негодующий лай, заглушенный шумом реки.

Тогда Мартемьян выдернул из повязки большую руку, левой приладил винтовку на сук, правой потянул за спуск — щелкнул выстрел.

Маркелл торопливо сказал:

— Не проймешь, брось, мешки.

Вдоль борта лодки стояли набитые землей мешки. За кормой торчало рулевое весло, но человек, управлявший им, виден не был. Пули не могли ему причинить вреда.

На мгновенье братья растерялись. Их последняя надежда рушилась.

Лодка быстро подходила. Что-то надо было предпринять сейчас, немедленно, не теряя ни минуты.

И вот, в первый раз за десятки лет, мысли братьев поскакали в разные стороны.

Старший торопливо стал перезаряжать винтовку.

Младший сорвал с себя кожаный мешок, поднял его высоко над головой, закричал, заглушая грохот потока.

— Бери соболей, отдай собаку!

В ответ ему с лодки стукнул выстрел, пуля пропела в воздухе. Лодка, держась того берега, неслась уже мимо них.

Мартемьян опустил винтовку на сук. Лицо его было страшно. Он бормотал:

— Щенят вору плодить!..
Врешь, никому не достанешься.

Большая рука плохо слушалась его, мешала быстро управиться с ружьем.

Одним прыжком Маркелл подскочил к брату. Скинул его винтовку с сука. На тот же сук опуская свою винтовку, жестко сказал:

— Молчи! Я сделаю.

И тщательно, как соболя, — зверьку надо попасть в голову, чтобы не попортить драгоценной шкурки, — стал выцеливать.

Мартемьян впился глазами в белоснежную фигуру собаки на лодке.

Белка, натянув узкий ремень, вскинулась на задних ногах, передними повисла в воздухе — рвалась через борт к хозяевам.

Еще миг — и бесценный друг, исчезнув за поворотом реки, навсегда достанется ненавистному вору.

У самого уха Мартемьяна ударил выстрел.

Мартемьян видел, как Белка сунулась вниз — мордой вперед.

Лодка исчезла.

Несколько минут братья стояли не шевелясь, глядя на волны, стремительно убегающие за мыс.

Потом старший сказал, кивнув на большую руку:

— Стяни потуже.

Из раны обильно сочилась кровь. К горлу подступала тошнота, неиспытанная слабость охватывала все громадное тело Мартемьяна.

Он закрыл глаза и не открывал их, пока брат возился с перевязкой.

Не рана его мучила: сердце еще не могло помириться с потерей любимой собаки.

Он знал, что и брат думает о ней; открыл глаза и посмотрел ему в лицо.

Левый глаз Маркелла неожиданно прищурился и хитро подмигнул ему.

«Эк его корчит!» — подумал Мартемьян и снова опустил веки.

Туго спеленатая рука наливалась тупой звериной болью.

Сильный шелест в чаще заставил его снова открыть глаза.

Не Белка — прекрасное ее привидение, всё алмазное в радуге брызг, стояло перед ним.

Собака кончила отряхиваться, бросилась на грудь Мартемьяну, лизнула в лицо, отскочила, кинулась к Маркеллу.

Секунду Мартемьян стоял неподвижно. Потом быстро наклонился, здоровой рукой подхватил обрывок ремня у Белки на шее.

На конце ремня была полукруглая выемка — след пули.

Волосатое, грубое лицо старого охотника осветилось счастливой детской улыбкой.

— Ястри тя... ладно ударил! — громко сказал он. И тут же спохватился: ведь это были лишние слова, их можно было и не говорить.

1927 г.

[1] Сухарница — скороспелое блюдо таежных охотников — размешанные в кипятке сухари с маслом и солью.

[2] Елань — поляна.

[3] Отуряться — поворачиваться вокруг оси.

[4] Казанок — котелок.

[5] Исправник — полицейский чин в царские времена. В Сибири исправники пользовались очень большой властью.

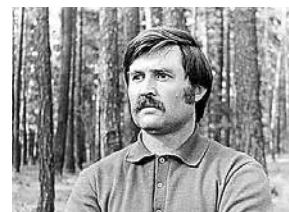
[6] Ободняло — совсем рассвело.

[7] Марал — сибирский вид благородного оленя.

Евгений Геннадьевич Гуцин (1936—2005), как известно, имел опыт работы лесником на Телецком озере. О заповеднике повествует книжка рассказов «Чепин, убивший орла» (1969), роман «Правая сторона», повесть «Храм спасения» и другие произведения. Гуцин четко видел свою задачу как работника заповедника — сначала и как писателя — потом. Вот фраза из его интервью: «Все должно остаться нетронутым для будущего, чтобы человек мог приехать и увидеть, какой была природа...».

Еще один своеобразный цикл гуцинской прозы — о современной ему деревне. Но такой деревне, которая стоит «на краю природы» и повседневно решает вопросы, которые иначе как экологическими

не назовешь. Во всех произведениях Гуцина важна экологическая проблематика, поиск должного отношения человека к природе, сопряженный с поиском самого себя.

И даже когда главный герой Гуцина не человек, а зверь (как в предлагаемом вам рассказе), мы встречаем те же проблемы — поиск своего места, сложные отношения с себе подобными и теми, кто волей-неволей становится тебе соперником в битве за выживание...

Волчья кровь

Евгений Гуцин

1

Когда солнце, скатываясь к перелескам, обожгло верхушки берез, матерый поднял голову из лунки и прислушался. Это был крупный волк, красивый в своей силе и зрелости. Шея тугая. На бурристом костлявом загривке топорщилась жесткая голубоватая шерсть, металлически поблескивала на солнце, и от этого волк казался очень прочным, отлитым из упругой голубой стали.

Кончики рыжеватых ушей подрагивали на широколобой голове. Левое ухо было рассечено надвое, что придавало волчьей морде выражение суровости. Но глаза спокойно-мудры. Осенью тащил на спине полузадушенного ягненка для волчат. Из предосторожности к логову шел безлюдной обычно, болотистой низиной. Там в то раннее утро случайный охотник поджидал уток. Увидел пробегающего неподалеку волка — пальнул вдогонку.

Заряд подарил ягненку легкую смерть, избавил от мучений в молодых, неумелых зубах. Одна картечина ужалила и матерого. Рана быстро зажила, затянулась лысой черной кожей, и теперь, казалось, у него три уха. И каждое слушает и сообщает хозяину, что творится на этой снежной равнине, побитой ржавыми веснушками кустарников и островками берез, расстелившихся застывшим дымом.

Поднимал он голову умышленно медленно. Показывал своей неспешностью отдыхающей семье, что не встревожен ничем. Просто день кончается, пустой желудок льнет к хребту, заставляет думать о добыче. Все это поняли и глядели на матерого из снежных лунок со спокойным ожиданием.

А он слушал. Долго слушал, внимательно. Окаменел весь. Плотно сомкнул челюсти и дыхание задержал. Всеми тремя ушами слушал, каждой шерстинкой.

Наступал особый вечерний час, когда одни звери и птицы готовились к ночлегу, другие — к охоте. Но все они пока притихли по норкам, ложкам и гнездам. Ждали, когда минует стык дня и ночи, и каждый займется своим делом. Только далекая сорока нарушала безмолвие этого часа: возмущенно стрекотала в березнике.

Волк сел и огляделся. Обшарил глазами ржавый кустарник, завязший в рыхлом снегу и уже распластавший по сугробам тонкие ломаные тени. Осмотрел каждый бугорок: не тронут ли чужими следами, пригляделся к далекому взгорку с забжеванными на него березами.

Там густое и теплое мартовское солнце барахталось в паутине голых ветвей, не могло выпутаться и медленно оседало вниз. Над солнцем и леском кружили несколько ворон. Видно, успели чем-то поживиться и созывали сородичей.

Матерый широко зевнул и потянулся на лапах, с хрустом разминая кости. И сразу зашевелилась вся семья. Поднялась волчица, стряхивая с округлого живота комочки талого снега. Вскочили из лунок чуть поодаль два переярка и три молодых волка. Молодым надоело лежать во время дневки и они, скалясь в улыбке, лезли к матери, заигрывали. Небольшо хватали за шею, мусолили шерсть.

Волчица недовольно изворачивалась. Показывала белые, аккуратные клыки: у нее постоянно сосало в животе от голода.

Матерый строго глянул на переярков, затеявших веселую возню, оттолкнул грудью лхнувших к матери молодых. Фыркнул, прочищая нос для новых запахов, и, широко раздвигая пальцы лап, пошел по рыхлому снегу, к березнику, над которым висели вороны.

Отойдя немного, пропустил вперед всю семью. Волчице положено идти впереди, она не подведет стаю: опытна, осторожна. Переяркам — материнский след торить, чтобы молодые не выбились из сил раньше времени. Матерому же — беречь стаю с хвоста.

Встречное солнце слепило. Матерый часто оборачивался, оглядывая почерневшие кусты, и даже тогда чувствовал кожей, как пылал березник, просвеченный густым солнцем. Боковым зрением он видел четкие синие тени обочь следа, когда волчица брала в сторону, обходя занесенные снегом буераки, и на его морде появлялась недовольная гримаса.

Тени не отставали ни на шаг, и он хотел, чтобы солнце поскорее скатилось к подножьям деревьев, потухло, как головешка от охотничьего костра. Тогда их тени исчезнут. Они сами станут тенями, наступит их, волчье время.

Волчица шла не быстро. Она была уже тяжела, да и лапы увязали в глубоком, набухшем снегу. Бока ее потемнели от пота, шерсть слиплась. Из приоткрытой пасти рвались клочки пара. Но березник был уже совсем близко. Над ним по-прежнему кружили вороны и ныряли вниз, и волчица прибавила ходу. Молодые приотстали, сбиваясь со следа, и отец их легонько подталкивал. Он не любил, когда семья растягивалась: так она более заметна.

По березнику проходила хорошо накатанная дорога. Ржаво поблескивала санной колеёй, чернела комьями конского навоза. Посреди дороги, будто ветер ворошил лохмотья, копошились вороны, склевывая овес, просыпанный мужиками. Неподалеку на низком суку березы трещала сорока. Ее не подпускали к поживе.

Увидев волков, вороны перестали клевать. Замерли, выжидая: может, пришьельцы обегут их стороной. Но те уже перемахнули через ноздреватый придорожный сугроб и, приплюхиваясь, — к ним напрямик. Вороны неохотно взлетели. Покружили и стали моститься на верхушках берез, кося вниз тусклым глазом. На всякий случай убралась подальше и осторожная сорока.

Волки подобрали овес, покрутились — больше ничего нет и побежали по дороге мелкой рысью, приплюхиваясь к конским котухам, к смерзшимся ошметьям силоса.

Хорошо бежать по гладкой дороге. Ноги сами несут. Не вязнут, не скользят. Эту дорогу матерый любил. По ней в трескучие морозы, когда на лесную добычу надежды не было, бегал в деревню и всегда возвращался с поживой, не оставив следов. Если же недалеко отсюда свернуть в сторону, мелкоснежной бровкой легко добраться до заболоченной низины. Там, в тальниковых кустарниках, часто кормятся и устраивают лежки лоси. Вечер нынче теплый. Снег размяк — неслышный. Слабый ветерок дует — как раз для охоты.

Повеселел матерый, хвост вытянул со спиной вровень. Добродушно поглядывал на переярков и молодых. А они играли на ходу. Весело скалясь, кидались друг на друга, хватили за горло. А что им не играть, не радоваться жизни, если наступает их время жить?

Волчица и та улыбается приоткрытой пастью. Учюяла запах подтаявшей за день земли, взволновалась. Скоро заляжет она в старой своей норе у высокого речного берега. В страхе и радости станет ожидать нового потомства.

Лето — время сытное, доброе. Поведет она головастых, неуклюжих волчат на ягодную поляну — животы укреплять, и не надо будет следы запутывать. Летом все равно: злой ли пробежал зверь, добрый ли — примятая трава расправится, всех покроет.

Солнце уже затухало под деревьями, когда матерый услышал впереди скрип полозьев, бречанье лошадиных сбруй и тонкие людские голоса. Волчица резко осаждала, так, что переярки с маху налетели на нее. Она отпрыгнула в сторону. Оглянулась на матерого, тяжело дыша.

Из-за поворота вывернулись и катились под уклон, навстречу волкам, три подводы, косо высвеченные последними лучами солнца. Длинные, уродливые тени лошадей и санных возов скакали по сугробам. От этого и лошади, и подводы казались неправдоподобно огромными, страшными.

Волчица высоко задрала морду, втягивая ноздрями влажный воздух. Ветерок обогнал обоз, принес сладковатый запах лошадиного пота и прелого сена. Волк разглядывал нарастающие подводы. Возы невысоко горбились сеном. На головном и последнем болотными кочками лежали мужики в шубах. Под руками — ничего, лишь вожжи.

Матерый не почувствовал опасности и решил поблизости переждать, пока проедет обоз. Он сошел с дороги, сел в снег под березой. Волчица устроилась рядом. Каждой мышцей напрягивалась. Уже не за себя боялась, за будущих волчат.

Переярки и молодые нерешительно топтались перед родителями, и волк показал им зубы. Те покорно спрятались за спинами старших. Сбились плотной кучей, исподлобья глядя на дорогу.

Головная лошадь вдруг захрапела, вразнобой забила копытами. Норовила вырваться из оглобеля, но сани катились под уклон, не давали остановиться.

Мужик встрепенулся на возу, вскочил на колени, разметав полы шубы. Что-то прокричал тонким, испуганным голосом другому мужику. Задний возница тоже вскочил, закричал, замахал руками. Теперь все лошади храпели и бороздили подковами накатанную дорогу, пытаясь остановиться.

Передний мужик горланил, не уставая, отчаянно раскручивал над головой концы вожжей. Его лошадь, дико закатив глаза и дрожа всем крупом, лезла на грязный сугроб, застревая ногами в глубоком снегу. Но в это время другая налетела на ее воз, зарылась мордой в сено, заржала от боли и страха.

Передняя инстинктивно дернулась, сани подтолкнули ее, она боком вырвалась из сугроба и понесла вперед, кося белым глазом на сидящих в каменной неподвижности волков. Седок от рывка едва не свалился назад, под копыта следом бегущей лошади, но успел зацепиться за веревку и пластом лежал на возу, верещал пронзительно, как загнанный насмерть заяц.

Проносясь мимо волков, уставил на них молодое большеротое лицо, искореженное страхом. Свободной рукой раскручивал вожжи над головой. Ждал: вот-вот стая метнется наперерез его саням. И вон тот, пока еще неподвижный зверь с толстой шеей, прямо и просто глядящий на него, первым взлетит к горлу коня, хрястнет челюстями, и вся стая насыдет на бьющуюся в судорогах лошадь, и неизвестно, что будет с ним самими.

Однако стая не шелохнулась, и на лице, на котором, казалось, остался один черный кричащий рот, мелькнула надежда. Проскочив опасное место, он долго еще глядел назад. Вторая лошадь не отставала, норовила спрятать морду в сено переднего воза — так ей было спокойнее.

Когда проносились третьи сани, возница отчаянно свистнул, сорвал с головы шапку, пустил в волков. Молодые шарахнулись от летящего к ним предмета, напоминающего мертвую ворону, завязли в снегу. Обоз пролетел мимо, обдав волков снежной пылью из-под копыт, запахом прелого сена и лошадиного пота.

Человеческий крик еще долго дрожал над дорогой и потерялся за поворотом. Тогда матерый подошел к черневшей в снегу шапке, обнюхал ее издали. Переярки и молодые жадно нюхали, заливки их щетинились.

Солнце совсем потухло, и волки стали теньями. Осмелели и уже по-хозяйски трусили по дороге. Наступило их время жить. Зайцы, лисы, все крупные и мелкие звери в этом лесу и в этой степи теперь принадлежали волкам. Днем человек тут хозяин, ночью — они. У человека нет врага, кроме волка, у волка — кроме человека. Возле своротка они уступили дорогу грузовику, который, гремя пустыми флягами в кузове и мигая красным глазом, исчез за перелеском.

Стемнело, когда стая подошла к спуску в заболоченную низину. Волки сели под гребень снежного надува, глядели вниз. Там было синее, сумрачно. Заснеженный луг темнел расплывчатыми островками кустарников. Дальше луг переходил в пойму реки, и там все было растушевано мраком.

Матерый потянул носом воздух. Из низины дул сырой ветер, пустой, без запаха живого. И матерый не мигая глядел вниз, в синеву, ожидая, когда глаза привыкнут к местности и мраку и он увидит еле приметные лисьи стежки и глубокие следы лосей. Следы он скоро обнаружил и по ним понял, что лоси на ночь пришли из поймы и расположились где-то в кустарниках. Он искал их, заостенев на месте. Волчица тоже искала.

И вдруг ее уши дрогнули. Внизу, с краю кустарника прошуршала ветка. Глаза волков привыкли к темноте, до мельчайших подробностей запомнили расположение отдельных кустов, уши слушали тишину, и слабый звук не мог остаться незамеченным. Снова чуть дрогнули уши волчицы. Она подавала знак. Но волк уже и сам видел, как неестественно склонилась одна из ветвей. Видимо, лось, ворочаясь, задел головой куст.

Волчица скосила глаза на матерого. Его взгляд разрешал. И она мягко двинулась вперед. Рыхлый снег был тих, скрадывал звук шагов: не скрипел, не хрустел, податливо оседал под тяжестью тела. Склон миновали быстро и потом долго еще шли гуськом по глубокому снегу луга, маскируясь за редкими кустами.

Когда впереди замаячили те самые кусты, волчица легла, наострила уши. Теперь сырой ветер нес запах влажной лосиной шерсти и помета. Глаза матерого стали колючие.

Дальше волки поползли, прячась за снежными неровностями, глубоко вминаясь в снег, ни на минуту не выпуская из поля зрения тальниковый кустарник.

Было уже недалеко, и матерый нарушил строй, лег рядом с волчицей, чувствуя прикосновение ее теплого бока. Лежали слушая. Но кругом было тихо.

Он лизнул ее холодный нос и пополз, чтобы обойти кустарник с тыла и отрезать лосям путь отступления в пойму. За ним неслышно двинулись молодые. Потянулись было за отцом и переярки, но мать остановила их взглядом. И они покорно легли, положив острые морды на вытянутые лапы.

Волчица, прижав уши, неотрывно следила, как ползли матерый и молодые. Они были совсем неприметны. За ними тянулась синеватая бороздка, плавной дугой очерчивая кусты.

И когда три серые тени замерли вдалеке, растворились, поползла и матерая, чувствуя затылком теплое дыхание переярков.

Кусты наплывали, разрастались. Сильный лосиный дух щекотал ноздри, пьянил. Вдруг зашуршало в черноте кустов, и на фоне снега показался силуэт большой горбоносой головы. Бык оглядывался, шевеля ушами. На голове явственно виднелись буторки коронок. Комолый бык, копыта — единственная защита. Лось настороженно поворачивал морду: чуял опасность.

Дальше скрываться было бесполезно: бык громко фыркал, почуяв волков, и матерая, пружиной вылетев из-за укрытия, на махах пошла к кустам. Но ее сразу же с боков обогнали переярки. Комья рыхлого снега летели из-под их лап. Сильные были звери, и мать, искося ревниво поглядывая на них, радовалась.

Кусты впереди затрещали: лоси поднялись. Теперь их хорошо было видно на светлом фоне снега. Бык, огромный, как скала, возбужденно фыркал, высоко подняв комолую голову. Сзади к нему жалась лосиха и два лосенка.

Волчица видела, как лосиха с лосятами вдруг отделились и плавно, невесомо, словно на крыльях, полетели в синий мрак поймы. Рваная тропа пролегла за ними. Лоси не пошли мимо тех кустов, где затаился матерый с молодыми, и теперь не догнать по глубокоснежью этих длинноногих зверей.

Но бык не уходил. Низко пригнув свою легкую голову, бил копытами снег, часто оглядывался назад, на тропу к пойме. Но, видно, не время еще уходить ему. Пусть семья подальше оторвется. И с готовностью шагнул навстречу волчице.

Она шарахнулась в сторону, едва не попав под копыта. И сразу же на быка с двух сторон надели переярки, отвлекли от матери. Лось бросился на переярков, и те тоже отскочили, почти сели на хвосты. И бык осмелел. Круто развернувшись и длинно взбрыкнув задними ногами, с треском ломая засыпанный снегом низкий кустарник, рванулся к тропе, по которой ушла его семья.

И — остановился как вкопанный. Наперерез ему шли матерый с молодыми. Лося взяли в кольцо, и кольцо сжималось. Волки подходили все ближе, ошестинясь, кружили вокруг быка, молодые и переярки косились на матерого, ожидая его знака.

Лось, огромный, черный, тоскливо оглядывался и шумно дышал носом, будто отгонял назойливых комаров. Матерый, прицелившись, ждал; когда лось повернулся к нему боком, прыгнул ему на шею. Но зверь секундой раньше шарахнулся от подбиравшегося к нему боком переярка. Зубы матерого скользнули по шее лося и, клацнув, он скатился под ноги быку, заранее вжимаясь в снег.

Бык налетел, ударил копытом, и затоптал бы, не повисни у него на шее два переярка. Один тут же сорвался под копыта, хрипло взвизгнул, когда бык наступил на него, шарахаясь в кусты.

И тогда метнулась волчица.

Лось захрипел, пошатнулся, судорожно шагнул на чистое место и рухнул в снег, едва не придавив молодых. Насевшая волчица и переярки рвали горло. Запах свежей крови дымно повис над кустами.

А рядышком лежал переярочек на боку, почернив кровью снег. Лапы его подергивались, словно еще бежал. Мать обнюхала его морду и потянула за загривок, как в детстве. Но обмякший переярочек не поднялся, не потянулся вместе с молодыми к добыче.

Волчица вернулась к туше, где молодые, упершись лапами, выдирали внутренности, она отхватила мягкий, дымный кусок, подтащила к самой морде переярка, но он не разжал челюстей. Она посмотрела в недоумении, как тот судорожно бьется в снегу, легла рядом, стала лизать его морду. Лизала, пока переярочек не затих. Подошел, пошатываясь, матерый, лизнул переярка и сел рядом.

Молодые ели торопливо, давились и стонали. Родители подошли к ним. Но матерый только понюхал добычу и отошел. Есть он не мог. Его тошнило, в глазах расплывались огненные круги. Он полез в густоту кустов, потому что вытоптать лунку не было уже сил. Лег там на ломаные холодные прутья и сразу же синий мрак растворился.

А утром, когда на востоке ало набухала заря, тишина раскололась выстрелами. Волк открыл глаза и увидел, как, в смертельном страхе выметаясь из лунок, молодые тут же, корчась, падали в снег и уже не поднимались. Переярочек, ошестинившись и затравленно поджав хвост, крутился на месте, будто хотел втоптать в лунку поглубже, резко вздрогнул, выгнулся и зарылся мордой в снег.

Матерый и волчица лежали в кустах, отдельно от детей. Кусты еще хранили ночной сумрак, и их не было видно. Матерые не вскочили от первых выстрелов, затаились опытно.

И когда люди в белых накидках поднялись из укрытий и, громко переговариваясь, шли к добыче, матерые метнулись из кустов на лосиную тропу, на махах уходя в пойму.

Опережая их, с визгом легли заряды картечи, жужжа оводами. Волки не остановились, не свернули с тропы, лишь прижали уши. Серыми призраками широким махом скакали туда, где за горизонтом ворочалось солнце, где было красно и дымно.

II

К вечеру третьего дня, когда снег и небо стали одного цвета, ему удалось поймать зайца. Он держал добычу за перекушенную шею, ощущая во рту солоноватый вкус теплой крови. Впалые бока его пульсировали короткими тугими толчками, гнали сквозь неплотно сомкнутые зубы сизые струйки пара.

Он держал зайца на весу, хотя мягкая шерсть, набившаяся в пасть, мешала дышать, и смотрел, как по скрипучему насту голубоватой тенью катилась волчица.

Она подходила к нему медленно, вытянув шею и принохиваясь. Нервно поводила носом, глядя на добычу сузвившимися, льдисто мерцающими глазами.

Волк не двигался. Его покачивало от сумасшедшей гонки по сугробам, окончательно высосавшей силы. Тогда волчица показала белые, аккуратные клыки. Он уронил зайца в снег, побитый бурными оспинками, и отошел.

Небо темнело, и снег темнел. Набрали силу морозные звезды, и наст засветился мелкими иглистыми искрами. Волк лежал на колючем снегу, слизывая с лап пристывшие капли заячьей крови. Он слушал сочный хруст раздробляемых костей, и у него с губ текла слюна, а в животе что-то дергалось и екало.

На волчицу поглядывал искоса и осторожно. Но иногда взгляд помимо воли затвердевал на истерзанном зайце. Тогда волчица переставала есть, поджимала верхнюю губу, обнажая аккуратные клыки, и он уводил глаза на стальные тонкоствольные березки, с показным вниманием рассматривая их черные ветки, вмороженные в хрусткую наснежь.

Когда с едой было покончено, волчица поскрипела мятым снегом, обнюхивая место, лениво зевнула и, облизываясь, отошла к березкам, за которыми потрескивала черным льдом речка с рыжеватым тальником у берегов.

Волк поднялся покачиваясь: его тошнило. Горло перехватывали спазмы. Он крутил шеей, но голод не уходил. На глаза наволакивалась мутная пелена. На мятом снегу шевелились едва заметные в сумерках клочья заячьей шерсти. Ноги сами повели туда. Стал лизать окровавленный снег, но голод лишь усилился от резкого, дразнящего запаха. Легкий пух прилипал к носу, и волк брезгливо очищал его о лапы.

Волчица неподвижно стояла под березками и смотрела за реку, где в синем сумраке, прорезанном столбами дыма, мерцали редкие огни домов... Матерый боком подошел, положил ей на шею свою отяжелевшую голову. Но та ласки не приняла, огрызнулась беззлобно, покрутилась на одном месте и легла в лунку, свернувшись в клубок. Зарылась носом в хвост, смежила веки и умиротворенно вздохнула.

Матерый постоял, обиженно глядя на подругу, потоптался и лег, ловя далекие звуки на той стороне. Но голод не давал лежать, гнал с места. Зудились подушечки лап, он скреб ими по твердому насту, унимая противный зуд.

Нюх обострился так, что учуял под сугробом слабый запах полевой мыши, и, пересилив отвращение, он стал судорожно разрывать когтями смерзшийся снег. Комья снега и серебристая пыль летели из-под мелькающих лап. Но запах мыши скоро исчез, и волк долго не мог успокоиться. Суегливо ворочал мордой, надеясь увидеть маленький теплый комочек или хотя бы услышать писк.

Потом он снова лег, положив на лапы острую, красивую морду. Не мигая глядел на растущеванные поздним сумраком куски домов и горбатые спины стогов возле них. Ждал, когда погаснут огни.

Их преследовали три дня, не давая ни отдохнуть, ни добыть пищи. Спасло резкое похолодание. Выпал пушистый снег, наст промерз, окреп. Лапы уже не проваливались. Морозный снег скрипел, не давал людям подойти на убойную близость к волкам, и они отстали, ушли в деревню.

Оставаться в той округе было опасно. Переждав морозы, люди могли снова появиться. Однако матерым далеко уходить не хотелось. Здесь недалеко их логово, здесь их кормовые уголья. Идти в чужие места — набросятся свои же собратья. И волк, дав несколько кругов, путая следы, привел волчицу к деревне. Здесь их меньше всего могли ждать.

Небо темнело, и снег темнел. Исчезли сизые столбы в небе, растворились тени домов, лишь огни высветлились. Стали ярче и чище. В селе лениво лаяли собаки, скрипели полозья запоздалых саней. Потом долетел звонкий удар с противоположного берега.

Волк напрягся, готовый мгновенно сорваться со своей лежки. Волчица подняла голову, прислушалась. Потом еще долетели звонкие удары ведра, пробивающего дном лед в проруби, и волки, не почуяв опасности, успокоились.

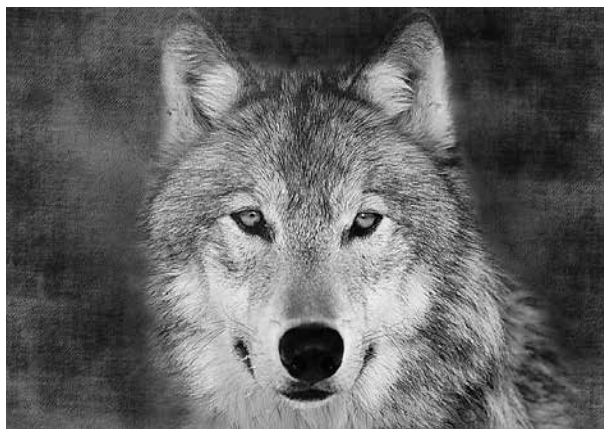
Вскоре все стихло. Один за другим погасли огни, и село утонуло во мраке. Собаки лаяли реже, с подвывом, в никуда, словно тосковали по давно утерянной воле. Встреч с ними в селе матерый не желал: истощный лай мог привлечь людей. Вот если бы подкараулить собаку в поле... Но собаки без хозяев не уходят от дома. Они не нуждаются в добыче. Хозяин прокормит.

Наконец волк стал подниматься, отрывая от снега примерзшую шерсть. Волчица глядела на него, и с лежки не вставала. Ей было тепло и сытно. Нос утрелся в заиндевевшем

от дыхания хвосте. Она наслаждалась покоем и сытостью, которые в ее жизни случались не часто.

Но матерый нетерпеливо ходил вокруг нее, и волчица неохотно поднялась. Лениво потянулась и зевнула. Волк посмотрел на подругу, на спящее невидимое село и легкой рысцой пошел к реке, резко втягивая в ноздри колкий, бодрящий воздух.

Возле того берега была прорубь. Матерый осторожно подошел к ней, кривя нос от свежего запаха паленой шерсти: человек приходил в валенках. Волк всегда боялся человека, с самого рождения в нем уже был страх к этому не похожему ни на птиц, ни на зверей существу. Он был особой, непонятной породы. Он мог пахнуть овцой, собакой, лошастью. Обряжаясь в чужие запахи, человек был особенно страшен.

Волку и сейчас было страшно, но голод гнал к своему извечному врагу, где он мог получить либо пищу, либо жакан в бок. Дикого зверя матерый взять уже не рассчитывал: ослабел от болезни и голода. Он тронул передней лапой гибкий ледок, продавил, и на лед выступила черная вода.

Опустив морду, беззвучно втягивал губами ледяную воду, чувствуя, как ее холод ползет в брюхо. Голод немножко унялся. Матерый лег на еле заметную в темноте скользкую тропинку, ожидая волчицу. Та пила долго, с передышками. Испуганно озираясь, роняла с губ тяжелые капли.

Село заснуло, лишь собаки не спали. Матерый прислушался и, оглянувшись на подругу, легонько потрусил на некрутой взгорок. Отлеживаясь на той стороне, скопил немного сил и берег их. Волчица хотела по привычке обогнать его, но он не дал и, лишь проступили очертания ближнего дома, загородил ей грудь дорогу.

Он хотел, чтобы она приотсталала, держалась ближе к стогам. Возле ограды крайнего дома они снова прилегли, зорко вглядываясь в окружающее. Слушали, как потрескивали от мороза бревна избы, тоскливо подвывала собака на другом конце села.

Волки внимательно изучали двор и подходы к нему. Во дворе, примыкая к глухой стене избы, проглядывался низкий бревенчатый хлев с бутром сена на крыше. Дверь избы была на противоположной стороне. Место для подхода удобное.

Подождав немного, матерый решился. Сделал несколько осторожных шагов к жердяной ограде и оглянулся. Волчица с опаской смотрела в черноту двора, но шла следом. Матерый остановил ее взглядом. Она легла и продолжала ползти, и тогда матерый показал ей зубы.

Чтобы попасть к хлеву, надо было миновать забор. Между жердинами можно было проползти на брюхе, но волк не рискнул лезть в щель. Неуверенно переставляя лапы, словно пробуя прочность собачьей тропы, подошел к ограде. Недоверчиво обнюхал корявый столбик, по бокам которого крепились заледеневшие жерди.

Столбик пах собаками, и волк помочился на него. На миг прислушался. В темноте больше доверял слуху, оглянулся на тревожно сжавшуюся подругу и легко прыгнул через жерди. Расстояние до хлева одолел широкими прыжками и замер на черном фоне стены. Волчицу он теперь не видел, но чувствовал, что она лежит за забором, следит за ним испуганными глазами. Ей нельзя рисковать, волчата не должны погибнуть, не родившись. Они, как и их родители, должны все испытать: и голод, и страх, и любовь, и боль.

Матерый пошел вдоль стены, обнюхивая бревна. В огород из хлева выходило маленькое окошечко. Под ним чернели комья стылого овечьего навоза. Он возбужденно обнюхал подножье стены, встал, упершись передними лапами в бревна, прижал нос к холодному стеклу. Стекло оказалось заледеневшим. Тогда уперся лбом в перекладину и сильно надавил.

Рама закрипела и с глухим звоном упала внутрь. Тотчас в ноздри ударил теплый, застоявшийся дух овчарни. И сразу услышал дробный перестук овечьих ног по полу, сдавленное блеянье сбившихся в кучу животных.

Он на миг задохнулся от возбуждения, сердце зачестило. Положил передние лапы на подоконник и, судорожно царапая стену задними, карабкался в черный провал. Легкое тело послушно повиновалось, силы еще были.

Оставалось немного: рвануться сильнее, упасть в черноту, и все забудется — и голодные ночи, когда желудок примерзает к спине, и бешеные гонки за вертким зайцем. Он полоснет резцами первую подвернувшуюся овцу и, пьянея от горячей крови, будет метаться по хлеву и резать, резать. Но когда матерый уже переваливался грудью через узкий подоконник, что-то резкое, горячее впилося в его заднюю лапу, полоснуло острой болью и потянуло назад.

От неожиданности волк щелкнул зубами и дернул мордой, сильно поранив голову о торчащий из косяка гвоздь. Но боль от гвоздя была пустячной по сравнению с той, что в лапе.

Невидимые челюсти до хруста сжимали ее и тянули вниз так, что резало грудь, трущуюся о подоконник. Извиваясь, матерый вывалился в колючий твердый снег.

И не успел волк встать на ноги, как его сбил грудью рослый черный кобель с коротко торчащими ушами и толстой шеей. Волк, лежа на спине, щелкал зубами и пытался встать, но пес не давал. Злобно лая, наседал, примеривался к горлу.

Волк понимал: долго ему так не продержаться. Пес откормлен, силен, а он тощ, измучен голодом. Только звериная молниеносность может спасти от сильного, но недостаточно ловкого врага, своим лаем призывающего людей на помощь.

Он остервенело дернулся навстречу собачьей морде, тот отшатнулся, и волк мгновенно вскочил и тут же поджал заднюю лапу — она нестерпимо ныла. Пес наскакивал, пытался исправить оплошность, а матерый подставлял зад. Выбирал миг, когда можно будет пружинно развернуться и полоснуть клыками собачий бок от лопатки до хвоста. Матерый был опытен в драке, не раз отбивал волчицу от наскоков сильных молодых волков.

Пес, привыкший к лобовой драке, стал нервничать и сплюховал: подставил-таки бок. Тогда круто развернувшись, матерый ударил собаку острыми, загнутыми назад клыками, но... помешала перекушенная лапа и густая шерсть собаки. Пес завизжал и, захлебываясь, снова бросился на волка. Смел он был и силен — и сбил волка. Истошно подвывая, пес вырывал ключья из волчьего бока, и матерый молча принимал удары. Силы его уже оставили.

Волк все чаще промахивался. Дышать мешала собачья шерсть, забившая горло. А пес наседал сверху, подбирался к шее... Матерый отчаялся: вскочил из последних сил и на трех лапах проволок по снегу врага, вцепившегося в загривок. Пес, упершись передними лапами в волчий бок, не давал ему уйти, тряс мордой, захватывая в пасть все больший кусок загривка.

Матерый захрипел и перевернулся через голову. Кобель от неожиданности разжал зубы и отскочил. Уже обессиленный, истекающий кровью, волк успел полоснуть пса от лопатки к животу. Теперь он чувствовал, как трещала под резцами шкура собаки, которая тут же отчаянно взвизгнула и откатилась, хромая.

Вой поверженного врага придавал ярости. Волк бросился на пса, и они покатались по снегу, задыхаясь и клацая зубами.

В доме резко скрипнула дверь. Послышался торопливый топот по мерзлым доскам крыльца, потом скрип снега. Матерый заметил силуэт бегущего к ним человека и попытался вырваться. Но у собаки при виде хозяина прибавилось решимости и сил. Хрипло, обессиленно лая, он не пустил волка.

Человек подскочил к клубку катающихся тел, сжимая в руках ружье. Тяжело дыша, рассматривал противников. Потом бросился к изгороди. Прислонив к столбу ружье, стал ломать жердь. Сорвал с гвоздя один конец, развернул жердь, со скрежетом освободил второй конец.

Человек не решался ударить, боясь зацепить свою собаку, и стал распихивать дерущихся концом жердины. Отпихнув кобеля, он с изумлением смотрел на извивающегося и клацающего зубами противника.

— Волк! — вдруг крикнул сорвавшимся голосом и ткнул жердью в мягкий бок. Пес в горячке кинулся снова, но хозяин сапогом пнул его и размахнулся.

Из дома бежали мальчишка и женщина.

— Ванька! — заорал человек с жердиной. — Волки!

— Где? — запальчиво откликнулся мальчишка и остановился, пугливо глядя в черноту поля за оградой.

— Одного добиваю. Наверно, еще есть... Вон ружье возле заплота, пальни. — Он размахнулся и с придыхом опустил конец жерди. Но в голову не попал из-за торопливости, да и руки дрожали. Хрусткий удар пришелся поперек спины.

Тутая боль запеленала волка. Он дернулся от выстрела, напоследок увидел небо, черное, прорезанное пламенем. Выгнулся и затих, давясь кровью, которая шла горлом, черня и растапливая снег. Но волк был еще жив.словно издалека слышался жалобный визг собаки, которую осматривали люди.

Мальчишка сбежал за фонарем. Тонкий, желтый луч уперся в черный, часто вздымающийся бок собаки. Волк был влажный, поблескивал густо и дымился под светом.

— Я сначала думал, с каким кобелем сцепился, — лихорадочно говорил мужик. — А глянул — на те, волк! Лежит, щерится, зараза. Ну, я ему и врезал... Ну-ка, мать, поддержи лапу, тут что-то под лопаткой...

— Кровь, — испуганно сказал мальчишка, отклоняясь.

— То-ошно... Надо бы чем-то прижечь.

— Чем тут прижгешь? Зашивать надо. Ну-ка, Ванька, живо бинты! — мужик поднялся, разогнул спину, устало, горестно цокнул языком. — Ты смотри, всего кобеля порвал, за-ра-за... — Сверлящий луч фонаря перекинулся с собаки, скользнул по мокрому волчьему боку, по оскаленной морде. Глаза ответно вспыхнули зеленым. Женщина попятилась.

— Неужто еще живой? — удивился мужик. Не уводя света от волка, присел, свободной рукой шаря по снегу. — Глазищи еще горят. Живучий какой. Подержи-ка, мать, фонарь...

Жгучий пучок света на миг перебила узкая тень поднимающейся жердины.

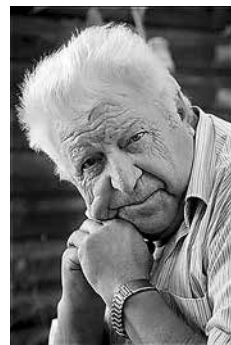

Говоря об экологической теме в литературе края, нельзя не вспомнить Владимира Свинцова (1938—2008), много писавшего о природе, о нашем к ней отношении. О том, что родной Алтай надо любить и защищать. Видеть не только достоинства, но и проблемы. Сам Владимир Борисович говорил так: «Природа Алтая богата и разнообразна: все те же разливы рек и озер, изумрудная зелень реликтовых боров, кудрявых березняков и поля необъятные — посева пшеницы и ржи. Правда, сквозь изумрудную зелень проглядывают проплешины — вырубки, пожарища, да и кудри у берез порастрепались, а рядом с посевами пшеницы пустуют поля, заросшие бурьяном».

Герои Свинцова, братья наши меньшие, иногда дают нам всем уроки правильного отношения к миру. Как в рассказе, который мы публикуем сегодня, — простой (ну, чуть сказочный) заяц оказывает-

ся куда мудрее и нравственнее горе-охотников. Здесь мы видим Свинцова-сатирика, обличителя.

И долго будут помниться слова писателя, обращенные ко всем жителям Алтая: «Родной Алтай, благодатный богатый Алтай! Он нам дан на века. Он — наш! И задача людей, живущих здесь, нас с вами, сохранить и преумножить эти богатства. Для этого нужно любить Алтай сильно, самозабвенно и с обязательной отдачей от каждого. От каждого!». Вот это и есть настоящая экология — высшего, нравственного порядка.

Зайкины истории

Владимир Свинцов

История первая. Однажды на охоте

Утром ранним спит Заяк на стогу сена, на самом верху. Спит сладко после беспокойной ночи — нарвался на Лису, еле лапы унес. Повезло Заяке, Лиса заумная попалась, не погналась по прямой — отжимать от кустов стала. От этих хитростей у Заяки испытанный прием есть — три скачка в сторону, петля длинная, петля короткая, спрыгнул в овраг, вернулся назад по своему следу, сиганул изо всей силы в сторону и лег в бурьяне на пригорке.

Лиса раз пять мимо прошастала, да так ни с чем и убралась восвояси. Покусал Заяк отавы зеленой, вкусной да молоденьких веточек вербы и забрался на стог сена. Сверху ему хорошо видно вокруг и в случае чего спрыгнуть можно в любую сторону. Спит Заяк. Сладко утром спится. Вдруг, чу! Человеческие голоса! Замер Заяк, дыхание затаил, ухо растрюбом вниз, к подножию стога направил. Слушает.

— Все, Витька, перекур, мать-перемать! — произнес кто-то басовито, хрипло. Голос знакомый.

— Иван Иванович, давай хоть вокруг стога обойдем, — попросил голос молодой, звонкий. «Этот — Витька, значит», — понял Заяк.

— Подь ты! — возмутился Иван Иванович. — Учить меня будешь, мать-перемать.

— Не ругайся, — несмело попросил Витька. — Чего ты ругаешься?

— Не ругань это, мать-перемать, а связка для красного словца. Точно-точно! Один очень ученый человек сказал. Правда, не охотник он, но верить ему можно. Не ругань это, а чтобы красиво было связано, мать-перемать. Понял? — объяснил Иван Иванович своему спутнику.

— Ладно, пусть так, — согласился Витька. — А когда охотиться начнем, Иван Иванович?

— Витька, мать-перемать, ни хрена ты в охоте не понимаешь. Заяц в такую хорошую погоду нас за версту чует и уже смотал в соседний район. На зайца в ветер, в дождь ходить надо. Он тогда ни хрена не слышит, а ты его из-под ветра скрадываешь... Подходишь на десять метров! Из левого ствола — бабах! Из правого — бабах! И он готов! Понял? Мать-перемать! Я их, знаешь, сколько наколотил?! У-у! Развязывай рюкзак. Перекусим. Все тебе расскажу.

Витька человек новый, а Ивана Ивановича Заяк знал давно. Уже года четыре. Подполз Заяк к краю стога, заглянул вниз.

— Шелестит кто-то на стогу! — Вскинулся Витька.

«Надо же какой чуткий!» — отметил Заяк.

— Сиди, — одернул его Иван Иванович. — Мыши это. На зиму в стог набиваются тыщци! Наливай давай! Мать-перемать!

Имел Заяк опыт. Все-таки пять зим и лет прожил на белом свете и еще живой. Нужно быть предельно осторожным, пока охотники не побулькают маленько. После второго бульканья уже ничего, уже не страшно. Зато после третьего-о-о! После третьего — можно рюкзак утащить (так мешок у охотников называется). А в рюкзаке хлеб городской — вку-усный!

Побулькали хорошо. Дымком потянуло. Дымок этот не опасен. Воняет только. Охотники этот дымок изо рта и из носа выдувают.

— Я этих зайцев, мать-перемать, — начал расслабленным голосом Иван Иванович. — Тыщцу, наверное, набил. Бывалоча... — он прервался и спросил с тревогой: — Сколько у нас этого... Три? Тогда годится. Тогда нормально. Наливай еще по одной.

— Может, походим? — робко спросил Витька. — Ведь не охотничали совсем.

«Витька — зануда! — понял Зайка. — От таких только вред природе. Не ныл бы, а слушал, что старшие говорят. Они плохому не научат».

— Слушай, что тебе старшие говорят, мать-перемать, — раздался снизу хрипловатый бас Ивана Ивановича. — Старшие тебя плохому не научат.

«Во! — возликовал Зайка. — Слушайся, козел!».

— Значится, идем мы раз... — начал Иван Иванович.

— Может, походим... — заныл Витька.

— Цыц! Мать-перемать! Тогда погода была подходящая...

Зайка зевнул, прикрывая лапой пасть. Эту историю он уже слышал года два назад. Повторяется Иван Иванович. Старееет.

— Ну, продолжай, Иван Иванович, — нетерпеливо воскликнул Витька. — Ну!

— Баранки гну! — разозлился Иван Иванович. — Ты кого на слове поймать хочешь?! Мать-перемать! Думаешь, я пьяный? Да я еще литруху могу запросто выпить... Прежде чем нукать, плесни. Так-то вот. Себе! Нет, нужно поровну. Я тебе не алкаш какой. Я охотник. Настоящий! И все меня уважают. Давай за тебя, мать-перемать.

Помолчали. Почавкали. Зайка сверху глянул — не морковкой закусывают? Хрен! В смысле — и не хреном, и не морковкой, а вонючей колбасой. Эх, морковочки бы сейчас... Внизу что-то всхрапнуло.

— Иван Иванович! — раздался раздосадованный голос Витьки. — Ты рассказывай, не спи, мать-перемать.

«Ого! — отметил Зайка. — У Витьки-то зубки режутся. Ругаться стал».

— А! — вскинулся Иван Иванович. — Разве я сплю?! Я ни капельки не сплю. Дай-ка сигарету. Я это... О чем я?

— Стоп! Откуда дым? Иван Иванович, ты ж спичку на сено бросил!

— Гори-и-им! Гори-и-им! Мать-перемать!

«Вот старый козел! За год уже третий стог сжигает», — воскликнул Зайка, мысленно, конечно. Поморщился от едкого дыма, спрыгнул на землю и, нисколько не скрываясь, заковылял к следующему стогу, видневшемуся неподалеку. Расстроился, конечно.

«С такими охотниками точно ругаться станешь, мать-перемать!».

История вторая. Новая кепка

Солнышко на полдень потянулось, светит славно. Последние денечки перед зимним ненастьем. Зайка валяется на верхушке стога сена, блаженствует. На спину лег, пузо солнышку подставил, балдеет. Вдруг ка-ак заурчит что-то внизу, ка-ак зарычит... Зайка крутнулся, словно пружина, готовый сигануть со стога и лететь сломя голову от опасности. Где вот только она — опасность?!

Глянул Зайка вниз: «Фу ты! Это ж охотники приехали на автобусе. Ну, напугали! Ни стыда ни совести у людей! Могли бы предупредить, посигналить хотя бы. Как там у них: «ту-ту!» — у грузовиков или «пам-пам!» — у легковушек». Вылезли охотники из автобуса, среди них Зайкины знакомые — Иван Иванович и Витька.

Хорошие мужики! Безвредные для природы.

— Друзья! Друзья! Не расслабляться. Правда, погода не благоприятствует, слишком хорошо, слишком тепло, заяц такую погоду не любит, так что можно минут на пять задержаться. Но не дольше, и сразу на охоту, мать-перемать, — закричал Иван Иванович. Значит, за старшего он. Тогда ничего. Тогда нормально. Только вот насчет того, чего любят зайцы, а чего нет — загнул Иван Иванович. Тепло все любят. И покой.

— Все! Все! Поторапливаемся, по стакану и на охоту, — снова закричал Иван Иванович и достал из автобуса рюкзак. — Таков порядок, и мы через него не переступим. Нужно спрыгнуть приезд. Ниче-ниче мы быстренько. Витька! Ты не новичок уже, мать-перемать, стели скатерть-самобранку.

Витька сноровисто, чувствуется, не впервой, бросил палатку под стогом, достал из рюкзака хлеб, помидоры, колбасу...

Зайка облизнулся и приметил, куда Витька свой рюкзак положил. Хлеб вку-усный! Зайка пробовал. Целую буханку в прошлый раз у охотников стибрил. Может, и сегодня удастся?! Смотря сколько булкать будут...

— Мужики! Мужики! Посуду давайте... — закричал нетерпеливо Иван Иванович.

— Ну что вы телитесь, мать-перемать, время не ждет, минуты драгоценные уходят! Накопец забулькали, звякнули, крякнули, запыхтели, зачавкали...

— Так, еще по одной и — вперед! Ниче-ниче первую с прибытием, вторую за удачу. Витька, наливай!

Опять побулькали, звякнули, крикнули, запыхтели, зачавкали...

«Хорошо начинают, — подумал Зайка. — Молодец Иван Иванович, настоящий охотник!».

— Пять минут перекур! — скомандовал Иван Иванович, и все весело, с задором. Понятно, на охоту приехали... Потянуло дымком. Лишь бы стог не сожгли. А что, бывает. Прошлым годом Иван Иванович три стога сжег по пьяни. Нет, не преднамеренно, Боже упаси... Нет, он человек порядочный. Охотник настоящий.

— Витька, мать-перемать, — вдруг воскликнул Иван Иванович. — У тебя новое ружье?! Ну-ка, ну-ка... Слушай, вполне приличное. Пристрелял? Нет?! Да ты что... Нельзя с непристрелянным ружьем на охоту выходить. Что значит — негде?! А здесь кто тебе мешает?

Витька что-то буркнул, Зайка не расслышал.

— Какие мишени? Ты что... Давай я бутылку подкину, а ты стрельни. Кого напугаешь? Зайцев? Они откуда здесь? Мать-перемать, зайцы по такой теплыни в чащобу забиваются. Давай бутылку! Готов? Готов, спрашиваю?! Кидаю!

«Бах! Бабах! — раздалось снизу. — Дзинь!».

Зайка аж подпрыгнул: «Ну, дураки! Предупреждать же надо. И Иван Иванович, старый козел. И Витька — молодой козел тоже. Зачем ему ружье, да еще новое? Приехали бы, выпили, поговорили и уехали... Не поймешь этих людей!».

— Молодец, Витька! Здорово стреляешь. Дай-ка я. — Иван Иванович засопел, клацнул затвором. — Кидай!

«Бах! Бабах!» — раздалось снизу. А «Дзинь!» не было.

— Да-а! Рука дрогнула, ложка длинноватая... — сказал Иван Иванович немного смущенно. — Ну-ка, сам попробуй еще, мать-перемать. Ниче-ниче, повторенье мать ученья!

«Бах! Бабах! — раздалось снизу. — Дзинь!».

«Ох ты! — всполошился Зайка. — Витька-то, мать-перемать, попадает... Надо иметь это в виду».

— Дай-ка я теперь, — снова попросил Иван Иванович.

— Что значит нет бутылки?! Совсем нету?! А на хрена вы тогда на охоту ехали, мать-перемать?! Что?! Пустой нету, а полная есть. Так в чем дело? Сделаем ее пустой. Что значит много?! По две нельзя! По две только на похоронах...

Опять побулькали, крикнули, хыкнули...

— Кидай! — потребовал от кого-то Иван Иванович.

«Бах! Бабах! Дзинь!» — раздалось снизу.

— Ха-ха! Как я ее, мать-перемать?! — закричал Иван Иванович. — Что значит со второго раза?! Я ж тебе сказал, рука дрогнула, ложка это... чегой-то... Постой! Я на спор могу. Бутылку разбить и дурак сможет, ты попробуй в кепку попади. Она не просто летит, она еще и вертится. Почему в мою? У меня голова одна и кепка одна, да еще новая. Нет. Ну если только нальешь... Всем. Один я не буду, я не алкоголик какой, я — охотник. Настоящий! Все меня знают.

Побулькали, хыкнули...

— Готов? Кидаю-ю-ю!

Глянул Зайка, а прямо на него летит сверху что-то черное и крутится. Потом отвернуло. Прижал он уши, а снизу: «Бах! Бабах! Бабах! Бах!» — видать не только у Витьки новое ружье.

— Ага! Мазилы! Мазилы! — заорал Иван Иванович. — Не попали! Не попали! Ну-ка, давай еще раз...

«Бах! Бабах! Бабах! Бах!».

— Ага! — восторжествовал Витька. — В решето! В решето твою новую кепку!

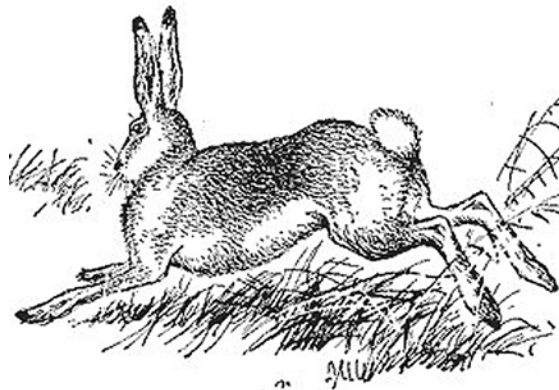
— Дайте теперь я! Кто пожертвует кепкой?! — загорячился Иван Иванович. Молчание. — Ну, кто?!

— Новой нет. А в старую ты, поди, стрелять не станешь, — Витька издевался, даже Зайке ясно стало. — Давай в твою...

Не выдержал Зайка, сиганул со стога, да прямо на стекла от бутылок. «Ой! — завопил он, мысленно, конечно. — Ой, больно!» — и заковылял к речке. Бежать не мог, сильно поранился.

— Ладно, я вам припомню! — сказал сердито Иван Иванович.

— Кидать твою фуражку? — спросил Витька. — Готов?

— Я всегда как пионер, — ответил Иван Иванович. — Кидай давай! Чего не кидаешь?
 — Постой! Это кто там ковыляет? Заяц, что ли... — раздался Витькин голос.
 — Какой там заяц, мать-перемать?! Откуда он?! Кидай давай! Сейчас я ее вдребезги!.. — закричал Иван Иванович азартно.
 «Бах! Бабах! Бабах! Бах! Бах!».
 — Ага! Вдребезги! Доставай следующую бутылку! Жаль новую кепку, мать-перемать!
 — Доставай бутылку! Доставай! — кричали несколько голосов. Весело кричали. На охоту люди приехали.

История третья. Застря-а-али-и-и!

Только спустился Зайка к ручью напиться, как услышал гул машины. «Охотники, однако!» — подумал Зайка и выглянул из-за куста. Точно! Зеленая машина, отчаянно фырча, мчалась прямо на него. Прижал Зайка уши и хотел было задать стрекача, да сообразил, что между ним и машиной ручей с топким дном, как-то машина его перескочит. Деревенские воон где объезжают. Машина подъехала к ручью и остановилась. Из нее вылезли охотники — четверо.

Двое — Зайкины знакомые: Иван Иванович и Витька. Двух других Зайка не знал, видел впервые, но такие же, как его знакомые: в пятнистых костюмах, в высоких сапогах и уже заметно бульканые.

— Чего остановились? — выказал недовольство Витька. — Нужно было сходу!

— Кто же, мать-перемать, сходу по бездорожью ездит?! — возразил Иван Иванович. — Тут осмотреться надо.

Он попрыгал зачем-то на берегу, потащил вверх раструбы сапог и вошел в ручей. С трудом вытаскивая ноги из илистого дна, подошел чуть не вплотную к кусту, за которым лежал Зайка.

— Ого-го! — внезапно громко закричал Иван Иванович.

— Чего там? — спросили от машины.

— Хорошо! — ответил Иван Иванович и расстегнул штаны.

«После охотников ни воду пить нельзя, ни траву жевать...» — недовольно подумал Зайка, но не пошевелился. Знал: только обнаружь себя, сразу начнут стрелять. Попасть не попадут, но напугать — напугают. Иван Иванович вернулся к машине.

— Ну, что там? Дно как? — спросил Витька.

— Надо маленько подумать, — сказал Иван Иванович и потянул из машины свой рюкзак.

— Недавно думали, — с досадой заметил Витька. — Приедем на место и подумаем.

— На месте думать по-другому будем, а сейчас наливай!

Кроме Витьки никто и не возражал. По крайней мере, Зайка не заметил. Да и Витька вскоре смирился и взял в руки кружку.

— Будем! — выдохнули все четверо, выпили и захыкали, задышали, зачавкали...

— Спирт? — спросил Витька.

— А то... — подтвердил Иван Иванович. — Еще по одной?

— Не-не! — запротестовал Витька. Двое незнакомцев молчали.

— Ваше дело, — с сожалением Иван Иванович запрятал бутылку в вещмешок. — Тогда все! Тогда вперед. Разгоняйся посильнее...

Мотор взревел, машина рванулась и, разбрызгивая воду, влетела в ручей. Но на его середине почему-то остановилась и дернулась назад. Не получилось. Она рванулась снова вперед, обливая грязью кинувшихся было к ней охотников.

— Стой, мать-перемать! — закричал Иван Иванович.

— Я тебе говорил, козел, чтобы сильнее разгонялся!

— Я и разогнался, мать-перемать! — закричал из открытого окна шофер.

— Кто же так разгоняется, мать-перемать?!

Зайка прикрыл лапой правое ухо. Очень уж громко ругались охотники. Зевнул, широко открывая пасть, и заковылял выше по ручью. Попить все одно хотелось. Попил, сделал на всякий случай несколько длинных петель — вдруг Лиса рано проснется от ругани охотников да припрется посмотреть, что здесь такое деется, и залег за куст с подветренной стороны, чтобы не так было слышно рева мотора и человеческих голосов. К вечеру, когда солнышко свалилось за горизонт, Зайка проснулся и приподнял уши.

Было тихо. Птички чуть шелестели в кустах, устраиваясь на ночлег. Ни рева мотора, ни ругани охотников. «Уехали», — понял Зайка и потихоньку поковылял к тому месту, где застряла машина. Нет! Машина была в ручье, только сидела она очень низко, а вокруг... Зайка глазам не поверил, все кусты были вырублены, и даже старая береза спилена. Куда все подевалось? Зайка повел носом — нет, дымом не пахло. Сторожко поводя ушами, Зайка продвинулся вперед и увидел охотников. Все в грязи, они лежали на траве кто где...

Лежали неподвижно и, если бы не густой храп, можно было бы подумать, что они умерли. А что?! Отдыхают, на охоту люди приехали.

На протяжении своего существования Барнаул часто оценивали почти как Ирландию – «зеленый город». Предлагаем познакомиться с далеко не полной подборкой впечатлений о зеленых насаждениях в Барнауле, представленной в виде своеобразной хронологии.

О зелени в Барнауле: взгляд через века

Подготовил Евгений Платунов

«В Барнауле в городское озеленение внес вклад начальник Алтайского горного округа П.К. Фролов. В 20-е гг. XIX в. по его инициативе заложен бульвар из тополей на Московской улице. Тополиные аллеи Московской улицы как место гуляний горожан отмечены в описаниях города К. Ледебура, А. Брема»/ («Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территории: Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Алтайского края : сборник статей», Барнаул, 2007).

***

«Настоящее положение города Барнаула со всеми его заведениями и учреждениями следующее: в 1833 году считалось в нем 9220 жителей обоего пола и 1438 домов казенных и частных, пять церквей, школа с 272 учащимися, 57 лавок (число купцов 2-й и 3-й гильдии не превышало однако же 27) и 9 питейных домов. Хотя город стоит в чрезвычайно пустой стороне, на сыпучих песках, так что не ближе десяти верст от него почва становится способною к возделыванию, вода же в нем дурная, едва годная к употреблению, но на двух последних верстах по дороге, ведущей от Урала в Барнаул, устроено прекрасное шоссе, обсаженное деревьями. Улицы расположены правильно; по большому проспекту разведен бульвар с аллеями, насаженными тополями, а в 1825 г. на городской площади открыт красивый памятник по случаю празднования столетия сначала разработки Алтайских рудников. Несмотря на скверное положение Барнаула,

лето бывает там гораздо теплее, нежели во многих местах, лежащих ближе к югу; арбузы и дыни созревают без парников; однако же зима там очень сурова» («Энциклопедический лексикон», том 4. СПб, 1835).

***

«Значительное место в организации системы зеленых насаждений принадлежит городским планам: в Омске и Томске - проектные планы архитектора Гесте соответственно 1829 г., 1830 г., в Барнауле - планы 1830, 1837 гг.» («Культурное наследие Сибири: сборник научных статей», Барнаул, 2004).

***

«К середине XIX в. Барнаул утратил обаяние зеленого города. Об этом свидетельствуют отзывы современников, опубликованные

в журналах тех лет. «Барнаул на левом берегу Оби... река вовсе не украшает этого города, а под вечер ее темный вид производит грустное впечатление, внутри города протекает речка Барнаулка, часть города находится в ее узкой долине. В городе несколько площадей, шесть церквей, примерно две тысячи домов и до десяти тысяч жителей... отправление караванов с золотом – сообщение со столицами, какого никакой другой город в Сибири не имеет» («Иллюстрации», 1861, том 8, № 186, стр.163) // Тамара Степанская. «Сад в сибирском городе XIX – начала XX столетий»).

***

«С значительным сокращением с 1882 г. горнозаводской деятельности, признанной, наконец, невыгодной для казны, в Барнауле стала развиваться хлебная торговля, которая приняла теперь весьма обширные размеры, благодаря движению хлебных грузов с верховьев Оби, на которой стоит Барнаул. По внешнему виду Барнаул – один из самых красивых городов Сибири: правильные улицы, обставленные красивыми домами, обилие зелени. Сереброплавильный завод переделан теперь в лесопильный. Город слывет производством «барнаульских» шуб, распространенных по всей Сибири. Из просветительных учреждений города нужно указать на обширный «народный дом». Жителей в Барнауле 30 тыс.» (Петр Головачев. «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь», Москва, 1905).

***

«Период капиталистического развития породил в Барнауле множество проблем. ...Стремление максимально использовать свой участок вынуждало владельцев цели-

ком застраивать их складами, службами и оставлять каменные дворы-колодцы без зелени и света» (Алексей Сергеев. «Барнаул», Барнаул, 1980).

***

«Что касается прочих юбилеев, то весьма торжественно в Барнауле отметили 200-летие Полтавской битвы в 1909 г. и 100-летие победы в Отечественной войне 1812 г. в 1912 г. Первый юбилей был ознаменован созданием специального денежного фонда, предназначенного для открытия низшего технического училища имени императора Петра I, было решено вывесить портреты Петра I в зале заседаний городской Думы и в городских училищах, а также начать кампанию по озеленению города и ежегодно проводить праздники древонасаждения. Конечно, уловить связь между победой под Полтавой и озеленением Барнаула весьма сложно, но само начинание весьма полезно» (Валерий Скубневский. «Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX - начала XX в.», 2010).

***

Репортер лондонской газеты Evening Standard Босуорт Голдман увидел Барнаул

в 1933 г. как город в окружении кукурузных полей: A few miles from the river we reached the town of Barnaul, which marked the beginning of an immense cornfield extending to the south and west. This spreading plain was broken here and there by uneven patches of scrubby pine, or by the green and gold of a... / «В нескольких милях от реки мы добрались до Барнаула, что ознаменовалось началом огромного кукурузного поля, простирающегося на юг и запад. Эта раскидистая равнина была сломана здесь и там неровными пятнами хрупкой сосны или зеленым и золотым...».

* * *

Из воспоминаний Анатолия Ивановича Мельникова, почетного гражданина Барнаула: «В 1950-х годах я как заместитель горисполкома сопровождал американскую журналистку Маргариту Хэкинс. От города у нее осталось тяжелое впечатление: «Барнаул еще находится в спячке XVII в. Практически отсутствуют зелень и тротуары. Минимум развлекательных учреждений...». Надо сказать, что власти в Москве видели наш город как глубокую провинцию с населением в четыреста тысяч человек. Соответственно, урезалось централизованное финансирование, и практически не было возможности строить крупные промышленные и социально значимые объекты, но городские и краевые власти не мирились с этим».

* * *

«С территории выставки открывается красивый вид на обскую даль и центральную часть Барнаула. Барнаул — зеленый город. Его украшают сады и парки. Летом всегда многолюдно в городском парке культуры и отдыха, парке меланжистов» (набор открыток «Барнаул», 1972).

* * *

«Вдоль кромки барнаульского бора выросли ровные ряды новых улиц. Большинство из них заасфальтировано, около двух третей квартир имеют городские удобства — горячую и холодную воду, газ, канализацию» (Журнал «Агитатор», 1982).

* * *

«Традицию устройства бульвара на главной магистрали города продолжили советские архитекторы, в частности, В.К. Александров; линия зеленых насаждений была протянута до промышленной зоны. Премущественность традиции и в том, что скверы бульвара проспекта им. В.И. Ленина — одно из любимых мест прогулок горожан». («Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий: Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Алтайского края: сборник статей», Изд-во АГАУ, 2007).

***

«Площадь зеленых насаждений в пределах городской черты Барнаула на 1 января 1990 г. - 7567 га. Это составляет 24 процента от общей площади земель в пределах городской черты» («Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов: статистический сборник», Государственный комитет СССР по статистике. Информационно-издательский центр Госкомстат СССР, 1991).

***

2 августа 2007 г.: «В настоящее время обеспеченность жителя краевого центра городскими насаждениями в среднем составляет 21,4 кв. м. Для сравнения: в Новосибирске - 9,2 кв. м, в Кемерове - 14 кв. м. Ежегодно высаживается от 5000 до 10 000 деревьев, 13 000 кустарников. Как было отмечено, в 2007 г. поставлена задача - высадить порядка 6 000 деревьев, 9200 кустарников, 13 500 цветов, засадить 8,8 га газонов, создать 32 зеленых уголка. Одним из основных объектов по озеленению остаются городские леса, площадь которых составляет свыше 5000 га» (www.politsib.ru).

28 января 2011 г.: «В Барнауле много парков и аллей. Несмотря на это, наш город не такой уж зеленый, как кажется, об этом мы беседовали с кандидатом биологических наук, старшим преподавателем

Алтайского госуниверситета Натальей Сперанской. «Площадь зеленых насаждений в Барнауле (без городских лесов) составляет 2249 га. Это 7% от площади города при норме 16–30%», — говорит она» (www.altapress.ru).

2013 год (Год окружающей среды): «Общая площадь зеленых насаждений составляет более 10 тыс. га, в том числе 5013 га занимают городские леса, то есть зеленые насаждения занимают 10% от общей площади городского округа» (www.barnaul.org).

17 апреля 2014 г.: «Я могу сказать, что, например, по Барнаулу площадь зеленой зоны будет увеличена практически в два раза. Сегодня она составляет почти 50 тыс. га, мы намерены ее увеличить до 96 тыс. га. Примерно то же самое произойдет и в других городах», - сказал глава региона» (www.barnaul-altai.ru).

Поэты Барнаула о природе Алтая

Елена Залетина

***

Нужно пить воздух просек и улиц -
Это сладко-тревожное месиво!
Даже сами березы волнуются,
Ароматные лампы развесили.
Пахнет свежей пылью, тонкой лужицей,
и еще не рожденными травами.
И луна - золотистая умница -
листья новые учит правилам:
Как расти, расцветать и радовать.
А весна раздаётся вишьрь...
И от воздуха в горле пламенно...
И становится сердце большим...

***

Месяц чешет золотую спину
о вершины сосен в вышине.
И русалки, подо льдом застынув,
Спорят, кто красивей и стройней.
Скоро, из осоки кудри выпутав,
ил смахнув с прозрачного лица,
сонные красавицы позыльвут.
На ветвах зеленого дворца
С соловьями ночи напролет
будут петь и среди трав бродить,
и в веселый странный хоровод
безрассудных юношей ловить.

Владимир Коржов

ЛОЦМАНСКАЯ КАРТА

Заломный яр. Заломная протока.
Обской простор с высот необозрим.
Гуляет щука по густым осокам,
Жирует в ямах царственный налим.
Я обретаю силу у Заломной,
Душистая черемуха цветет.
Иду с поклоном к горюшке Поклонной –
Землепроходцам слава и почет!...

Не канет слово с карты в неизвестность.
Стихи мои меня переживут...
Россия. Обь.
Родная местность.
Благословен первопроходцев путь!..

***

«Вновь опустела речная долина...»

Николай Черкасов

Мелеет Обь – меняет русло,
Растут песок и острова,
И там, где раньше было пусто,
Тальник разросся и трава.

Река великая болеет,
Стареет на моих глазах,
И ежевичник голубеет
На крутобюких берегах.

Протока Талая, бывало,
Улов и отдых нам давала,
А нынче ряска –
да кубышки,
Не окуни, а окунишки.

Кого винить?

И в том ли дело,
Что реки детства обмелели...
Ведь с возрастом и мы порой
Стремимся обрести покой,

Обходим драки стороною
Быка не валим за рога,
И пред собой, и за спиною
Мы ошущаем берега.

Рисунок
Н. Корот-
кова

Николай БОГОРМИСТРОВ

Березовый ребенок

Переплелись их ветки,
 В обнимочку стоят
 Березы – две соседки,
 А мне и невдогад,
 Что это не соседки,
 Что это муж с женой!
 Под ними – малолетка,
 Сыночек их родной.
 А может, не сыночек,
 А может, дочка их?
 Уж так похож росточек
 На этих вот, двоих!
 Они, я вижу, знают,
 Что их малышка тут:
 От солнца закрывают,
 От молний берегут.
 Березовый потомок,
 Преодолев траву,
 Из слабеньких силенок
 Стремится в синеву.
 Из травяных пеленок
 Он тянется к ветвям,
 Так тянется ребенок
 К родительским рукам.
 А лес шумит тревожно,
 Волнуясь за детей.
 Что ж,
 среди деревьев тоже
 Всё, как среди людей.

Лесная дорога

Вьется чуть заметная дорога,
 С давних пор заросшая травой.
 То зовет на дно сырого лога
 Бархатною нежной муравой,
 То крутым, игривым поворотом
 На бугор ромашковый взбежит.
 Может быть,
 давно когда-то кто-то
 Этот путь
 к любимой проложил.
 Поспешал в соседнюю деревню,
 Гнал двуколку на закате дня,
 Голову сломя, через коренья,
 Горяча буланого коня.
 Ну, а может, дело было проще,
 И любовь здесь вовсе ни причем?
 Говорят, дрова из бывшей рощи
 В печках польхали горячо...
 По дороге этой
 росной ранью
 Я пришел в окрестные леса.
 Иногда мне
 чудится то ржанье,
 То далекий поскрип колеса.
 Значит, в звуках леса обертоны
 Давние события хранят?
 ...Подорожника зеленые ладони
 Принимают босого меня.

Светлана Рубанова

И при чем же здесь Родина?

Я – песчинка природы,
 Я – листочек на дереве,
 Ветерок неуверенный,
 Я – березка негордая,
 Что растет на пригорке,
 Я – травинка сухая,
 Я – пичужка из стаи.
 Мое время настанет –
 Я снежинкою стану,
 Кто-то руку подставит –
 Упаду и растаю...

Евгений Банников

* * *

Я вижу: предо мною прямо
 Струится зеркало, дрожа,
 Оправлено зеленой рамой
 Берегового камыша.

Струится в цепких нитях ряски
 Стекло, прозрачное до дна,
 Как то, волшебное, из сказки,
 В котором вся земля видна.

Оно когда-то отражало
 Пришельцев стая над бугром
 И стрел отточенные жала,
 И челн, зацепленный багром...

Здесь я перекликался с эхом,
 И отвечала мне вода.
 Всего на день сюда зехал,
 И вот остался навсегда...

* * *

Меняет небо на багрянец просинь,
 Как будто кузня на краю небес,
 Как будто не закат багровый – осень
 Окрашивает приумолкший лес.

Как хорошо в лесу перед закатом!
 Приобретают кроны темный цвет.
 И каждый лист, что был зеленоватым,
 Становится багряным на просвет.

Играет позолотой каждый стебель,
 Отсвечивают бронзой стволы.
 На горизонте – солнца красный гребень.
 И белые березы не белы.

И под ногами хвоя желтовата.
 Листок кленовый кружится, лучась,
 И ничего богаче нет заката,
 Прекраснее, чем предвечерний час...

Детская радость

Что ты сегодня молчишь и невесел?
Не угадаю причин по лицу.
Слышишь?
Бубенчики ландыш развесил.
Слышишь?
Кукушка летает в лесу.

Как ни морочит нас, как ни колдует
сила нечистая – всё нас хранит
детская радость: кукушка кукует!
Детская радость: бубенчик звенит!

Знаю и я в себе тёмные токи,
этот болезненный выход тоски.
Опережая привычные сроки,
время прижгло и сдавило виски.

Снег полетит или ветер задует –
май переможет!
И нас охранит
детская радость: кукушка кукует!
Детская радость: бубенчик звенит!

* * *

И вылетит из лесу птица,
и в речке ведёрко плеснёт,
и кто-то попросит напиться,
и кто-то воды поднесёт.

В апреле, в капели, в июне,
в дожде несусветном, в зиме...
Как жаль, что кончается юность
на этой хорошей земле.

А всё же во мне не убудет
волненья, заботы, имён.
Над утренней родиной будет
катиться малиновый звон.

И кто же нас гонит, ей-богу,
зачем так недолго гостим?
Прощай!
Одари на дорогу
несмелым подарком своим.

Хвоинкой,
копытным ли следом,
перо ли на счастье оставь.
Тревожным и праздничным светом
сиять мою память заставь.

Гордиться тобою,
склониться
на горький родимый порог.
...И вылетит из лесу птица,
и наземь уронит перо.

* * *

А у нас на Алтае кислица,
Ох, и кислая! Просто беда.
Тропка, тропка. Следы от копытца,
А в следах голубая вода.

Нет посудыны – скину рубаху,
Насбираю кислицы в неё
И с ладош тёмноглазую птаху
Покормлю и спрошу про житьё.

Ты в ладоши мне села сама ведь,
Так чего же ты, птаха, молчишь?
Где ты пёрышко бросишь на память?
За какое ты море летишь?

Погляди – уж пора листопада
В нашем тихом заречном краю!
Ничего от тебя мне не надо,
Только выполни просьбу мою:

Воротись, когда вешняя птица
На гнездовья слетится сюда.
Тропка, тропка. Следы от копытца,
А в следах голубая вода.

НИКОЛАЙ ЧЕРКАСОВ

НА РОДИНЕ

На родине
крушина зацвела,
от запаха ее
хмелеют сосны.
И снова
от села и до села
березы бродят
разнотравьем росным.

По берегам
лопочут тальники,
склонясь над неторопкою
волною.
И коростель-отшельник
у реки
непримиримо спорит
с тишиною.

У сельской школы,
светлой и большой,
шумит мое
вернувшееся детство.
И на душе моей
так хорошо,
как будто мир я
получил в наследство.
И хочется
неодолимо мне
с любым прохожим
дружески обняться...
Здесь от любви
к родимой стороне
стальное сердце
может разорваться.

Оксана Косова

Трамвайная экология

Юмористическая зарисовка

Вот вы думаете, легко ездить на этих трамваях, вечно гремящих, набитых и зимой и летом под завязку? Особенно летом, только и знай, нос побыстрее прикрывай от доносящихся ароматов.

С другой стороны, понимаете ли, в трамваях легче морально: ведь они сохраняют нашу экологию, зелень в городах... В общем, в трамвайной жизни, как и в жизни вообще, умещается много и благородного, и дурного.

Вот был случай прошлым ноябрем. Зашла я в наш любимый трамвай на «Старом базаре». Места были, и я махом угнездилась. Ехала и поминутно руки к батарее прикладывала — довольно зябко было. Вагон катился на редкость ровно, спокойно, как по маслу — ворчать не буду. «Неужели, — думаю, — водитель задремал и трамвай покатился на автопилоте?» — «Нет, — спору сама с собой с ухмылочкой на устах, — наверное, водитель влюбился, как мальчишка, в милую кондукторшу».

Подъезжаем к «Новому рынку». Тут, как всегда, толпа престарелых сограждан берет вагон штурмом. Все с баулами, рюкзаками, тележками, ридикюлями! Всегда мне было интересно — куда столько добра везут? Так вот, заходит в вагон бабушка — доисторическое ископаемое, миниатюрная, а попросту худющая, как селедка. Прямо как по сказочнику Роальду Далю: «У нее был крошечный ротик, сжатый в лимонный кружочек»! Вместо теплого пальто — аляпистое платье-халат в горошек, а на голове возвышается какая-то замысловатая шляпа с разноцветными голубиными перьями. А мест больше нет. Кроме того, на котором сию я. Куда деваться!

— Присаживайтесь, — говорю.

А она, как назло, все смотрит на меня оценивающе. Потом улыбнулась своим почти беззубым ртом. Единственный передний зуб, золотой, так и сверкнул! И снова на меня смотрит. Вогнала в краску совсем.

Прямо не чаяла я дожидаться, когда бабуля упорхнет из трамвая! Но не тут-то было... Мне выходить, и ей выходить. Как по заказу!

Встала я у дверей, бабушка ко мне подкатила со scarбом своим и так любовно-любовно, невзначай так интересуется:

— Что, — говорит, «хэкая» по-украински, — какая шубка на вас надета, горlinka моя? Цигейковая?

— Мутоновая — пробубнила я. Хотя вроде это одно и то же, но соглашаться со старушкой почему-то не хотелось.

— Нет, — говорит, — цигейковая. Я под вид вашей на Поздеевой супруге видала! Она так блестела, прям как натуральная! Умеют же мастера выделять такие вещи. Правильно, пусть животные живут и радуются. И все-таки на вас цигейковая шубка, дорогуша! Из искусственной цигейки, значит.

— Мутоновая, а вкладки каракулевые! И... вполне натуральная, — уже с надрывом отвечаю я, с сомнением осматривая свою шубу, купленную неделю назад по объявлению. По цене натуральной, между прочим.

Бабуля хихикнула.

Слава богу, свобода! Остановка! Насилу я выбралась из трамвайного плена.

— Беда-то, горюшко стряслось, тележка с яйцами застряла в дверях! — заголосила бабуля сзади. Но я злорадно сделала вид, что не слышу.

Дома изучила свою шубу внимательно — и правда, искусственной оказалась! Ох и разозлилась я, а потом подумала: ну и ладно. Старая Европа вон поголовно отказывается от роскоши в пользу братьев меньших. Сплошная экология. Вроде как с трамваем. А что денег много заплатила, так, говорят, за экологию надо переплачивать. Все равно деваться некуда.

Но ту бабулю теперь встретить опасуюсь. Мало ли чего еще отыщет во мне экологического...

Рисунок
Н. Короткова

Литература, открывающая сердца

Ближе всего к древнему восприятию природы сегодня — талантливые дети. Представляем вашему вниманию творчество участников краевого конкурса произведений о природе «Сохраним биосферу» (исходя из специфики журнала, мы взяли стихи именно барнаульских детей и талантливой участницы из недалекого Павловского района). Благодарим за предоставленные материалы сотрудников Алтайского краевого детского экологического центра.

Злата Маношина, студентка БГПА

Благословенный край

*Лазурью дышит горизонт,
С полей несет душистым медом,
И звуков нежный хоровод
Собою укрушает ведро.*

*Посмотришь — словно вся земля
Перед тобой лежит чудесно:
Поля и горы, мед, трава,
И солнце далеко над лесом.*

*И мягкость трав, и твердость камня,
Гляди: в руке твоей стекло, —
Природа, что хранит все тайны,
Все это даром нам дано.*

*Что лето? — Месяцев оправа,
Как пух с деревьев-тополей
Летит. Куда? Не знает, право.
Но тем оно и мне милей.*

*Пять чувств проснулись и уснули
В долине звуков и цветов,
И мысли мне ополоснули
Водой озер и родников.*

Янтарь заката

*Янтарные блики неверного солнца —
Лучи разыгрались в камнях росы.
Закат подбирается медленно к дому
И меряет взглядом владенья — часы.*

*И в шорохе странном, снующих виденьях,
Во сне, наяву, из-за полога тайн
День Ночи вручает ключи от владений,
А выкуп он просит — закатный янтарь...*

*...А солнце чуть ниже лесов и урочищ,
Сквозь ветви кидает прощальный свой свет.
День ждет его завтра — снова, как в гости,
А Ночь подготовит леса под рассвет...*

Гимн солнцу

*Да приветствует солнце!
Да приветствует зной!
Да приветствует моря гудящий прибой!
Так что ж вы лежите в кровати с утра?
Не мешкайте вы — просыпаться пора!*

*Да приветствуют горы!
Да приветствует лес!
Да приветствует речки волнующий плес!
Так что ж вы лежите в кровати с утра?
Не мешкайте вы — просыпаться пора!*

*Да приветствует солнце!
Да приветствует день!
Да приветствует веток манящая сень!
Так что ж вы лежите в кровати с утра?
Вставайте! Нам впору большие дела!*

Елизавета Симашина

Баллада

*Девушка бежала в воздух синий,
Ветер в русых волосах гулял,
Руки-крылья к небу возносила:
«Неужели ты это создал?!»*

*Чистые разлил ручьи и реки,
Посадил деревья и цветы,
В дар оставил людям сад-планету
Яркой разноцветной красоты!».*

*Вдруг между ветвями молодыми,
В солнечном раю высоких крон
Потянуло гарью, черным дымом —
Это люди разожгли огонь.*

*Словно кровожадного дракона
Запустили в свой родимый дом.
Беспощадно, глупо, незаконно
Стены леса бросили на слом.*

*Некому тушить пожар жестокий.
Все сильней дымится его пасть.
Тучей громовой, водой потоком
Девушка на небо вознеслась!*

*И своими чистыми слезами
Потушила пламени разгул.
Только люди этого не знали,
Ветер тучу по небу раздул.*

*Лишь душа лесною берегиней
Бродит меж деревьев до сих пор,
Потому что кто-то и поныне
Не умеет потушить костер.*

Дарья Касяева (Павловский район)

Бор ленточный (подражание народным сказаниям)

1

*Ах, Алтай родной, уникальный край!
Нам не счесть красот твоих сказочных!
Расскажу-ка я об одной из них —
Бором ленточным прозывается.*

*Лентой-лентою, путем извилистым
Протянулся бор да на сотни верст.
Ну а часть его из окна видна,
Из окна видна моей комнаты.
Как начнут ветра да гулять в бору,
Так и мощь его всюду слышится.*

2

*И богат наш бор, тот, что рядышком,
Касмалой-рекой поразрезанный!
Есть в бору моем птицы разные,
Живут звери тут (видно, нравится).
Лось порой выйдет с важенкой
Пощипать траву, голос свой подать.
Барсуки и лисы есть, белка рыжая,
Бурундук полосчатый.
Серый волк порой здесь охотится...
Ну а птиц в бору, в бору ленточном,
Много так, что не счесть их всех.
И дрозды, и пеночки, голубь дикий есть,
Филин здесь в ночи громко ухает!
Птички певчие музыкальный спор ведут.
Молча кружат вверху ястреб с коршуном.
А еще в бору, бору ленточном,
Цветы, травы есть, их здесь множество.
Есть лечебные, с пряным запахом,
Есть полянки в бору васильковые.
Как вдохнешь-вдохнешь грудью полною
Этот воздух лесной, так и петь начнешь
Про родной Алтай, про любовь к нему!
Да еще я вам про грибы скажу:
Грузди в кочках своих хитро прячутся,
Ну а белый гриб в краях нашенских
Дорогим зовут — очень вкусен он!
И маслята есть, рыжик рыженький,
Сыроежки здесь разноцветные,
А опята-то всё семейками,
Дружно так они на пеньках стоят!*

3

*Я немного лишь рассказала вам,
Чем бор ленточный в стране славится.
Приезжайте же, приходите ли
И отведайте наших рыжиков.
И послушайте птичьи песенки.
И целебный воздух
Пусть вас вылечит!
Бор мой Павловский,
Бор мой ленточный!
Ты красив своей красотой простой,
Ты красив, мой бор, величавостью!
Ну а я горжусь, что я здесь живу,
Красотой твоей наслаждаюсь.*

Как заметил Юрий Нагибин: «Ни один русский писатель не мыслит себя вне связи с природой, без наблюдения над ее изменяющимся ликом, над тем, как она преобразуется — а иногда и уродуется — человеком». Обратимся же к произведениям российских писателей XX—XXI веков, дабы услышать их предупреждение и задуматься...

Берегите Землю, берегите! 10 книг на экологическую тему

Обзор подготовлен сотрудниками информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева.

Леонов, Л. М. Русский лес : роман / Леонид Леонов. — Москва : Современник, 1973. — 796 с. : портр. 16+

Роман вышел в 1953 году, став итогом глубочайших размышлений писателя не только о сохранении природы, о судьбах народа и Родины, но и о жизни человечества. Главная тема романа — тема родины и ее природы, а основная сюжетная линия — спор ученых-лесоводов Вихрова и Грацианского о судьбе русского леса. В сознании писателя тема леса вызревала давно и долго. Здесь сыграла свою роль и давняя юношеская привязанность Л. Леонова к русскому лесному северу, и постоянный интерес к естествознанию, и ответственность гражданина за судьбу своей Родины и всего человечества. На замысел романа повлияли поездки писателя по стране, многочисленные встречи с работниками лесного хозяйства, изучение специальной литературы. Уже тогда Леонид Максимович надеялся на кардинальные перемены в судьбе русского леса в современном мире. В 1957 году роману была присуждена Ленинская премия.

«Я сознаю ответственность своей задачи — занять ваше время беседой о таких, хотя бы и немаловажных, частностях, как русский лес, под грохот величайшей войны. Самые любимые и неотложные дела отступают перед опасностью, грозящей советскому на-

роду и всем источникам его существования, лесу в том числе..., но вы пришли сюда слушать не полевую хирургию или тактику ближнего боя, а всего лишь краткий очерк о роли дерева в русской жизни, о сознательной деятельности патриота в этой наиболее запущенной отрасли нашего хозяйства, потому что она никогда не пользовалась должным общественным вниманием, — и о некоторых все еще спорных вопросах лесоведения, нерешенность которых лично мне представляется в особенности грозной для завтрашних поколений... В этом доме вы научитесь выращивать новые леса и приручать дикие, неукротенные древостои, чтобы успешно впрягать их в колесницу социалистической

экономики; вы исследуете на практике как отношения леса с климатом, почвами, окружающей средой, так и могучие изменения, происходящие от этой бурной, в масштабе веков, взаимосвязи; здесь вы поймете все значение организации и строгого учета в этом, — казалось бы, неистощимом кошельке, откуда люди всегда черпали ровно столько, сколько умещалось в пятерню... Лес является единственным, открытым для всех источником благоденствий, куда по доброте или коварству природа не повесила своего пудового замка. Она как бы ввергает это сокровище благоразумно

человека, чтобы он осуществил здесь тот справедливо-плановый порядок, которого сама она осуществить не может. Словом, за пять ближайших лет вы получите навыки и знания, оправдывающие ужасную, разящую силу топора. Но чтобы принести наибольшую пользу отечеству, мало благих намерений или беглого ознакомления с правилами лесоводственной науки. Без изучения прошлого нельзя наметить столбовой дороги и в наше завтра: человеческий опыт питается памятью о содеянных ошибках».

Васильев, Б. Л. Не стреляйте белых лебедей : [повести, рассказы] / Борис Васильев. - Москва : Астрель : АСТ, 2011. - 606 с. - (Русская классика). 16+

Одним из самых известных произведений советской литературы является роман «Не стреляйте белых лебедей». Автор описывает небольшое поселение, в котором живут персонажи. Он сразу акцентирует внимание на том, что они не берегли природу и вырубали почти весь лес, который находился при деревообрабатывающей фабрике. Главные герои книги — это Егор Полушкин, прозванный в деревне «бедоносцем», и его сын Колька. Влюбленные в природу, во все живое, они с болью видят, как безжалостно уничтожаются вокруг природные богатства. Егор становится лесником и в борьбе за народное добро открыто и смело вступает в острые конфликты с людьми жадными, грубыми и жестокими, с браконьерами. В романе решаются острые нравственные проблемы, звучит страстное писательское слово в защиту окружающей среды.

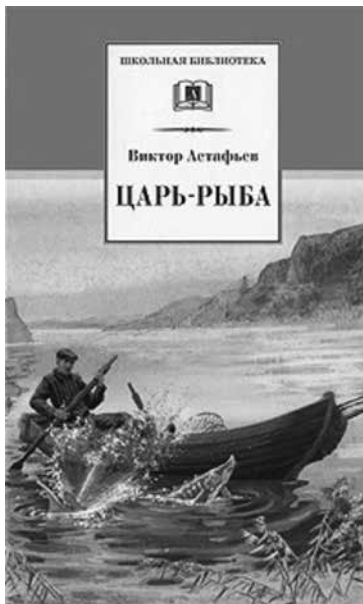
«Страдает человек. Сильно страдает, мил дружки вы мои хорошие. А почему? Потому сиротиночки мы: с землей-матушкой в разладе, с лесом-батюшкой в ссоре, с речкой-сестричкой в разлуке горькой. И стоять не на чем, и прислониться не к чему, и освежиться нечем. А вам, мил дружки мои хорошие, особо. Особо вы страдаете, и небо над вами серое. А у нас — голубое. А можно разве черным по голубому-то, а? По сини небесной — номера? Не-ет, мил дружок, нехорошо это: арифметикой по небу. Оно для другого дадено, оно для красоты, для продыху душе дадено. Вот!».

«Все мы в одном доме живем, да не все хозяева. Почему такое положение?»

А путают. С одной стороны вроде учат: природа — дом родной. А что с другой стороны имеем? А имеем покорение природы. А природа, она все покуда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакая человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это — царем-то звать. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб мамоньку».

Астафьев, В. П. Царь-рыба : повествование в рассказах / В. П. Астафьев ; худож. А. Веркау. - Москва : Детская литература, 2013. - 430 с. : ил. - (Школьная библиотека). 16+

Произведение В.П. Астафьева «Царь-рыба» в 1978 году удостоено Государственной премии СССР. Основные герои повествования в рассказах — Человек и Природа, которые объединены образом автора.

Глава «Царь-рыба», давшая название всему повествованию, символична: единоборство человека с царь-рыбой, с самой природой. Произведение отличает браконьерство в самом широком смысле этого слова, касается ли это природы или общества. Повествование идет от третьего лица и перемежается внутренними монологами главного героя рассказа — браконьера Игнатича. Он — фигура символическая, тот самый

царь природы, который в столкновении с царь-рыбой потерпел жесточайшее поражение. Физические и нравственные страдания — вот возмездие за дерзкую попытку покорить, подчинить или даже уничтожить царь-рыбу, рыбу-мать, несущую в себе миллионы икринок.

«Вечный рыбак, лежучи на печи со скрученными в крендель ногами, дед беспрестанно вещал голосом, тоже вроде бы от ревматизма искрученным, перемерзлым: «А ешли у вас, робяты, за душой штоось, тяжкий грех, срам какой, варначество — не вяжитесь с царью-рыбой, попадетса коды — отпушайте сразу. Отпушайте, отпушайте!.. Ненадежно дело варначье».

Ни облика, ни подробностей жизни деда, ни какой-нибудь хоть мало-мальской приметы его не осталось в памяти, кроме рыбацких походов да заветов. Этот вот другорядь за сегодня вспомнил. Припекло! Но какой же срам, какое варначество за ним такое страшное, коль так его скрутило?»

Игнатич отпустился подбородком от борта лодки, глянул на рыбку, на ее широкий бесчувственный лоб, бронюю защищающий хрящевину башки, желтые и синие жилки-былки меж хрящом путаются, и озаренно, в подробностях обрисовалось ему то, от чего он оборонялся всю почти жизнь и о чем вспомнил тут же, как только попался на самолов, но отжимал от себя наваждение, оборонялся нарочитой забывчивостью, однако дальше сопротивляться окончательному приговору не было сил.

Пробил его крестный час, пришла пора отчитаться за грехи».

Гущин, Е. Г. Облава : рассказы и повести / Евгений Гущин. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1981. — 495 с. 16+

События одноименной повести, вошедшей в сборник, развиваются вокруг истории с собаками, которые становятся ненужными промысловикам-охотникам, волею судьбы отказавшимся от традиций предков. Герой оказывается в ситуации, когда проверяется его нравственное состояние через отношение к природе, к братьям нашим меньшим. Предать друга, предать самого себя, остаться наедине со своей совестью. Как поступить главному герою? Ведь его Тайгун спас его от медведя, а теперь поможет ли хозяин своей собаке? Облава, затеянная сельчанами, спасет их личный скот от гибели, но какова будет цена, ведь люди идут убивать привязанность и доверие к себе.

«...Отсталый я, наверно, ничего не понимаю. В лесу вырос. Ничего, кроме леса, знать не хочу. Ты вот, Василий, учился, пограмотнее меня будешь. Скажи, это правильно, что мы вот так с собаками? Из ружей в них палим? Что под корень извести их решили?»

— Ты же видишь скот давят...

— Я это понимаю. Это, конечно, плохо, что давят. Как человек я злюсь на них и прочее... Ну, а почему мы считаем, что кроме нас, людей, больше и жить никто не должен? Захотим — изведем, захотим — помилуем. Отчего мы ни с кем не считаемся-то?

— Мы люди, хозяева земли, — улыбнулся Василий. — А ты как хотел?

— Не знаю. Но ведь кроме нас есть живые души. Мы вот думаем, что во всем правы. Что правда-матушка у

нас в кармане, и больше ее ни у кого нет. А ведь так не может быть.

— А как может? По-твоему, где ей быть, правде?

— А везде, — Иван широко повел рукой вокруг себя. — Везде она рассеяна. В деревьях, в живности лесной, в каждой травинке. Ее в кучу-то собрать никак нельзя. Как нельзя остановить солнце, чтобы светило в одну только сторону. Ты смеешься, поди, а, Вася?

— Да нет, не смеюсь, — ответил тот.

— Смеяться сейчас мне не шибко охота. Да и задумываться — тоже. Задумаешься

— только душу растратишь попусту. Хорошо деревьям и зверям. Им думать не надо...».

Распутин, В. Г. Последний срок ; Прощание с Матерой ; Пожар : повести / Валентин Распутин. — Москва : Советская Россия, 1986. — 384 с., [1] л. портр. 16+

В повести В. Распутина «Пожар» (1985) остро ставится вопрос об отношении людей к своей земле. «Кто мы, — спрашивает себя и нас писатель, — временщики, не помнящие родства, или люди, способные оставить потомкам плоды своего труда?». Сюжет повести прост. Горят орсовские склады, а многие прибежавшие на пожар не гасят огонь, а растаскивают еще не сгоревшее, зная, что все спишет на огонь. Всей логикой повествования писатель подводит к мысли, что не склады, в общем-то, горят, а людские души. Происходящее мы видим глазами местного старожила Ивана Петровича Егорова. Хороший работник и рачительный хозяин, он никак не может понять, почему пришлые люди так небрежно относятся к своему делу, к земле, на которой живут и работают.

«Одно слово: леспромхоз — промышленные заготовки леса. Этим многое из неурядицы и неурядства в устройстве и объяснялось. Лес вырубать — не хлеб сеять... А лес выбрали — до нового десятки и десятки лет. Выбирают же его при нынешней технике в годы. А потом что? А потом собирайся и کوچуй. Оставив домишки, стайки и баньки, оставив могилы с отцами и матерями... А там начинай все сызнова. Проплывая летом мимо Березовки, Иван Петрович всякий раз с невольной тоской и растерянностью

смотрел в ее сторону на заколоченные и оставленные избы...

Та же судьба рано или поздно ждала и их. Ее, как могли, оттягивали, но не бесконечно же... Свою древесину — со своих наделов они сняли еще семь лет назад. Отвели участок за Ангарой. Через пять лет, что только можно было, выбрали и там... Снова пошли по своим старым наделам, по вырубкам, но если прежде брали только деловую древесину, только сосну и лиственницу (было время травили березу и осину ядохимикатами, чтобы не засоряли леса), то теперь вычищали под гребенку. И техника пошла такая, что никакого подроста после себя не оставит. Тот же самовал, чтобы подобраться к кубатуристой лесине, вытопчет и выдавит вокруг все подчистую».

Алексеев, С. Т. Рой / Сергей Алексеев. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 477 с. — (Сокровища Сергея Алексеева). 16+

В давние времена, еще при Столыпине, несколько крестьянских семей из села Стремянка, что на реке Пижме под Вяткой, переехали за Урал в поисках лучшей доли. Так и появились две Стремянки — российская и сибирская.

Герои психологического романа «Рой» — вятские переселенцы и их потомки, несколько поколений людей, чья жизнь тесно сплелась с судьбой России. Они знают, что такое общинный уклад и достаток, разлад и бедность, погоня за счастьем на золотом прииске и преступление, крушение империи и гражданская смута, Великая Отечественная война и неотвратимое наступление будущего — общественных отношений, при которых возврат к старым нравственным ценностям невозможен.

Роман С. Алексеева «Рой» был удостоен премии ВЦСПС и Союза писателей СССР; по нему был поставлен одноименный фильм.

«На зиму он ложился в берлогу, открытую несколько лет назад в заповедной и труднопроходимой части тайги. Сюда не забредали ни люди, ни собаки; тайга на многие десятки километров была сухостойная, мертвая. Когда-то сибирский шелкопряд начисто свел огромные площади кедрачей и ельников, иссушил их на корню, в два года уничтожив хвою на деревьях. От-

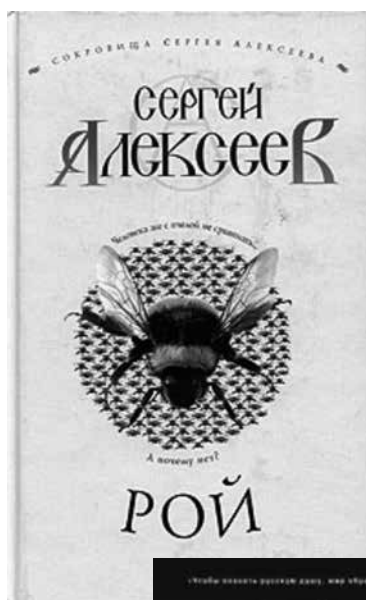
сюда ушли звери, улетели птицы и лишь весной в мертвую тайгу во множестве собирались дятлы — добывать червя-подкорника. Полуголодный медведь бродил по сухостойной, пустой, как бубен, тайге шелкопряднику, ел траву, ягоды и корни — пищу легкую и не очень-то пригодную, чтобы нагулять жиру на зиму. Однако все равно не покинул бы своей территории, не начнись тут великие и бесконечные пожары. Прошатавшись лето на чужбине, он вернулся на свою землю и не узнал ее. Шелкопрядники во многих местах выгорели так, что исчезли последние обитатели — мыши. На пожарище с черными высокими пнями ветер поднимал золу и пылил ею по всему белому свету. И все-таки он вырыл берлогу».

«Земля-то научит, как с ней обращаться. Эта наука мордой об лавку дается. Пускай холку-то собьют себе, потом думать станут. И осушать, и ухаживать... Тут, Петрович, другое. Пахать-то ее вздумали, когда нефтяных городов настроили, когда вышло, что людей кормить нечем. Получается-то как? Не нашли бы нефть, так и гари не тронули. А тут для нефти еще и земля потребовалась. Нефть, она что — ну, тридцать, ну, даже сто лет, и кончилась. А земля нигде не денется. Почему же она у нас как подсобное хозяйство у нефти, а? Ведь всегда наоборот было!.. Если так рассуждать, кончится нефть, и землю бросят. Она будто на подхвате стоит, как подмастерье».

Геласимов, А. В. Степные боги: [роман] / Андрей Геласимов. - Москва : ЭКСМО, 2010. - 414 с. - (Pocketbook). 16+

В 2008 году в издательстве «ЭКСМО» вышел роман Геласимова «Степные боги». В основе сюжета книги лежит история дружбы забайкальского подростка Петьки и пленного японца — врача Хиротаро. Действие романа происходит в вымышленном селе Разгуляевка летом 1945 года, накануне вторжения советских войск в Японию и атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки, где родился и вырос Хиротаро. Военнопленные японцы добывают руду и умирают без видимых причин. Врач Хиротаро день за днем наблюдает за мутациями степных трав, он один знает тайну этих рудников. Ему никто не верит.

За этот роман в 2009

году автор удостоился премии «Национальный бестселлер».

«Хиротаро начал озираться вокруг себя, быстро считая могилы:

— ...семь... двенадцать... восемнадцать... двадцать... Вот видишь? — он наконец поднял торжествующий взгляд на Масахиро.

— Что? Что я должен увидеть?

— Всего тут похоронено двадцать три человека. Вот эти двадцать могил принадлежат тем, кто работал на нашей шахте. Получается, что на двух других шахтах за это же время умерло всего трое военнопленных. Ты считать умеешь? Трое против двадцати. Да еще вот это!

Он протянул Масахиро изрядно потрепанные вазильки.

— Это мутация, — по лицу Хиротаро блуждала рассеянная гримаса, которая действительно делала его похожим на сумасшедшего. — Ты понимаешь?

— Нет.

— Я думаю, источник в нашей шахте. И это не газ».

«Сам Петька уехал учиться на геолога. В шестьдесят третьем он попал на работу в Сосновскую экспедицию, которую к этому времени все называли «Сосна», и вместе со своими товарищами нашел рядом с Разгуляевкой уран.

Вот так все встало на свои места».

Тарковский, М. А. Енисей, отпусти! : [книга прозы] / Михаил Тарковский. - Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. - 351 с. 16+

По словам известного российского писателя Олега Павлова, «Тарковский сросся душой с таяющим миром с детства. Он человек, с малых лет очарованный именно этой природой, сильной и могучей, воспринявший ее как Божий храм. Другой так любит степь или пустыню, а он — свою родную тайгу. Через любовь к природе — сначала детскую, потом осмысленную, взрослую — он научился видеть хорошее, и это, без сомнения, его настоящий, редкий сегодня дар», как и герои его повестей.

В 2016 году автор стал лауреатом Шукшинской премии за сборник прозы «Избранное».

«А может быть, природа — самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми? Может быть, нам не хватает душевной щедрости на

любовь к ней, и потому она часто видится нам равнодушной или враждебной? Она кажется нам наивной и бессмысленной, потому что, быть может, мы сами ищем смысла вовсе не там, где надо: все стараемся чем-то от кого-то отличиться, и все сердимся, что никак не выходит. Может, потому и презираем ее: мол, как можно так повторяться из года в год — что сами стыдимся в себе вечного и гонимся за преходящим? Может, потому пугаемся, глядя, как она столько раз умирает, что к своей смерти относимся неправильно? И обижаемся на нее зря — тогда, когда забываем о главном: что она любит труд, терпение и не переносит жадности с верхоглядством. Что она, как дикая яблонька из сказки «Гуси-лебеди», говорит торопливому человеку:

— Хочешь получить от меня подарок — съешь сначала моего кислого яблочка...

Вот попробовал ты ее кислого яблочка, и словно чудо произошло — уже не страшно, что иголки плывут, а тебя больше нет. Плывите, мои золотые, плывите, да напоминайте нашим детям: кто служит вечной красоте, не стыдится повторений».

Вот попробовал ты ее кислого яблочка, и словно чудо произошло — уже не страшно, что иголки плывут, а тебя больше нет. Плывите, мои золотые, плывите, да напоминайте нашим детям: кто служит вечной красоте, не стыдится повторений».

Кирилин, А. В. Письма из страны великого незнания : очерки и заметки / Анатолий Кирилин. - Барнаул : Алтай,

2012. - 352 с. 16+

Книга «Письма из страны великого незнания» А. Кирилина увидела свет в 2012 году — писатель выиграл краевой конкурс на издание литературного произведения. В «Напутствии самому себе» — своеобразном предисловии к книге — А. Кирилин пишет о том, что ушедшие за земные пределы из сего замечательного мира, оставили нам широкие нивы, вольную даль и высокое небо, и задается вопросом: «Что-то оставим мы?». Отголоски этого вопроса, так или иначе, мы слышим во всех очерках и заметках книги.

«Деревенская элегия» — это зарисовки из жизни жителей села, это мысли писателя о реальности, ее главном и второстепенном, среди которых и мысли о природе и человеке.

«Река Чарыш чего только не встречает на своем пути — горы, холмы, степи, леса, перелески. В его водах разглядывают свое отражение высокие берега, стога, постановленные на краю

покоса, деревни, кое-где еще сохранившиеся по-над рекой, на угоре, отдельные домики, когда-то поставленные рыбаками. Рыбного промысла давно уж нет на Чарыше, а так, больше для своего удовольствия рыбачат люди — кто из далека едет, кто здешний, побережный. Конечно, ловят рыбу и на прокорм, и на продажу, но та ловля уже браконьерская, с запрещенными снастями. Мало рыбы, с каждым годом все меньше.

Старожилы говорят, что и вода в Чарыше год от года убывает. По весне разольется, былую мощь покажет, луга затопит, а к августу сузится, обмелеет, местами разойдется меж островами несколькими ручьями — не угадать, где коренное русло. Вот рыба и пугается, на мели боится остаться, спешит к большой воде, к Оби, куда впадает Чарыш. А та, в свою очередь, тоже к концу лета вся в песчаных пропелинах, еще выше надо уходить рыбе, на север. Но там ее поджидает опять же мелкое и большое Обское море и плотина, образующая его. Все, нет дальше пути. Сказывают, с северной стороны плотины, откуда уходит Обь к Ледовитому океану, этажами стоят, приткнув носы к бетонному перекрытию, огромные осетры и нельмы. Ждут — будто знают, что сотворенное человеком не вечно, даже могучий бетон...».

Сенчин, Р. В. Зона затопления : роман / Роман Сенчин. — Москва : Редакция Елены Шубиной : АСТ, 2015. — 383 с. — (Проза Романа Сенчина). 16+

В новом романе Сенчина «Зона затопления» жителей старинных сибирских деревень, двенадцать тысяч человек, в спешном порядке переселяют в город — на этом месте будет Богучанская ГЭС. Люди «зоны» — среди них и потомственные крестьяне, и высланные в сталинские времена, обретшие здесь малую родину, — не верят, протестуют, смиряются, бунтуют. Был огород, рыбалка, грибы, ягоды. Дома, построенные предками на века. Вот, например, описание одного жилища: «Изда старая, но надежная, на века. Говорят, ее срубил прадед Ирины Викторовны с сыновьями больше ста лет назад. Огромные бревна до сих пор вызывают уважение, и когда представляешь, как их тянули

сюда из тайги без всяких тракторов, как ошкуривали, пилили ручными пилами, как закатывали друг на друга, — удивляешься тем людям, богатырям, великанам каким-то...». А теперь? Теперь квартира в райцентре. Вместо огорода — лоджия, вместо сеней — лестничная клетка. А тот дом сжечь. Что у этих переселенцев впереди? Какая жизнь? Как вода в реке, зажатой электростанциями. «Злая, избитая турбинами, очищенная от всего живого». И город, в который заставили переехать сибиряков — «искусственный город, возникший из-за ГЭС, — на высоком неудобном месте, вдалеке от реки, от тайги». И жизнь. Вся жизнь у них теперь впереди искусственная.

«Но скоро человечество одумается и поймет, что Земля — родная и единственная, не надо губить ее, нельзя так бешено выкачивать нефть и газ, косить леса. Одумается, станет беречь Землю и самих себя, своих потомков».

ПРИРОДА АЛТАЯ ГЛАЗАМИ БАРНАУЛЬСКИХ ХУДОЖНИКОВ

ЛЕТО

Майя Ковешникова (1926-2013) «В конце страды», 1980 г.

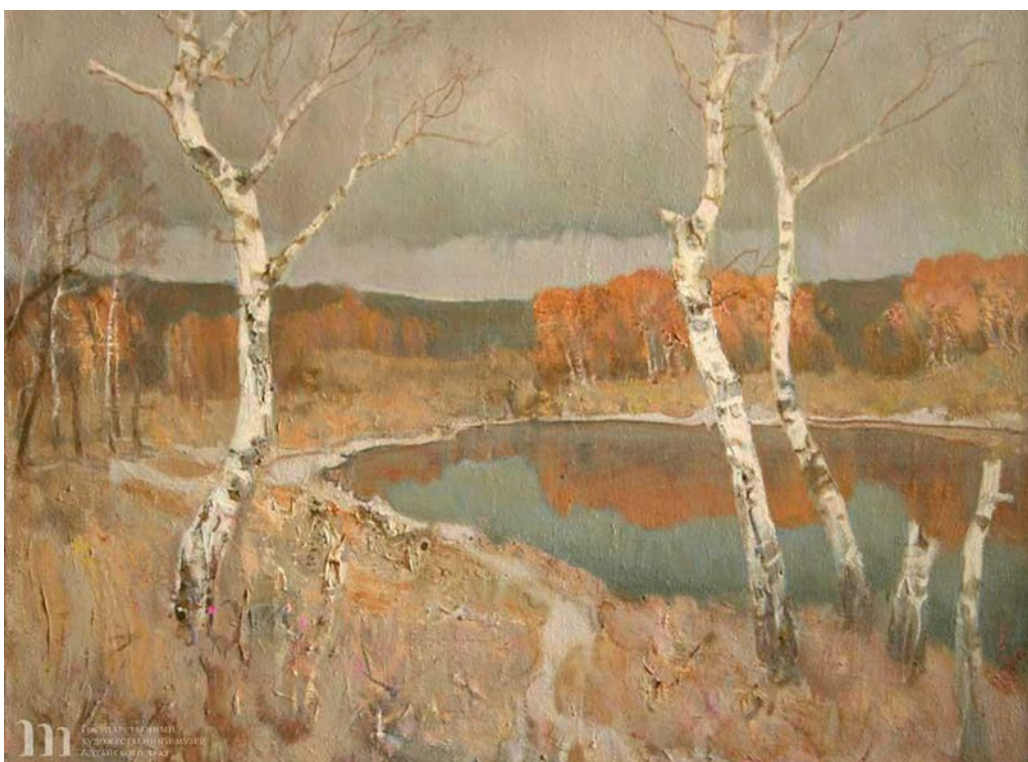

Михаил Будкеев (род. 1922) «Чуя перед грозой», 2006 г.

ОСЕНЬ

Иван Харин (1909-1995) «В старом железнодорожном парке», 1945 г.

Анатолий Щепланов (род.1931) «Осеннее затишье», 2008 г.

ЗИМА

Александр Шишкин (род. 1956)
«Займка», 1991 г.

Геннадий Бурков (1936-2016)
«Начало зимы».

ВЕЧНА

Сергей Осиночкин (род. 1950) «Утро на Оби. Март», 1999 г.

Анатолий Щетинин (род 1954) «Март».

Андрей Арестов (род. 1956)
«Сиреневый вечер», 2004

Главной литературной премией Барнаула вот уже много лет является Пушкинская. Премия для молодых и совсем юных литераторов. Ее получают по давней традиции двое барнаульцев – студент и школьник. Подавляющее большинство лауреатов (школьников уж точно) – воспитанники литературных студий Ольги Фёдоровны Гришко.

«Пушкинский» призыв в литературу

Артём Бочкарёв

Пушкинские премии в области поэзии учреждены в Барнауле в 2000 году в целях поддержки молодых поэтов, создания наиболее талантливых произведений в области поэзии.

Ольга Фёдоровна считает, что, по сравнению с временами десятилетней и более давности, сегодня интерес к литературе у ребят падает. Меньше читают – меньше и пишут. Увы, литературе не слишком повезло в ходе реформы образования. Но и общественный интерес стал менее острым, внимание СМИ к литературе, литераторам, а соответственно, и юным лауреатам Пушкинской премии слабеет...

Тем более важной представляется миссия самой премии.

Ольга Фёдоровна говорит, что ребята, имеющие склонность к литературе, начинают писать потому, что им это нравится, ну а потом у них появляется своего рода литературное честолюбие, им хочется постоять 6 июня у памятника Пушкину, почитать стихи... Так же как и их старшие товарищи. Ведь, например, из литературной студии Гришко, которую она продолжает вести в 40-й школе, вышло не менее 10 лауреатов премии. Чуть меньше – из студии при гимназии номер 42. Здесь, увы, литературной студии Гришко больше нет. Да и вообще – хорошо бы, чтобы таких студий и таких студийцев было в Барнауле больше. Ольга Фёдоровна не без ностальгии вспоминает Мишу Пушкарёва, ставшего лауреатом в далеком уже 2004 году и открывшем дорогу многочисленным воспитанникам литературных студий Гришко. Ольга Фё-

Ольга Фёдоровна Гришко.

доровна, кстати, просила отметить, что за своих студийцев она, будучи членом жюри, не голосует.

Подготовка к участию в конкурсе на соискание Пушкинской премии начинается в студии Гришко за два-три года. Причем с получением награды ничего не заканчивается. Во-первых, на Пушкинскую премию можно претендовать несколько раз – причем успешно. По два раза «пушкинистами» становились Виталий Пастухов и Евгения Клинок. Кстати, сегодня Евгения – член Союза писателей, как и другие победители

премии, например, Александра Малыгина, Елена Ожич или Татьяна Тарковская. Обладателем награды была и Елена Безрукова, также член Союза писателей, но, как знают все, еще и руководитель краевого управления по культуре. Многие лауреаты премии становились участниками Программы «Одаренные дети России», обладателями именных стипендий...

Впрочем, и те, кто пока в писательские союзы не пробился, так или иначе связь с литературой держат. Возможно, выбирая профессию, с литературой связанную (преподавателя, журналиста, библиотекаря). Возможно, приводя в литературные студии уже своих детей.

Конечно, в современных условиях необходимо прикладывать особые усилия, чтобы премия оставалась популярной и престижной. Возможно, следует обратить внимание на студенческую аудиторию. В вузах пишут многие, почти везде есть кружки и клубы по интересам, так или иначе связанные с творчеством. Их потенциал нужен Пушкинской премии!

Интересно, что впервые в истории в этом году трижды (!) лауреатом стала Мария Криксунова, студентка факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ. Мария – человек очень активный, в ее «активе» ведение телепрограмм, критические обзоры новинок литературы. А в нынешнем году Мария стала победителем краевого издательского конкурса, ее сборник выйдет в номинации «Первая книга». Началась же ее литературная карьера именно с Пушкинской премии.

Пожелаем такого же достойного начала и другим участникам и победителям!

Елена Безрукова.

Елена Ожич.

Татьяна Тарковская.

Пушкинистами обычно называют исследователей творчества А.С. Пушкина. Но мы говорим так о юных дарованиях, которые идут пушкинской тропой и за это вот уже много лет отмечаются главной литературной премией Барнаула – Пушкинской. В этом году премию получила (причем уже в третий раз!) Мария Криксунова и ученица гимназии номер 40 Екатерина Саблина. Поздравляем лауреатов! Расти им и развиваться, не сворачивать с дороги и прибавлять к регалиям барнаульской премии новые и новые регалии самого разного уровня!

«Пушкинисты»-2017

МАРИЯ КРИКСУНОВА

Время

*Время летит колесницей по воздуху,
Этих коней не удержит никто.
Лет экипажи не звездами созданы,
Солнечный свет собирал фазтон.
Еле слышны голоса отографии –
В них не увидеть теченья времен.
Нас захватила незримая мафия
Быстрых часов, уходящих имен.
Слишком близки два далеких звучания:
По летам я или по Лете плыву?
Время, как минимум, – это молчание,
Обращенное к большинству.*

***

*Когда-нибудь закончится пора
Бросать упреки и ловить презренье.
Твою улыбку то ли день украл,
А может, просто проглотило зренье,
Но ты устал. Привычка – верный друг –
Замена счастью и замена горю.
И чувства превратились в тихих слуг,
Которые твоим привычкам вторят.
Давай порвем с дурацкой связью двух
Оставшихся в чужой роскошной зале?
Мы знаем оба, но не скажем вслух
Того, что мы друг другу не сказали.
Настанет день и будет благодать.
Когда-нибудь закончится ненастье.
Что ж, будем верить, плакать и страдать,
Но никогда не говорить о счастье.
Ложится ночь на скованные плечи,
Тая минутной слабости капкан.
Пей, милый друг, вино порою лечит,
Когда не лечит – не наносит ран.
Давай оставим прежние терзанья
О том, что было и что с нами стало.
Вот озарились кромкой света зданья.
Пей, милый друг, и разобьем бокалы.*

Маме

*О тебе ни одной закорючки,
Хоть исписана кипа бумаг.
Совесть или же память в отключке,
Что не могут собраться никак
Написать неземными словами
И пропеть двумя сжатями губ
О любви самой главной – о маме?
Но, увы, мой язык очень скуп,
Он не знает небесных мелодий,
Он не знает восторженных слов.
Он томится в молчаньи на входе –
Ученик, как всегда, не готов.
Я, наверное, неблагодарна,
Что и звука найти не могу.
Загорюсь – вызывайте пожарных! –
От стыда и тогда, на бегу,
До макушки покрытая алым,
Может быть, я осмелюсь сказать:
Это ты заложила начала
Моего бытия, моя мать.
Нет, не то, всё не так! И по новой
В вечном поиске, в вечной мольбе...
Просто, мамочка, нет того слова,
Что могло бы сказать о тебе.*

На фото:
эпизоды
вручения
Пушкинской
премии раз-
ных лет.

***

Мое сердце, застрявшее в клетке,
Вырывается из груди.
Если кто-то стреляет метко,
Значит, лучше идти позади.
Значит, лучше быть терпеливой,
Не касаться чужих углов
И считать не влюбленности — сливы,
Незавидный осенний улов.
Я молчу, будто слов не знаю,
Но понятно без них давно:
Мы два волка, и нам не в стаях —
Одиночками жить дано.
И когда я тяну запястья,
Чтоб сомкнуть на твоих плечах,
Для меня только это — счастье,
А тебе — дискомфорт и страх.
Но сегодня я буду послушной,
Хоть слова твои будут строгими.
Где кончается равнодушие,
Начинаются патологии.

***

Когда расплывутся линии
Судьбы на моих ладонях,
Я буду лежать в белых лилиях
И думать о том, что донья
Не так уж страшны, как кажутся,
Напрасно чертей малюют!
Когда наша сказка скажется,
Не мы, так за нас повоюют.
И даже ружье настенное
Не выстрелит в третьем акте...
Конец — это лишь переменная
В никем не доказанном факте.

***

Уже поздняя ночь. Уже спят фонари.
Так темно, будто я опустилась на дно.
Ни души и ни зги. Только тихо горит
В одинокой глуши золотое окно.
Я не волхв, только мне путеводной звездой
Загорелся далекий и теплый квадрат.
Мне идти больше некуда. В жизни — застой,
Но стоять и замрзнуть — не мой вариант.
Почему там не спят? Не меня ли там ждут?
Этот свет зажигали ведь явно не мне...
Но меня согривал этой ночью уют
В том далеком и близком горящем окне.

ЕКАТЕРИНА САБЛИНА

ВДРУГ ПУШКИН УЛЫБНЕТСЯ

Вновь перечеркиваю строки,
Их расцепляю хоровод,
Предвидя взгляд поэта строгий,
И жест руки: так не пойдет!

Но не кончается надежда,
Что всё же выдаться денек,
Осенний, теплый, безмятежный,
И вдохновения глоток,

И я заговорю стихами,
И Пушкин улыбнется вдруг:
«Чуть-чуть получше, юный друг,
Но это только — между нами...»

ПОЭТ И СОЛНЦЕ

А если вдруг однажды не взойдет
На небе наше солнце золотое,
То сколько долгих дней тогда пройдет,
Укутанных ночью пеленою?

Забудут люди, что такое свет,
Твердить начнут слова лишь «мрак» и «горе».
И станет он один искать ответ,
Как тонкую иглу в глубоком море.

Строку на помощь спешно призовет,
Стих сочинит, прочтет в большой надежде,
Что солнце вновь на небосклон взойдет
И засияет ярко, как и прежде.

Поэт услышан будет — он душой
Людской предстанет перед мрачным небом,
Оно пошлет на землю луч такой
Живительный, каким тот прежде не был.

ВЕРЮ!

У моего одиночества
Нет пока имени-отчества,
У моего невезения
Вечно улыбка весенняя.

И ничего не изменится:
Я неудачам — не пленница
И к моему одиночеству
Так и не вызреет отчество.

ПОРТРЕТ ФРОНТОВИКА

Из прошлого, но не издалека,
Он, только за окошком расцветает,
За ней с любовью прежней наблюдает,
И даже улыбается слегка.

Он видит, как порой она детей
Бранит, как после горячо ласкает,
Как тесто месит и белье стирает,
Как хлопотно теперь живется ей.

Он знает — жизнь ее идет безмолвно,
А серый день сменяет быстро ночь,
И как она печали гонит прочь,
И ничего не изменилось словно.

А вечером, когда затихнет дом,
Она идет к портрету, как к иконе,
Стоит и плачет, только уж потом
Свет гасит. А душа в потемках стонет...

ЖИЗНЬ ЧУДЕСНАЯ!

Когда мне плохо – небо в клеточку...
А хорошо, то – синева,
И солнце светит не едва,
А во всю силу, и на веточках,
Сидят – вот чудо! – соловьи
И греют перышки свои,
Поют дуэтом опереточным.

Когда мне грустно – все вокруг
Туманом серым застилается...
А весело, то отзывается
Чужой прохожий, словно друг,
Ладонь раскрою – мотылек
Присядет, позабыв урок:
Ведь пальцы сжаться могут вдруг.

Но не напрасно говорят:
Никто не может вечно маяться:
Со счастьем после все встречаются,
И жизнь за то благодарят,
Что она горькая и пресная,
И разная, но ведь – чудесная!
Все повторить ее хотят.

ЖАВОРОНОК РАССКАЗАЛ

У берез набухли почки,
Созревает там листва,
Муравей сидит на кочке,
Мелкий – видится едва.

Воздух свеж, прозрачно небо,
Льется первое тепло,
Будто и мороз здесь не был.
Был, да ветром унесло!

Запах прели отовсюду –
Первый признак: быть весне.
Световые дни придут
Ясным солнышком в окне...

Обо всем об этом спешно
Жаворонок мне пропел:
Он купался в небе вешнем,
Там всё сочинить успел!

РАЗДУМЬЯ

Мне по душе осенняя прохлада,
И, провожая взглядом журавлей,
Я понимаю, их жалеть не надо –
Им будет в жарких странах веселей.

То – журавли, а если так же люди
Бросают землю, что взрастила их,
Лишь потому, что лучше им там будет?..
Вот тут я с грустью думаю о них.

СНЕГ ИДЕТ

Который день уж снег идет –
Укрыл дороги все и тропы,
И, как медведи, у ворот
Возникли белые сугробы.

И – тишина. Лишь снеговой
Скребется в мерзлое окошко.
Напрасно лапою своей
Зовет кого-то в гости кошка.

Всему свой срок и свой черед:
Отдернула я занавеску
И вижу: снег пешком идет
От нас – к далекому пролеску.

ПОЧЕМУ НЕ НАХОДИМ?

Желтый лист на ладони держу,
Он горит – это золото осени.
Я все утро по лесу брожу,
Им люблюсь да неба просинью.

Листья весело так шуришат!
Я мелодию леса слышу,
Она гимном стоит в ушах –
Это наша планета дышит...

И спокойно мне, и легко,
Нет тревоги, прозрачны мысли,
Вон и счастье, недалеко –
Солнцем ярким в небе повисло...

Мы гармонии все хотим,
Ее ищем подчас в природе.
А задуматься бы самим:
Почему в себе не находим?

Почему нам в душе своей
Не устроить бы всё по полкам?
Мир бы стал добрей и светлей,
И все войны бы разом смолкли.

Ранний бронзовый век. Аравийский полуостров. Загадочный природный катаклизм превратил некогда плодородные земли в пустыню. Правитель крупного нома Аттар Руса развязал войну сразу с несколькими городами-государствами. Собрав многотысячное войско, он движется по медленно умирающим землям, покоряя племя за племенем. Его самое страшное оружие — наемное войско островитян сар-канов. Военственный морской народ живет по своим суровым законам и правилам, заученным с детства. Молодой ураг Сольпуга — истинный сар-кан, безжалостный и расчетливый, — получает во сне загадочное послание. Вместе со своим младшим товарищем Илином он силится разгадать смысл предзнаменования.

Владислав Пасечник

Сыновья Морского Зверя

Фрагмент новеллы из цикла «Скарна»

*«О горе, горе,
сошло несчастье
к нашей деревне
и разоренье
к нашему граду.
Планеты дали
свободу Смерти
и злобной мыслью враждуют с нами».*
«Заклятье жизни»
(перевод В.К. Шилейко)

1.

Сольпуга придумал все еще на корабле, когда сар-каны только вошли в шукарский залив. Вчера вечером в кругу воинов он предложил свой план, и каждый из собравшихся хлопнул себя по плечу. Даже могучий Кутуш склонил голову набок в знак согласия. Один только Санука плюнул в огонь, но это заметили немногие. С рассветом Сольпуга с двумя сотнями скалолазов взобрался на стену Шукара. Крепость была продолжением горы, стены возвышались над отвесными скалами на добрых пятьдесят локтей. Лезть вверх было тяжело, но дома, на Сар-Кане, Сольпуга часто карабкался на скалы, разоряя гнезда чаек и морских соколов и потому имел все нужные навыки. Пара деревянных крючьев и прорехи между кирпичами сильно упрощали задачу. В это время священный отряд Шукара дал свой последний бой. Воины в медных панцирях, не признав страха, вышли за стены и двинулись на войско Аттара. Утомленные голодом шукарцы, свирепые, смирившиеся со скорой смертью, шагали вперед, подняв перед собой бронзовые жала копий, так, будто их число было не три сотни, а врагов — не восемь тысяч. Прежде чем погибнуть, они успели проткнуть, опрокинуть и затоптать не меньше сотни сар-канов. Лохаг Кутуш упал на землю со страшной раной в животе и долго извивался в пыли, словно змея. Сольпуга этого не видел — он карабкался на крепостную стену, первый среди первых, злой, черный от солнца, почти голый, с длинными, как у паука, руками и ногами. Кто-то из его людей сорвался — пять или шесть воинов пропало в серой бездне, но все другие — те, с кем была их молодая сила, — забрались на стену. Дальше было просто: дозорные не успели поднять тревогу — захлебнулись собственной кровью. Затем скалолазы вошли в святая святых, где была лишь кучка краснобородых жрецов. Когда появились сар-каны, они воззвали к своим пустоглазым богам, но те не откликнулись. Краснобородых согнали в один гурт и умертвили всех до единого. Когда люди увидели на вершине храма колючие фигуры сар-канов, они пали на землю в страхе. Вспомнив их вой и

бледные лица, Сольпуга усмехнулся: из оружия у мальчишек были лишь дубинки и короткие мечи, эти козопасы без труда могли забросать их камнями, стащить с адидона и растерзать голыми руками. Но тогда им, стоящим внизу, подумалось, что сар-каны научились летать, что они — грифы среди людей. В страхе козопасы открыли ворота, впусив врагов, а сами упали на землю, словно мертвые. Что было после, Сольпуга не знал, да и не было у него на то никакого интереса. Незаметный как полуденная тень, он вышел за городские стены и спустился к пляжу — пустому и дикому месту, где были только галька да грязная серая пена. Здесь стояли корабли сар-канов. Еще вчера они, грозные, белокрылые, скользили по темным волнам, а теперь попирали берег своими острыми носами. Под их склизкими днищами суетились безволосые рабы, проворные, похожие на больших белых лягушек. Они замазывали щели смолой и дегтем, предохраняя корабли от течи. Одно судно, самое большое и грозное, стояло особняком — это был корабль Кутуша, названный «Морским Зверем». Его родитель, корабель Джуката, погиб в морской схватке: дротик, брошенный шукарским застрельщиком, вонзился в его правый бок и проколол печень. Корабель рухнул на палубу, напился ее своей кровью и умер. Осиротев, «Морской Зверь» пришел в ярость и обрушился на шукарское судно, словно Южный ветер. В ход пошло все: бревна и копья, веревки и крючья, и скоро вражеская лодка перевернулась, задрав к небу черное брюхо. Бледные шукарцы, что копошились у своего мертвого корабля, один за другим отправились на дно, пронзенные копьями и дротиками. Сар-каны праздновали победу, проливая вино за борт. В тот день все они побратались кровью, и хоть теперь сам Кутуш погиб, его люди еще долго будут зваться Сыновьями Зверя.

Славный корабль стоял теперь на берегу, неуклюже зарывшись в ил, растерянный, оставленный. Сольпуга почувствовал, что жалеет корабль, но тут же одернул себя, ведь «Морской Зверь» не нуждался в его жалости. «Нескоро мы увидим тебя, — произнес молодой сар-кан, — нескоро теперь выйдем в вольное море. Куда бы мы ни пошли по этой негодной земле, мы будем удаляться от берега».

Сказав так, Сольпуга принялся, по обыкновению, начищать свой треугольный меч — Драконий зуб, уже порядком потемневший от времени. Это простое занятие помогало ему избавиться дух от сомнений. Китовый жир заменял ему масло, а кусок акульей кожи служил щеткой. За работой он видел свое неясное отражение в бронзе — хищные заостренные черты, миндалевидные глаза, брови густые, похожие на чайчи крылья. Сольпуге было дико смотреть на свое лицо — некрасивое, незнакомое. Он вздрогнул, услышав оклик, оглянулся и увидел Илина. У подножья скал он казался чем-то вроде муравья. Младший Брат шагал босиком по белому песку. Это был рослый парень с выцветшими волосами и кожей, серой и рябой от соли. Вдали, за его спиной, возвышался Шукар — темная и высокая скала, о которую много дней, словно прибой, в бессильной злобе билось войско Аттара. Теперь над зубчатыми стенами черной завесью стоял дым, а дубовые ворота сорвали с петель и порубили в щепы.

Илин шагал по песку босиком, приплясывая и смешно размахивая руками. Тощий, жилистый, в своем старом гиматии он был похож на пьяницу. Медный шлем съехал на затылок, отчего его голова казалась огромной, из-под серых волос тускло блестели большие карие глаза. Ему не было и пятнадцати лет.

— Чего сидишь? — крикнул Младший Брат еще издали, вопреки всем приличиям.

— Жду, когда море станет сушей! — сердито отозвался Сольпуга. — Что с Братьями? Где они сейчас?

— Все в городе... — Илин хмыкнул. — Грабят, наверное. Разоряют город, который ты захватил.

Сольпуга не сказал ни слова, только повел плечами и уставился на серую пену. Кое-где на сыром песке лежали куски плавника — все, что осталось от шукарских кораблей, преградивших сар-канам путь к гавани.

— Как же у тебя получилось? — спросил Илин робко. — Ты ведь выдумал такую хитрость...

— Выдумал? — Сольпуга недобро зыркнул на Младшего Брата. — Ничего я не выдумывал. Я сам себе загадал загадку. А потом просто разгадал ее.

Младший Брат смешался. Он уже понял, что обидел Сольпугу, назвав его выдумщиком. Сар-каны ничего не выдумывают — в праздных мыслях нет никакого толку, одна лишь суета.

— Где Санука сейчас? — спросил Старший Брат.

— Играет в скарну... с аттарскими редумами. Ставит на кон награбленное и выигрывает.

Сольпуга плюнул в сторону в знак презрения.

— Ты ничего не взял из города! — сказал Илин. — Там ведь столько добра...

— Не нужны мне их медь и золото, — голос Сольпуги отдавал холодом. — Все, что мне нужно, я добуду без особого труда. Если отобрать у меня еду и вино, я буду кормиться кореньями и пить из луж. Если отобрать у меня лежак, я буду спать на голой земле. Золотом нельзя жить, его нельзя есть, дорогие одежды делают тело изнеженным и слабым. А ты что взял из города, Илин?

— Вот... — Младший Брат вытянул вперед руку. На его тощем запястье болтался медный браслет, украшенный кусочком коралла.

— Я снял его с того богомола, что мы кончили, — робко произнес Илин. — Ты, что ли, сердисься на меня?

Сольпуга бросил на браслет короткий взгляд и опять уставился на серую холодную даль.

— Зачем взял? — спросил он наконец. — Носить будешь?

— Нет, я... — Илин густо покраснел. — Да не знаю я.

— Тогда лучше отдай морю, — сказал Старший Брат. — Ни к чему тебе это добро.

— Хорошо. Это будет моя последняя жертва Морскому Тельцу, — Илин сел на песок рядом с Сольпугой.

— Кутуш умер, — сказал он после некоторого молчания. — Его палица до сих пор лежит на земле. Санука ходит вокруг нее, как голодный пес.

Сольпуга, кажется, не обратил на эти слова никакого внимания. Младший Брат всплеснул руками и покачал головой.

— Если Санука сделается нашим... — он осекся. — Ты знаешь, он — из Тайного круга.

— Знаю.

— Разве не от их козней мы бежали, когда копыя свои на сушу продали?

Сольпуга молчал. Младший Брат положил руку ему на плечо:

— Тайный круг весь Сар-Кан опутал своими змеиными кольцами. А теперь они и в нашем лохе введут свои порядки...

Сольпуга кивнул. Он знал: если Сануку выберут начальником, то лохаги со змеей на щите будут в большинстве. А значит, на следующем сходе один из них сделается полководцем.

— Все будет так, как решит наш лох, — сказал Старший Брат, подумав эту свою мысль.

Он встал и торопливыми шагами направился в сторону лагеря. Лицо у него было пасмурным. Лагерь встретил его привычным шумом — тут и там слышались крики и споры, звон меди и брэнчанье струн. Громче всего был собачий лай: аттары привели с собой множество псов, огромных и злобных. Во время боя псари спускали их с поводков и гнали впереди войска. Собаки бросались на врагов, вгрызались в их глотки, ломали ребра, заливая землю кровью. Сольпуга слышал, что даже бывалые воины в страхе бежали, услышав приближение собак. Но еще страшнее были косматые пятнистые звери, которых держали при себе южане — аттары называли их тукку-хурва. Они были крупнее и сильнее собак, их челюсти перемальвали кости в труху, а лай был больше похож на мерзкий хохот. Сами южане держались вдали от больших костров. Это были люди диковинного вида: огромного роста, с черной, как смоль, кожей. Аттарам не нравились эти чужаки, они недобро

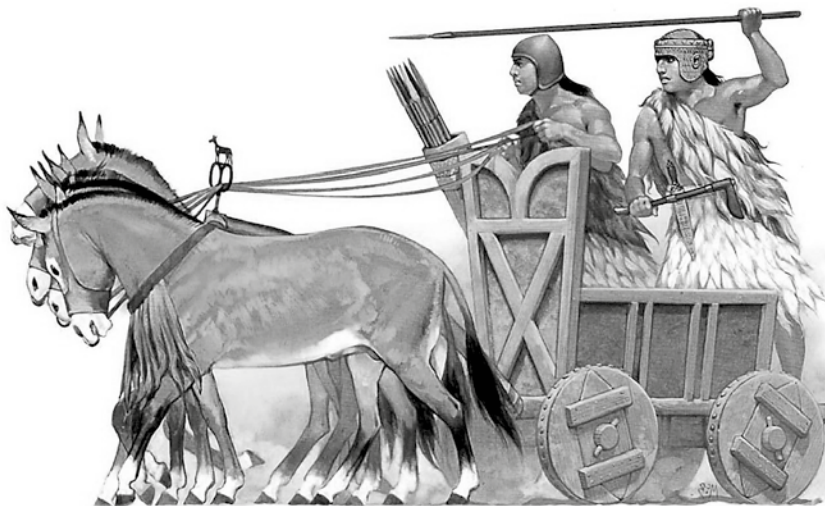

косились на чернокожих и не пускали их к своим очагам. День ото дня этих инородцев становилось все больше — одни приходили посуху, минуя разоренную Черную Землю, другие приплывали на больших плотах и высоких тростниковых лодках. Свой путь они держали из древней страны, лежащей к югу от Черной Земли. Страну эту называли прежде Землей Богов — испокон века купцы привозили из нее ладан и слоновую кость. Но в последнее время торговые челны приходили все больше пустыми, а то и вовсе не возвращались в родные места.

Говорили еще, что вскоре с севера к войску примкнут полчища тхаров. Люди-лошади — так называли их аттары. Рассказывали, что у степных людей и вправду лошадиные ноги, что они все время бегут куда-то и сами себя погоняют плетями. Этому Сольпуга не верил, он, хотя никогда и не видел тхаров, все же знал наверняка: у них, как и у прочих людей, по две руки и две ноги.

Ураг Санука сидел на высоком помосте в окружении Младших Братьев. Он был немного старше Сольпуги, но уже сделался начальником и имел в подчинении тридцать человек. Он носил красный аттарский плащ и колпак из черной шерсти — слишком пестрое одеяние для сар-кана. Санука были коренаст и грубо сложен, руки его — сильные и толстые, словно корабельные мачты.левой своей ручищей он брал из миски куски лепешки и, макнув их в кровавую похлебку, отправлял в свою черную пасть. Правой рукой обнимал он за плечи человека очень жалкого вида, одетого в бурнус из белой шерсти. Это был молодой жрец, служитель Отца Вечности, только-только получивший одеяние. На его бурнуса были вышиты знаки Льва и Змеи — символы Священного круга и Храма Светильников. Сольпуга почувствовал, как к вискам приливает кровь. С большим трудом он взял себя в руки и отвел взгляд от этого дурного человека. Но все же он слышал его. Жрец рассказывал странное, а голос его, сухой и резкий, звучал словно расстроенная арфа. Санука молча внимал его словам, сохраняя на лице покровительственное выражение. Младшие Братья смотрели на жалкого человека с трепетом.

— Раздался глухой рокот, — вещал жрец, — и огромные Врата от земли до неба начали закрываться. Тьма пришла в движение — она уже поглотила Первородный Свет, и теперь ее голод ничем нельзя было утолить. Златорогий Страж стоял на пороге, и разверстые крылья его закрывали проем Врат. Страж сей был Драконом, Львом, Тельцом и Орлом, он был Словом Отца и Волей Его. Тьма за воротами звалась Хаал — плоть, лишенная Души. Страж с отвращением взирал на нее, сплетенную из множества тел. То были трупы — безобразные, не знающие красоты и смысла. В своей вечной темноте грудились и сплетались они, бесконечно пожирая друг друга, воспроизводя себе подобных, безглазых, бездумных, жадных. Казалось, что это было войско без вожака, туловище без головы, но Страж знал другое: Хаал правил Дух, имя Которому — Отец Тьмы. Он-то и алкал так жадно поглотить Душу

и стяжать весь ее Свет. Страж произнес Проклятье, и небо над его головой расколола молния. Она поразила Хаал, и темная грудь на время отступила. Страж склонил голову, свет его крыльев померк. Он вложил в Слово все свои силы и нанес удар, последний в этой битве. Теперь он мог лишь ждать. Врата уже почти закрылись, когда Хаал в последний миг хлынуло вперед черным паводком в оставшееся пространство, заполнило его, навалилось так, что створки Врат испустили жалобный стон. Казалось, еще чуть-чуть и не выдержат они... Но Страж еще мог дать отпор — он шагнул навстречу тьме, и жадные плети опутали его по рукам и ногам. Зубы вонзились в грудь, когти обрушились на плечи. Свет, исходивший от Стража, обжигал Хаал, теснил его назад. Но Отец тьмы не сдавался — его цепкие плечи оплели золотые крылья... Страж произнес Слово Запрета, и черная громада завалилась назад, увлекая противника за собой. Спустя мгновение, врата захлопнулись, а Страж исчез в них вместе с Хаал. Лишь несколько капель черной крови упало за порогом...

Вдали взревел боевой рог, и жрец замолчал. Только теперь Сольпуга приметил, что у того вместо печати на шее болталась треснувшая миска. В темноте раздалась резкая щелчка кнута, топот копыт и окрики возницы. Из сумерек выехала массивная колесница, запряженная белыми онаграми. В ней стоял человек в медном шлеме и накидке из льиной шкуры. Человек этот держал спину прямо, как молодой копыеносец, у него была черная борода, заплетенная во множество мелких косиц, крупный нос и колючий, холодный взгляд. Сольпуге он показался несколько грузным, но льняные одежды скрывали этот его телесный избыток. Кроме чернобородого, в колеснице был юноша, правивший упряжью, и евнух с блестящей жирной лысиной. Когда улеглась пыль, все аттары и чернокожие южане, как один, повалились на землю, смешно задрав зады. Их лбы касались земли, а губы, спекшиеся от соли и жажды, беззвучно шевелились. Жрец встал со своего места и чуть склонил голову набок. Никто из сар-канов не шелохнулся. Во взгляде чернобородого скользнула тень недовольства, и толстый евнух, стоявший по левую руку от него, тут же прильнул к его уху и принялся быстрым шепотом что-то объяснять. Тот лишь отмахнулся от скопца и обратился, уже в голос, к Сануке:

— Это правда, что ваш народ не знает царей и прочих владык?

— Смотри сам, — ответил Санука с видимым удовольствием. — Спины у нас от рождения не гнутся, так что, прости, что не кланяемся.

Сар-каны засмеялись, а человек в льиной шкуре, кажется, смешался. Он оглянулся было на евнуха, но тот лишь потупил взгляд. Когда чернобородый заговорил снова, в голосе его звучала злая веселость:

— Мало ты жил, островитянин, и не знаешь всего. Любую спину можно согнуть. Но скажи: где тот юноша, что выдумал забраться на стену?

— Вот он перед тобой, — сказал Санука с досадой. — Мы зовем его Сольпугой.

— Сольпуга? — чернобородый посмотрел на юношу с удивлением. — Откуда такое гнусное прозвище?

— Посмотри на меня, о Великий лугаль, — отозвался Сольпуга хмуро. — Я дурно сложен, руки и ноги мои длиннее, чем у обычных людей, лицо безобразно, а зубы сидят криво. Женщины смеются надо мной, дети в страхе прячут лица, а мужчины удивляются: что это за мусор присох к веслу?

Человек в льиной шкуре не понял последних слов, но евнух торопливо объяснил ему, что таковы у морского народа шутки и не стоит в них смыслить добродушному человеку. Чернобородый как будто улыбнулся и махнул в сторону Сольпуги:

— Пусть этот паук получит богатую награду!

Когда прозвучали эти слова, возница стегнул онагров, и колесница, подняв клубы пыли, умчалась прочь — к темной скале, от которой все еще валил дым. Сар-каны проводили ее безразличными взглядами. Вскоре костры угасли, море стало серым, как свинец, а с севера подул холодный ветер. Сыновья Зверя поставили шатры из козьих шкур, сбились в большие груды и предали сну — тяжелому, темному, без сновидений. Их грубые туловища, не привыкшие к удобствам, мирно покоились на холодном песке, кровь спокойно текла по их венам, а груди были полны живого, яростного духа. Ничего в ту ночь не тревожило их мыслей, и были они покойны так, словно все предыдущие дни провели в праздности. Один только Илин увидел несчастный сон — ему приснились родные берега.

2.

Несколько последующих дней прошли в суете: сар-каны устраивали лагерь, смолили и сушили корабельные днища. Аттары больше не тревожили их, и, кажется, забыли о самом присутствии мореходов. Говорили, что царь Аттар Руса казнил владыку Шукара. Связанного и обритого на лысо энси вывели на высокий утес и сбросили оттуда на острые камни. Сказители в тот же вечер сложили славную песнь о падении неприступной скалы, редумы быстро подхватили ее и принялись распевать, переделав слова на непристойный манер.

По вечерам Сыновья Зверя собирались у костров и выспрашивали у гадалца, не пришло ли время выбрать им нового лохага. Но гадалец отвечал, что нужно ждать, пока не наступит день, благоприятный для жертвы. На пятый день народилась молодая луна и гадалец объявил, что время пришло. Выбрали уединенное место — на каменной отмели, вдали от лагеря, сложили костер, установили алтарь и бронзовую курильню, привезенную с островов. Едва солнце утонуло в море, Старшие Братья собрались у огня и встали в круг, все как один — обнаженные, перемазанные сажей, страшные. Каждый держал в правой руке короткое копьё с кремниевым наконечником, а в левой — пучок сухой травы. Заклали овцу, окропили кровью каменный алтарь. Гадалец сотворил молитву, обращаясь по обычаю к Морскому Тельцу. Пока он говорил, все, кроме Сануки, стояли, склонив головы, — ураг же нарочно отвернул лицо от костра, уставившись на тонкий лунный серп. Он не знал Морского Тельца и не любил его ни раньше, когда жил на островах, ни тем паче теперь, на чужой земле, где боги Серого моря не имели силы.

Наконец пришла пора голосовать. По очереди Старшие Братья подошли к алтарю и обмакнули в кровь острия своих копий. Одни из них после этого немедленно вонзили копьё в горячие угли, другие подошли к Сануке и коснулись окровавленными наконечниками его плеча. Сольпуга стоял прямо, вперив взгляд в огонь. Он чуть вздрогнул, почувствовав плечом холодное, лишнее прикосновение, затем еще одно...

Потом сар-каны долго толковали: Санука получил всего на пять голосов больше, чем Сольпуга. Кто-то предложил разрешить вопрос поединком, но оба спорщика отказались драться. Пришлось заколоть еще одного ягненка, гадалец долго рассматривал свежие внутренности, но так и не смог прочитать в их сопряжении волю богов. Все разрешилось только к утру: Санука стал лохагом и взял под свое начало Сыновей Зверя — всего полтора редумов. Сольпугу объявили урагом и дали ему в подчинение тридцать человек. Санука взял в руки палицу Кутуша и отдал свое копьё Сольпуге.

Вернувшись в лагерь, сар-каны не нашли своих кораблей и пришли в страшное волнение. На берегу не было сходней, все прочие следы смыл прилив. Лохаги отдали приказ строиться в боевой порядок, кто-то бросился с кулаками на сонных аттарских воинов. Те, оправившись от сна, сами ошетились копьями. Казалось, еще немного — и победители истребят друг друга. Однако вскоре из царской ставки прибыл сановник в белых одеждах. Он собрал всех сар-канских начальников и объявил: «Наш владыка, лугаль Аттар Руса в великой своей мудрости зная, что у берега еще рыщут отряды шукарцев, повелел отвести корабли за дальний скалистый мыс, опасаясь ночных вылазок». Белый человек говорил спокойно, ласково улыбаясь и глядя лохагам прямо в глаза. Он чуть отклонился вправо, когда возле его уха просвистел камень, но не прекратил говорить. «В этом укромном месте, — вещал он, — будут теперь стоять корабли, ожидая вашего возвращения». Услышав это, редумы пришли в еще большее смятение — царь Руса распорядился их кораблями по своему усмотрению и отрезал им путь домой. Но к полудню в лагерь прибыли повозки с медью и солью. Каждый редум получил двойную плату, и вскоре все немного успокоились. Кроме прочих подарков, рабы привезли плетеные короба. Каждый из них до краев был забит костяными плашками. На каждой такой плашке были вырезаны какие-то знаки. Сар-каны растерялись — что это за подарок? Кости? Какая в них корысть?

«Что это?» — спрашивали они аттаров. «Это расписки на зерно, — отвечали они. — Такие плашки делают в Храме Светильников, и каждая обозначает пятьдесят мер зерна. В любом селении вы можете найти жреца или евнуха, которые обменяют их на пятьдесят шеумов».

Сольпуга не поверил этим словам.

— Никто не меняет кости на зерно, — сказал он. — Мне не нужны эти плашки. На них знаки Льва и Змеи.

С этими словами он бросил свой короб на землю, крышка отлетела, и плашки с шуршанием высыпались. Аттары все как один усталились на Сольпугу и на груду костей у его ног. Лица их вытянулись, глаза загорелись безумным светом.

— Постой, Брат! — Илин наклонился, проворно сгреб все кости обратно в коробку, встряхнул и протянул Сольпуге. — Завтра мы с тобой ходим на базар и что-нибудь хорошее выменяем на эти негодные плашки.

— Выменяем? Скажи, например! — Сольпуга неприязненно скривился.

— Например, хлеб и вино, а еще... — Илин задумчиво щелкнул языком. — Я слышал, будто на базаре есть хороший гадатель. Он расскажет нам будущее.

Сольпуга тряхнул плечом, и это значило «может быть». Он не очень-то верил предсказателям, однако его тревожил один давний сон, и не было в войске человека, могущего его растолковать. Ночь провозился Сольпуга на своей драной циновке, помышляя о сне, а утром разбудил Илина и повел его на базар.

Базар при аттарском войске был очень большой. Нигде и никогда в одно время не собиралось столько гнусного люда. Это были разбойники и могильщики, люди самой низкой породы, дети рабов и скотокрадов, грязные и злобные, похожие на драчливых крыс. Тут и там у повозок сновали кучи в серых плащах, берущие добро у мертвых и продающие его живым. Они говорили на своем испорченном наречии, грубом и трусливом, но понятном любому ушлому человеку. Тут и там суетился прочий базарный сброд: бесчестные менялы, лживые прорицатели, вислогрудые ворожеи и бледные полковые девки. На базарах воины обыкновенно отдыхали: бражничали, торговались до хрипоты, играли в кости и всегда проигрывали, дрались яростно, потом мирились и снова принимались пить. Сар-каны держались в стороне от этих забав, не выменивали ничего кроме самого важного: масла, хлеба и солонины. Из выпивки брали разве что пиво да кислое вино, а уж в кости не садились никогда.

Гадатель жил в шатре из серого войлока. Он был беглый раб, корноухий, с грязной бородой. Одеждой ему служил грубый плащ из верблюжьей шерсти, чресла свои он подвязывал кожаным поясом. У него были широкие плечи и сильные руки, как у гребца. Родом гадатель был из страны, что к Югу от Шукара. Люди в тех краях знали Отца Вечности и чтили его под именем А-Эль. Умывались южане чистым песком, пили одно лишь слабое пиво, брезгуя пресной водой.

Увидев Илина и Сольпугу, гадатель пришел в беспокойство и тут же потащил их в свой шатер.

— Я знаю что-то о вас, — сказал он, усаживая гостей на соломенные тюфяки.

Илин издал удивленный возглас, но Сольпуга только дернул плечом.

— Вам известно, что такое чистый огонь? — гадатель зажег лучину и поднес ее к лампе.

— Это огонь, не дающий дыма, — ответил Сольпуга помедлив. — Но я никогда не видел такого.

Губы корноухого тронула слабая улыбка:

— Я сам видел его только однажды, когда в первый и последний раз вошел в Адидон.

— Ты — один из змеиных жрецов? — Сольпуга невольно вздрогнул.

— Нет, о чем ты говоришь, добрый господин! — гадатель отвернулся от огня, лицо его вытянулось и потемнело. — Я — дурной человек от дурного семени — один под этим злым солнцем. Мой отец торговал горчицей, моя мать прокляла небо над моей головой. Но за свою жизнь я побывал во всех пределах земли: я видел Великие термы Хатора и пивоварни Камиша, и Адидон тоже, и много прочих чудес. Я плавал по Серому морю и добывал мышьяк в горах Кар-Брезайтэ. Я бился со степными народом и приносил жертвы Собачьему богу. Многие я могу рассказать, однако... вы не за этим сюда пришли. Не буду отнимать ваше молодое время.

За белым покрывалом скользнула легкая тень, Сольпуга напрягся всем

телом, а Илин отчего-то втянул голову в плечи. Корноухий засмеялся, его смех был похож на сиплый лай.

— Я — пламень бездымный! — пропел он. — Я — Лев и Змея! Я — свет, не дающий тени! Я — смерть мира!

— Мы слышали, что ты не простой гадатель, — произнес Илин задумчиво. — Ты не гадаешь ни по звездам, ни по овечьему приплоду, ни по потрохам. Ты не раскидываешь костей и не пробуждаешь мертвецов, не пускаешь крови и не вяжешь узелков на пеньке.

— Все верно, — улыбнулся корноухий. — Я не делаю ничего из того, что ты исчислил.

— Как же ты узнаешь мою судьбу? — Сольпуга недобро усмехнулся, оглядываясь на Илина. Младший Брат сидел недвижно, сложив руки и все так же сутулясь. Глаза его блестели как студеная вода.

— Слушай, и я расскажу, ведь я — гадатель особого рода. Я не выпрашиваю судьбу — в этом нет никакого проку. Ты ведь и сам мне все расскажешь, — с этими словами корноухий протянул Сольпуге плоску, в которой был черный как деготь отвар.

В нос ударил горклый запах, сар-кан отпрянул, его рука, потянувшись к поясу, где был спрятан костяной нож, но тут чей-то голос пропел над его ухом:

— Мой отец толкует сны и видения. Говори с ним...

Что случилось дальше, Сольпуга помнил смутно. Лоза душистого хмеля опутала его шею, и какая-то безымянная сила запрокинула его голову назад. От неожиданности молодой воин открыл рот, и тотчас его горло обжег чародейский отвар. Он попытался воспротивиться зелью, его кадык поднялся как боевой щит, но тут же опустился под собственной тяжестью. Он увидел Илина, медленно сползающего на землю с выпученными от страха глазами, а потом — на какое-то мгновение — лицо своей отравительницы, тонкое, черноокое, неуловимо-прекрасное, как лицо древней Богини.

Все вокруг окутала серая пелена. Некоторое время Сольпуга ничего не видел и не слышал, затем из мутной дымки один за другим, как удары медного колокола, стали раздаваться слова корноухого. Сольпуга внимал им, но не привычным способом, не посредством слуха, а всем своим существом. Когда он отвечал, то отвечал, используя не только язык, но и все, что было в его природе.

— Что перед тобой? — прогремел корноухий.

Мгла рассеялась, уступая место иному бытию. Видение проносилось мимо, как горная река, но Сольпуга сознавал все совершенно ясно и точно.

— Передо мной озеро — глубокое и прозрачное, — говорил он. — Вода такая чистая, что видно дно. Вокруг него скалы из голубого гипса.

— Что перед тобой? — снова спросил голос.

— Солнце в зените, очень жарко, над землей поднимается испарина. Я сам и есть эта испарина.

— Что перед тобой?

— Из-за скал появляется дева... Не похожая на прочих дев. Она входит в воду, она... омывает руки. Если руки нечисты, то нечисто и тело... Ее взор падает на причудливый камень, он лежит на дне у самых ее ног. Это древняя раковина, время превратило ее в известняк и наполнило пиритом. Пирит полыхает на солнце золотом и бирюзой. Дева наклоняется, чтобы поднять камень... Но что-то не так... Со дна поднимается ил... Вода становится мутной... Свет рассеивается, смешивается с илом. Все озеро темнеет...

Видение мчится мимо с оглушительным ревом. «Что перед тобой?» — грохочет голос гадателя.

— Дева в страхе отступает назад и режет пятку о камень, ее кровь тоже смешивается с водой... Вот дева воздевает голову к небу — ко мне — и говорит: «Есть ли на небе дух, гений или дракон, который отделил бы свет от грязи и оставил бы чистой эту воду?» Она точно говорит это мне. И я отрываюсь... Вот я спускаюсь к озеру, я ступаю в воду и делаюсь подобен воде...

Наступила тишина. Сольпуга почувствовал, как погружается в холодную муть. Он направил всю силу своего ума на решение одной задачи, он обратился к каждой крупинке света и каждой частичке ила, взвешенной в воде, но скоро понял, насколько тщетны его потуги: ил поднимался со дна, закручиваясь черным вихрем, света не стало совсем, и не было ни гения, ни дракона, способного оставить эту воду чистой. Всем существом Сольпуги овладел страх. Голос из пелены рокотал, сливаясь в мерный гул.

— Я ничего не могу сделать, — это он сказал уже вслух. Наваждение пало, стихли бубны и барабаны, Сольпуга понял, что лежит на грязной циновке, голый и бессильный. Собравшись с силами, он позвал тихо:

— Илин...

Сар-кан услышал свой голос, похожий на сухой шелест, и содрогнулся от отвращения. Лоза душистого хмеля опустилась на его грудь.

— Твой Брат еще спит.

Сольпуга вздрогнул. Голос, озеро, дева — что за наваждение? Или все было наяву?

— Я видел тебя во сне, — произнес он, глядя в черные глаза своей отравительницы.

— Это был не сон. Я все время была рядом. Ты метался в бреду, кричал, как будто в тебя вселился дурной дух. Мой отец разговаривал с тобой, и то что он услышал, его печалило. Он потемнел лицом, даже в его голосе сквозило беспокойство.

— Где мой Брат?

— Другой мореход? Он здесь, — тонкая белая рука указала на темный угол, где Сольпуга с трудом разглядел Илина, вернее его бледную спину с выступающими ребрами и острыми лопатками. Сольпуга увидел и корноухого — тот сидел на земле, поместив свою безобразную голову между колен. Не видя вокруг, он раскачивался взад-вперед и бормотал себе под нос: «Я — Пламень Бездымный! Я — Лев и Змея! Я — смерть мира! Одесную от меня — Солнце Быстроконное, ошую — Светлоокая Луна!».

— Он говорит с Неизвестным богом, — в огромных черных глазах сверкали синие молнии, так, во всяком случае, казалось Сольпуге. — Мы не должны беспокоить его до утра.

— Что твой отец сказал про меня?

— Он сказал, что ты причинишь людям много зла, — отравительница вздохнула. — Но совершишь и много великих дел. Планеты совещаются о твоей участи, звезды помышляют о твоей скорой смерти. Вот что сказал мой отец.

Наступило молчание. Было слышно, как тяжело дышит в своем забытии Илин. Сольпуга попытался отстранить от себя девушку, но тут же понял, что у него не достанет на это сил.

— Как тебя зовут? — спросил он, отчаявшись.

— Меня зовут Луна и Холодная тень. Но ты зови меня Шафан.

— Ты вещунья или полковая девка? — Сольпуга почувствовал, как злоба закипает в его груди. Он злился на себя за собственную слабость, и на корноухого гадателя за то, что он опоил его своим зельем, и на Илина, который привел его в это негодное место.

— Я не вещунья и не блудница, — ответила девушка. — Я — Шафан, я — Луна и Холодная тень.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Сольпуга, с трудом сдерживая гнев.

— Ты — мой жених теперь! — Шафан засмеялась и потрепала игриво его волосы. Сольпуга стиснул зубы и попытался опереться на локоть, чтобы встать, но тут же со стоном опустился на спину. Шафан не обратила на его корчи никакого внимания.

— Ты и твой Брат — вы из морского люда, — вздохнула она. — От вас пахнет солью и смолой, вы скупитесь на слова и смотрите по сторонам, будто вас окружают враги.

— А ты откуда родом? — к своему удивлению, Сольпуга почувствовал, как утихает ярость, — прикосновения Шафан, звук ее голоса были подобны теплой соленой воде. Опасная слабость нахлынула теплой волной и тут же отступила, оставив тревожный осадок.

— Я родилась в Черной земле, — в ее голосе слышалась дрожь. — В моей стране случилась большая засуха, реки и вadi пересохли, а поля убила соль. На третий год совсем не стало зерна. На четвертый год мы ели сухую кору. На пятый год мы стали запирает двери на засов. На шестой год мы стали есть... — тут Шафан осеклась, но Сольпуга понял несказанное. Он однажды слышал плач о Черной земле и запомнил его хорошо. Теперь во всех пределах мира был неурожай, стояла страшная засуха и недород.

— Как тебя зовут? — спросила Шафан, зябко прижимаясь к Сольпуге.

— За то, что я сделал в Шукаре, люди зовут меня Разоритель Гнезда, — ответил он.

— А как тебя звала твоя мать?

Сар-кан смолчал. Он уже собрался с силами и мог оттолкнуть гадательницу, разум подсказывал ему, что следует скорее выбраться из ее объятий, но дух по-прежнему пребывал в смятении. Сольпуге вспомнился родной город, выстроенный из гранита и белого известняка, громоздкий, страшный, похожий на гнездовище шершней. Круглые дома без окон лепились друг на друга, на узких и тесных улицах не было ни статуй, ни жертвенников, только шершавые стены, прораставшие одна в другую, поглощавшие солнечный свет и живой звук.

— Я не помню матери, — произнес он наконец.

— Почему? Она умерла, когда ты был мал?

Сольпуга не ответил. Мать, должно быть, еще жила где-то в своем доме на островах, но вспомнить ее... прикосновений, голоса, даже лица он не мог. Старшие Братья забрали его из дома, едва он подрос. Каждый день ему учили самую тяжелую работу, а потом били палками, как дурного раба. Все, что прикасалось к его плоти, причиняло боль — острые камни под ногами, розги старших, холодная, колючая вода, в которой он каждодневно умывался. Братья учили его воровать, а когда попадался — секли нещадно, чтобы не попадался впредь. Прочие мальчики, бывало, плакали во время побоев, но Сольпуга не издавал ни звука. Всякую живую мысль вытравили из него, не осталось ни злобы, ни жалости, ни сомнений. Кожа его огрубела, глаза совсем выщвели, последнее испытание — самое страшное, самое жестокое — стерлось из памяти, зато остались серые рубцы на груди и на спине. На минуту Сольпуге представился смутный образ: темный и пыльный храм на вершине горы, шершавый каменный стол, а вокруг — несколько фигур в керамический масках. От фигур этих исходила угроза, но по-настоящему страшны были не они — в темных углах и под душными сводами таилось что-то грозное и вместе с тем гадкое — не с десятью, но с сотней лап, когтей, крючков, зубов...

Подумав про это, Сольпуга вздрогнул и застонал сдавленно. Ему вдруг подумалось об Илине: на его груди и спине не было никаких отметин — юноша так и не прошел своего последнего испытания. «Я, что ли, Брат ему? — думал Сольпуга с досадой. — Отчего я взял его с собой? В чем было последнее испытание? Одним Богам ведомо. Помню одно — потом не все были живы. А Илин — что? Ну, умер бы Илин — и пусть. Бывает — умирают молодые во время истязания. Или выжил бы Илин — так что с того? Большое дело! Вот я живой получил — отчего же ему погибать?»

Где-то в пустом небе закричала птица, и корноухий перестал бормотать — он завалился вперед и уткнулся в землю лбом, истратившись и забывшись. Начался рассвет, первые его лучи заглянули под полог шатра, и Шафан наконец отстранилась.

— Я уйду теперь, — сказал ей Сольпуга. — А ты разбуди Илина.

Когда Младший Брат пришел в себя, Сольпуга подвязал чресла и, не оглядываясь, вышел из шатра. В лицо ему дохнул сорный ветер. Базара не стало вовсе, всюду вокруг были только синие подпалыны костров и очагов. Людей не было видно. «Как будто сдуло всех в море» — прошептал Илин, оказавшись вдруг по правую руку от Сольпути. Он был бледен, но держался крепко, кажется, Шафан, напоследок напоила его еще каким-то зельем.

Сар-каны пошли по утоптанной дороге, угрюмые и голодные, пиная босями ногами мелкие камушки. Скоро им встретился один бесполезный старик. Увидев сар-канов, он, не сознавая себя, потянулся к ним и принялся бормотать на одном ему ведомом языке.

— Боги нас ненавидят, — произнес Илин задумчиво. — Мы не сможем жить на этой негодной земле.

В этих словах Сольпуга узнал слова из змеиных проповедей. Ему захотелось ударить Илина в грудь — для того только, чтобы услышать медный гул его ребер. Но он не стал этого делать, а только толкнул с досады старого попрошайку в пыль. Тот, словно опомнившись, отполз в сторону, но скоро потерял последние силы и, свернувшись серым комом, затих. Когда сар-каны отошли на порядочное расстояние, Илин оглянулся и увидел, что он все так же лежит в пыли, сжимая в руках какой-то грязный обрывок.

В лагере сар-канов случилось большое волнение. Возле одного из шатров собралась толпа, все говорили, что царь Аттар Руса прислал обещанные дары. Сольпуга махнул рукой на эту суету и пошел было прочь, но Илин ухватил его за локоть и потащил в самую теснину.

В человеческой густоте стоял улыбчивый человек в белых одеждах. У его ног лежало три льняных свертка разного размера. Увидев Сольпугу, белый человек заулыбался так, что стали видны все его зубы. Почтительно отступив на шаг и чуть склонив голову, он произнес:

— В великой мудрости своей, наш великий дугаль — Аттар Руса, предстоящий перед Вечным Отцом, царь среди царей, решил отблагодарить одного из своих редумов, прислав ему богатые дары.

После этих слов слуги разом развернули все три льняных полотнища. По толпе прокатился вздох. Даже Илин подался вперед, но вовремя поправил себя, поймав недовольный взгляд Сольпуги.

Первым подарком было копьё из красного дерева, с острым бронзовым жалом. У самого наконечника — скрытый плюмажем из конского волоса топорщится массивный крюк. Во втором свертке оказался аккуратно сложенный плащ из красной шерсти и пара медных кнемид. Третий слуга с видимым трудом держал на весу большой круглый щит. Когда сняли чехол, все, кто был рядом, охнули. Щит заиграл солнцем, и на нем, как живое, простерлось гнусное существо вроде паука, но с десятью ногами.

— Что это? — удивились аттары, разглядывая щит.

— Это сольпуга, — ответил Илин просто.

— И вправду похоже! — засмеялись воины. Они принялись перешептываться, подтрунивать друг над другом, опасливо поглядывая на Сольпугу. Но молодой ураг, кажется, не обращал ни на них никакого внимания. Он давно привык к своему гнусному имени и не печалился о своем внешнем виде. Мальчишкой он находил среди камней сольпуг и бросал их в глиняный горшок. Туда же он запускал скорпионов, пауков, крыс и мелких змей, чтобы посмотреть, как мелкие твари бросаются друг на друга в отчаянии и тесноте. Сольпуга всегда побеждала, умертвив своего нечаянного врага страшными челюстями-клешнями. Мальчик наблюдал за ней еще какое-то время, а потом отпускал или убивал, если настроение было скверное. Его высекли, когда Старшие Братья узнали об этих забавах. С него сняли несколько лоскутов кожи, а потом заперли на три дня в тесной и душной клетки. Мальчик не плакал и не молил о пощаде, он понимал, что сам виноват в своем несчастье — сар-кан не должен предаваться праздным утехам, это удел дурных и слабых. С тех пор его все звали Сольпугой, забыв его прежнее имя. Мало-помалу он за ненадобностью и сам забыл его.

— Я заберу это, — сказал Сольпуга белому человеку. — У тебя очень умный царь, он знает, чем угодить вольному мужу.

— Я передам ему твои слова, — белый человек опять чуть склонил голову. — Скоро мы выступим в поход, и сар-каны будут идти впереди войска, внушая страх врагам — тем, кто еще не покорился Величию Аттара. Я чаю, что ты обретишь еще большую славу, Паук, Разоритель Гнезда.

Сольпуга только повел головой. Отчего-то этот его неопределенный

жест очень испугал собравшихся. Старший Брат усмехнулся, видя их смятение. Молча покрыл он себя красным плащом, молча закинул щит на плечо. Люди не могли смотреть на него — отводили глаза, подавались назад, расходились кто куда. Скоро возле Сольпуги остался один Илин, он шел за Старшим Братом по пятам, с тревогой заглядывая в его лицо. В руках он вертел медный браслет, снятый с запястья убитого жреца. Дым все еще поднимался над разоренным Шукаром, но теперь он стал сизым, почти прозрачным. Море раз за разом накатывало на каменистый берег, оставляя среди рыхлой пены темные обломки.

Новосибирец Игорь Силантьев (родился в 1960 году) — большой друг филологов Алтайского государственного университета. Возглавляя академический Институт филологии Сибирского отделения РАН, являясь автором многих филологических монографий, Игорь Витальевич создает «ученую поэзию». Сложнейший жанр эклоги, возникший в античной поэтике в рамках пастушечьей пасторали и возрожденный в русской поэзии И.А. Бродским, по плечу очень немногим современным версификаторам. У Игоря Силантьева в эклогах есть все традиционные образные составляющие: деревья, птицы, природа. Но главное — в эклогах дышит день сегодняшней с насущными бытийными вопросами. Да и пастораль античного космоса отличается от космоса русского.

ИГОРЬ СИЛАНТЬЕВ

Сибирская пастораль нового тысячелетия

Лето

*Ветерок тронул оконную занавеску.
Лето застыло на кромке балкона.
Какой-то неловкий бог, ненужный,
Запутался в облаке, грянул о землю.
Пыли-то, воронья поднялось сколько!
И дождь хватил вперемежку с градом.
Бьет серебро по темным листьям.*

*Частицы льда неправильной формы
Стучат по руке вслепую, больно,
И отлетают. Захочешь — не схватишь.
Но все же два или три комочка
Лежат на ладони. Белый, мертвый
Лед обжигает холодом кожу.
Ты по лицу его растираешь.*

*А серые кроны деревьев порывом
Уносит от сердца земли до края.
За ними рвутся вдогонку верхушки,
Сгибаясь до костяного хруста.
И тут становится все непонятным.
Становится страшным все немного.
Но ты боишься всерьез испугаться.*

*Сорваться можно в любую минуту.
Для этого не нужно лезть на скалы
Или над пропастью ходить по канату.
Достаточно просто остановиться.
Лужи легли поперек дороги.
Не прыгнуть, не обойти. Поневоле
Ступишь в воду и в облако канешь.*

*Промокли насквозь в траве ботинки.
Путает, зудит комарье за ушами.
Кружат, кричат в кустах сороки,
От гнезд отгоняя незваного гостя.
Ты существуешь не в такт сердцу.
Вопреки имени. Помимо жизни.
Гнется дугой лесная тропинка.*

*Ты пройди по этой дуге, как сможешь.
Вот упали дождя последние капли
И ветер сдвинул плотный воздух.
В этом лесу ты один. Во вселенной
Ты тоже один. И эту тяжесть
Неправильного послегрозового неба
Никто, кроме тебя, не примет.*

*Прямо свидетельствуют тому сосны.
Кора почернело молчит о влаге,
Напитавшей покоем тайные поры.
Солнечный луч пробивает тени
И застревает в стволах бугристых,
Источенных оловянными жуками.
Смола стыдливо плачет в руки.*

Текут по лицу смоляные слезы.
Ты сам непонятно в сосну превратился.
Царапает спину прыткая белка.
В затылок упрямый стучит дятел.
Строит жильё на макушке ворона.
Кожу щекочет паук-косиножка.
И горизонт охватил тебя кругом.

Еще один миг, и ты птицей взмываешь.
Свистит над кронами острый ястреб.
Ищут бельчат, птенцов в гнездах.
Живое и малое — твоя добыча.
Солнце в зените — твой помощник.
В когтях узловатых жизнь бьется
И умирает в чужом полете.

Впрочем, сегодня, к птичьей досаде,
Ты разрываешь голода хватку.
Твое израненное беличье тельце
Падает на мягкие сосновые лапы.
Деревья укладывают тебя под корни.
Теперь необходимо найти силы
В гнездо родительское забраться.

И ты осторожным паучьим шагом
Обходишь зверька и вдруг ловишь
Взгляд на себе, живой и дерзкий.
Радостно и в то же время страшно.
Бельчонок вскидывается, цепляясь
За ствол, и рвется вверх, к дому.
Твой же удел — замереть в закате.

Кстати, открой глаза, вечереет.
Ты не сосна, не белка, не птица,
Не насекомое. Рукой дотронься
До потного лба. Ты снова дома.
И ты человек. У тебя есть имя.
У тебя есть судьба и есть время.
Часы показывают ровно восемь.

Все вокруг ровно, прямоугольно.
Сделай вдох. Теперь сделай выдох.

Все причудилось. Жизнь на месте.
Пусть без особого смысла, но все же.
Кругом ждут окончания вещи.
Вечер в тиши. Пришла ясность.
Нет никого. Ты один в мире.

Окончание — вот ключевое слово.
На правой руке пять пальцев,
На левой их тоже пять. Взметнулась
Звезда, и не вдруг небо очнулось.
Ты знаешь, что слово все прощает.
Поэтому оно похоже на бога.
Ночной ветерок занавеску тронул.

Осень

Хмельная соседка, незваная гостья.
По плиточному полу шлепают тапки.
В застиранном халате вчерашнее тело.
Желтая тень на площадке за дверью.
Стучится с вечера, всю ночь, все утро.
Мнетя, вздыхает, снова приходит.
Не открывай. Не впускай. Это осень.

Она, повелительница банальных жестов
И проштампованных меланхолий.
С проплаканным носом, грибными глазами,
Потекившими тенями на вялых веках.
А эти потухшие в ожидании руки!
А эти ослепшие в переборе пальцы!
Взглянет и лиственным сором осыплет.

Кажется, все, ушла. Осторожно
Ты выбираешься из притихшего дома.
Главное, дверью входной не хлопнуть.
Лестницей не заскрипеть деревянной.
Не разбудить задремавшие окна.
И не задеть, не разбить небо.
Сердце стучит, выдает по полной.

Но все обошлось, и ты на свободе.
Город чудесен! Чудесны лица!
В размахе ты перешагиваешь кварталы,
Довольный, подмигиваешь светофорам,

В прыжках летаешь по мокрым крышам,
Струной растягиваешь пространство.
Ничего больше нет. Ничего не нужно.

Впрочем, не так. С разлета, сверху
В лужу ты шлепаешь у перекрестка.
Брызги до верхних этажей, до балконов.
А в уличном кафе на столах ветер.
А в кружке пивной смех приبلудный
И рыжие искры косы расплетенной.
То, верно, солнце к тебе заглянуло.

А в жизни бывают такие минуты,
Когда все вокруг и в тебе замирает,
Без внятной надежды сдвинуться с места.
И сердце бьется, скорей, по привычке.
Никак не поймешь, то ли это начало
Чего-то нового, чего-то страшного,
То ли это предел твой последний.

Вот оно. Капли дождя повисли,
Не тронув напрягшегося асфальта.
Острый взгляд мелькнувшей красотки
Застыл перед твоим лицом бритвой.
И город выдохнул. Сколько без воздуха
Можно прожить человеческих жизней?
Ты этим жизням счет утратил.

Можно смотреть на людей не глазами,
А витринами, окнами домов, фонарями.
Тротуарами можно шаги их слышать.
Стенами узнавать их тела и жесты.
Люди наполняют тебя кровью.
Боль по ветвлениям твоим разносят.
Улицы мечтают людьми о ночи.

А взгляд перемещается на предметы.
Вот пустотой заскукавшая кружка
С кромкой высохшей пивной пены.
Вот оградка с искусственными цветами,
Отделяющая кафе от уличного шума.
Словно на кладбище. Вот манекеном
Сидит человек, про осень забывший.

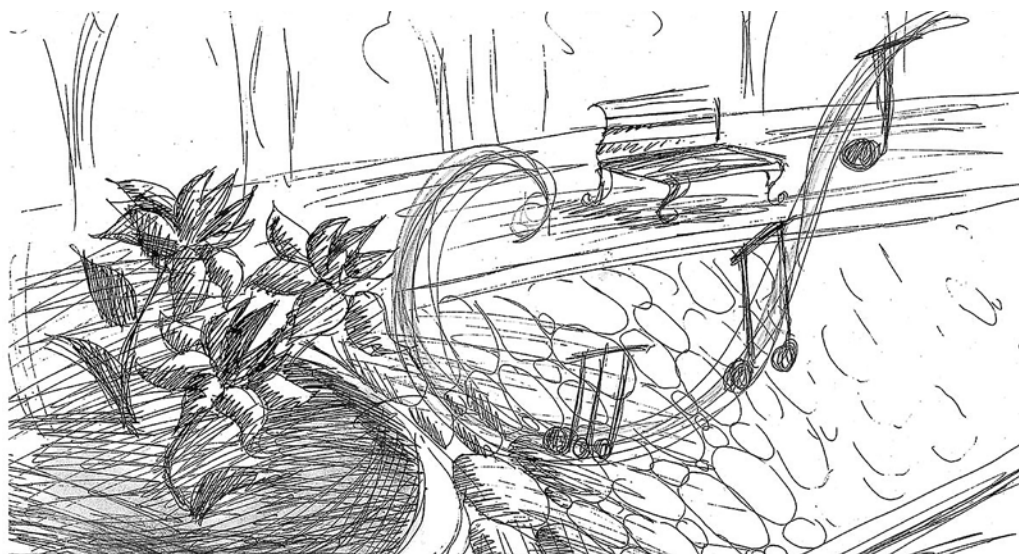
Очнись! Сеущаются к вечеру краски,
И кровь густеет, становится глиной.
Непросто ее протолкнуть по жилам.
И снова зажить, задыхать младенцем,
Сквозь дождь вдохнуть воздух заката.
Но ветер приносит лист размокший.
Словно кто-то тебя окликает.

Да, так и есть! И перед тобою
Стоит с утра тяжело протрезвевшая
Осень, невыносимая твоя соседка.
Словно каблук, упершийся в горло.
Или рукав полицейской шинели.
Прости ее, вынужденную подругу.
Слова и беды ее известны.

Поверх тебя она взглядом встречает
Что-то, кого-то. И взмахивает руками.
И рассыпается ворохом листьев.
А тебя проникает холодной сталью
Нечеловеческий взор. Обернешься —
Как осень осыплешься тихим прахом.
Остра, как бритва, поступь смерти.

И ты в лиственном застываешь вихре.
А красотка-смерть тебя аккуратно
Обходит, стараясь не ступить в лужу.
Это длится, наверное, целую вечность,
Которая все же равна мгновенью.
Острые плечи, точные ножки.
Ручкой кокетливо сумку крутит.

Но впереди от последнего взора
Гнутся деревья и меркнут люди.
Замолкших домов чернеют стены.
И осень спадает в ночной сумрак.
На черное падает снег белый.
На сердце пустое ложится колко.
Тебя поцадили. Снега все больше.

Наталья Шубенкова

До и после пьедестала

Глава 1

Пронзительно громко звенит будильник в тишине весеннего утра. Наташка нажала на кнопку звонка — и тут же убрала руку обратно под одеяло. В голове промелькнула преступная мысль: «А может, не ходить?» — «Нет». Она быстро прогнала навязчивые мысли и стала медленно подниматься с постели. От усталости ломило все тело, казалось, она только что легла, только успела прислонить голову к подушке, а уже надо подниматься и снова тренировать перегруженные ноги и тело.

Уже были случаи, когда она, пожалев себя, не ходила на утреннюю разминку, а потом весь день казнила себя за малодушие и лень. Надев спортивный костюм и кроссовки, Наташка поставила будильник около кровати дочери и потихоньку вышла на улицу. Неуверенной походкой, медленно она прошла между домами на широкую дорожку, бросила тоскливый взгляд на свои окна и нехотя побежала вдоль по улице в сторону ВДНХ, преодолевая боль в коленях, проклиная все на свете, зная, что бежит больше из упрямства, чем в надежде на успех.

Вниз по Социалистическому проспекту бежалось легко. Навстречу попадались знакомые лица людей, спешащих на службу. Многих она не знала лично, но каждое утро встречала на своей пробежке. Предстояло преодолеть около двух километров, до старого базара и обратно. Вверх бежать труднее, но Наташка хорошо усвоила психологический принцип — дорога к дому и легче, и короче. Прыжки через лужи, выбоины и грязные участки тротуара сильно сбивали дыхание, но других условий для тренировок не было. Через 10 дней на одной из лучших спортивных баз Советского Союза начнутся учебно-тренировочные сборы для лучших легкоатлетов страны. Для первого номера сборной Натальи Шубенковой там будут созданы все условия: питание, медицинское обслуживание, тренировочный процесс. Сейчас надо немного потерпеть, чтобы не потерять спортивную форму, чтобы не пришлось потом наверстывать и получать новые травмы.

Сделав упражнения на растяжку и гибкость, Наташка побежала обратно быстрее. Боль в коленях и стопах прошла, усталость отступила. При монотонном беге одной всегда хорошо думалось. Добежав до дома, она уже составила в голове подробный план предстоящего дня — работа, дом и две тренировки.

Отправив дочь в школу, а мужа на работу, Наталья полежала в теплой ванне и принялась за домашнюю работу. Делала она это всегда с удовольствием и огромным желанием. Поставила на плиту суп, включила стиральную машину и принялась гладить белье, которое постирала вчера. Для нее

не существовало понятия «слишком много работы». С большой радостью она отдавалась домашним делам или работе на даче и не успокаивалась, пока не выполняла намеченного или просто не валилась с ног от усталости.

Монотонная работа опять вызвала в голове мысли, на этот раз нежелательные. Как так могло получиться, что она, спокойный, нескандальный и вполне мирный человек, осталась без тренера накануне самого важного в карьере любого спортсмена старта — Олимпийских игр?

Глава 2

Родилась Наталья в деревне. Ее маму, Ларису Михайловну, после окончания учетно-кредитного техникума отправили на практику в село Сросты Егорьевского района. Провожая дочь в какую-то тьмутаракань, мама (Наташкина бабушка) просила об одном: «Не вздумай выйти замуж в деревне!» Вдова военного офицера, Наташкина бабушка, в высшей степени интеллигентнейшая женщина, провела полжизни в скитаниях по гарнизонам и, естественно, желала своей дочери лучшей, обустроенной и спокойной жизни и, главное, — городского образованного мужа.

Через четыре года Лариса Михайловна вернулась в маленькую неблагоустроенную мамину квартиру с мужем и двумя дочерьми. С первых дней совместной жизни бабушка, Стефания Тимофеевна, вспылала лютой ненавистью к деревенскому зятю и сохранила эти чувства до последнего дыхания. Заметив, что больше времени он уделяет своей младшей дочери Ирине, она в противовес ему всю свою любовь, заботу и внимание отдала старшей — Наталье. Наташка не спекулировала любовью бабушки, но наедине с сестрой всегда старалась подчеркнуть, что ее любят больше.

Прошло еще пять лет. Мастеру производственного обучения училища садоводов, овощеводов и цветоводов № 33 Михаилу Филипповичу Хитрову (отцу Натальи) дали двухкомнатную хрущевку. Больше всех этому событию радовалась бабушка (ненавистный зять не будет мелькать каждый день перед глазами), а потом девчонки.

В поселке Школа садоводов, куда переехала семья Хитровых, было два жилых пятиэтажных дома, корпус училища, кочегарка, водонапорная башня и общежитие. До ближайшего населенного пункта, поселка Южного, — полтора километра, до города — все 15. Вокруг, насколько хватало глаз, поля под зерновые культуры и производственные площади института имени М.А. Лисавенко. Вот где раздолье для местной детворы!

Зимой поселок заносило снегом — до второго этажа домов. Укутанные в белое деревья напоминали картинку на новогодней поздравительной открытке. Родители выходили с лопатами немного уменьшить сугробы. Снег доходил до высоковольтных проводов, и появлялся страх за детей — могло ударить током.

Наташка была заводилой в любой компании. Строила крепости, рыла пещеры в снежных горах, прыгала в сугробы с гаражей и сараев и всюду старалась быть первой. Она всегда умела находить массу аргументов, чтобы уговорить друзей-подростков на длительную лыжную прогулку, ловлю сусликов или просто поход в поле — печь картошку на костре.

Перед Пасхой поля покрывались черными проплешинами — проталинами. Земля сбрасывала с себя зимнюю одежду, облеглажно вздыхала, испускала черноземный запах. В поселке, где еще недавно сугробы были

вровень с окнами вторых этажей, снег оседал, покрываясь ноздреватой грязной коркой.

Все игры подростков конца 1960-х гг. были активными: палка-закидалка, штандор, прятки, из круга вышибала, лапта и просто прыжки на скакалке или «классики». Наташке обязательно надо было быть лучшей. Если она попадала в круг, то выбить ее мячом не удавалось никому. Обычно после тщетных попыток сделать это игра заканчивалась, а она гордилась, что ушла домой непобежденной. Трудлюбие и упорство, как правило, более присущи детям из семей с небольшим достатком или тем, чье детство прошло в провинции. Тот, у кого нет таланта, должен много работать, считала Наталья. Дети, ни в чем не нуждающиеся, пусть даже и суперталантливые, чаще всего не стремятся к победам. «Талант не репей, под любым забором не вырастет», — часто говорили ей впоследствии. Наташка не считала себя талантом, ей казалось, что росла она именно как репей. Не сказать, что совсем без присмотра, но родители целый день были на работе в городе, а детских садов в Школе садоводов не было.

Йод, бинты, зеленка... присутствовали в жизни Наташки всегда. Мама, смазывая разбитые коленки дочери зеленкой, не церемонилась и не обращала внимания на слезы и стоны. Бабушка и того хуже, резким рывком отдирала прилипшие повязки, думая, что такие жесткие процедуры в следующий раз остановят внучку от лазания по заборам и деревьям.

В третий класс Наталья пошла в новую школу. Сильно волновалась: как примут ее одноклассники? Но, оказалось, у нее были просто врожденные способности к общению. Уже через две недели она подружилась с девчонками и стала полноправным членом коллектива.

В поселке Южном работала (и работает до сих пор) музыкальная школа, которая славилась исполнительским мастерством учеников. В начале каждого учебного года преподаватели приходили в общеобразовательные школы и приглашали детей заниматься музыкой. Одно из таких выступлений сильно подействовало на Наталью, и она стала грезить музыкой. Родителей долго уговаривать не пришлось. Выросший в деревне отец хотел воспитать детей культурными и образованными. Уже через неделю он привез домой пианино из проката.

Занималась Наталья с удовольствием. Сольфеджио и музыкальная литература нравились меньше, но она терпела их, потому что потом можно было разучивать песенки на пианино. Первый год ее учила чудеснейшая Татьяна Геннадьевна Самойленко. Даже простое общение с ней доставляло девочке удовольствие. Наталья старалась выполнять все задания, чтобы понравиться любимой учительнице.

Занятия в музыкальной школе обычно начинались сразу после уроков в общеобразовательной. Вернуться домой в Школу садоводов (1,5—2 км), переодеться и поменять учебники Наталья не успевала. Пять раз в неделю она носила тяжеленные портфели с книгами по музыке и учебниками по общеобразовательным предметам. А ведь еще надо было и пообедать между занятиями. Каждый день мама выделяла ей 20 копеек, на которые девочка покупала в кулинарии булочку или коржик. Вот и весь обед. Для десятилетнего ребенка это были серьезнейшие нагрузки.

Поселок Южный был еще и спортивным районом города. Многие девочки-одноклассницы занимались спортивной гимнастикой, участвовали в показательных выступлениях на Дне города, Дне физкультурника, Дне защиты детей. Очень хотелось быть похожими на них! Скоро она узнала, что в секцию принимают всех желающих, но для этого надо уметь садиться на шпагат и делать мостик. Каждый вечер Наталья с соседскими девчонками тренировала гибкость. За четыре месяца самостоятельных занятий научилась садиться на шпагат и делать мостик из положения лежа.

С трепетом и волнением шла Наталья

морозным декабрьским днем записываться в секцию гимнастики. По дороге несколько раз садилась на шпагат прямо на снежной тропинке, чтобы еще раз удостовериться, что все может.

Строгий и требовательный тренер по гимнастике, Антонина Лаврентьевна Илатовская, окинула новенькую опытным взглядом, согнула в мостик, попросила сесть на шпагат, а потом похлопала по спине и выдала вердикт:

— Подходишь, ходи — занимайся.

Счастью не было предела. С такими желанием и упорством, наверное, у Антонины Лаврентьевны не занимался никто. К лету Наталья уже догнала своих сверстниц, ничем от них не отличалась по мастерству и выполнила норматив первого юношеского разряда. Удостоверение и значок вручали на торжественном вечере во Дворце культуры поселка Южного. Ее переполняло чувство гордости, в ней росло огромное желание продолжать тренировки.

Поездки в летний загородный лагерь, участие в соревнованиях, спортивные сборы, показательные выступления. Спортивная жизнь была ключом. Привычка к движению — составная часть физической культуры человека. Удел сильных. Это была ее стихия. Уже тогда спорт сформировал характер, научил работать. Отсюда же — умение адаптироваться в коллективе, вести активный образ жизни. Спорт дал главное — не бояться трудностей.

Пять-шесть уроков ежедневно в школе, затем один-два урока в музыкальной и пять раз в неделю тренировки по гимнастике. Всюду бегом, с тяжеленными сумками. Когда выдавалось свободное от занятий время, Наталья носилась по двору с ватагой ребятишек, никогда не забывая про уроки. Однажды она услышала разговор одноклассниц про то, что раз одну из них сегодня спросили по истории, то она не будет готовиться к завтрашнему уроку. От удивления у Наташки глаза полезли на лоб. Она даже предположить не могла, что ее подружки-гимнастки халявят с уроками. У нее никогда и мысли такой не возникало, как бы трудно ни было. Для нее существовало две заповеди: «так надо» и «мама сказала». Ослушаться родителей она бы никогда не посмела.

Глава 3

В год Олимпийских игр у любого спортсмена, даже не претендующего на место в сборной страны, происходит всплеск спортивных результатов. В сезоне 1988 г. Наталья ожидала роста конкуренции среди семиборок. Подготовку к Олимпиаде она и тренер просчитывали скрупулезно. Необходимо было добавить силы для толкания ядра, но не во вред прыжкам в высоту, сохранить хорошую скоростную выносливость и получше развить силовую гибкость для копы. При этом нельзя было снижать результаты в остальных видах (барьерный бег, прыжки в длину и бег на 200 м).

Каждое утро в осенне-зимний период тренировки проходили в легкоатлетическом манеже технического университета. Дорожка манежа, положенная в 1973 г., уже давно износилась, выработала свой ресурс и стала очень твердой. Если учесть, что стелили ее прямо на бетонное покрытие, то она и сразу была не самой качественной, а с годами стала почти деревянной. Для тренировок спортсменов массовых спортивных разрядов и проведения уроков физкультуры она была пригодна. А вот у представителей высшего спортивного мастерства через месяц регулярных тренировок в этом манеже травм было не сосчитать.

Чтобы уберечь ноги подопечных от травм Юрий Петрович Захаров предложил чередовать вечерние, интенсивные и объемные тренировки с лесными пробежками. В нагорной части Барнаула, прямо на опушке леса, расположена ДЮСШ Центрального района. Там и проходила половина всех занятий. Сначала, как правило, беговая работа в лесу, затем силовая, техническая и специальная работа в подтрибунном помещении.

Четверг 24 марта был обычным, ничем не примечательным днем. Возможно, настроение Юрия Петровича было кем-то испорчено; он был немного угрюмым и молчаливым. После пробежки по лесу, которая накануне выходного дня вымотала спортсменов, все двигались в замедленном ритме, при переходе от одного снаряда к другому тратили больше времени, да и паузы между подходами затягивались.

— Что вы ходите как сонные мухи? — вдруг разрезал тишину зычный голос Юрия Петровича.

Поскольку вопрос был обращен ко всем и ни к кому конкретно, все промолчали и занялись выполнением упражнений. Ближе всех к тренеру находилась Наталья. Она тянула резину, держась за перевернутый барьер, имитируя «выбегание с низкого старта».

— Что ты дурью маешься? — сказал Юрий Петрович, обращаясь к ней. Все внутри у Натальи натянулось от неожиданности и несправедливости. Он никогда не позволял себе говорить с ней в подобном тоне. Во-первых, потому, что она была очень исполнительным человеком и никогда не позволяла на тренировках никакой самостоятельности, всегда оставаясь примером для молодых, а во-вторых, метод кнута и пряника он никогда к ней не применял.

— Отрабатываю старт, — спокойно ответила Наталья, продолжая выполнять упражнение.

— Зачем ты это делаешь? Это никому не надо! — все больше распаляясь и добавляя звучности голосу, возмутился Захаров.

— Но ведь еще вчера это было нужно, — в свою очередь парировала Наталья, продолжая дергать резину ногой.

— То-то и оно, что это вчерашний день! — заорал Захаров. — Прекрати заниматься ненужной работой или иди отсюда!

Наталья медленно разогнулась, медленно освободила ногу от резины и медленно пошла в раздевалку. Не торопясь, она переоделась, сложила вещи в сумку. Мысли лихорадочно крутились в голове. От вопиющей несправедливости наворачивались слезы. Одевшись, она еще долго стояла в раздевалке, не решаясь выйти. Чтобы попасть на улицу, ей предстояло пересечь весь зал, пройдя мимо тренера и занимающихся. Видеть никого не хотелось. Собравшись с силами, Наталья вышла из раздевалки и, опустив голову, ни на кого не глядя и никого не слыша, пересекла зал и вышла на улицу. Погода соответствовала настроению. Тяжелые темно-синие тучи застилали небо и свисали так низко, что казалось, можно дотянуться до них рукой. Нависшие громады, казалось, навсегда похоронили солнце.

«В такую погоду самолеты, наверное, не летают», — почему-то подумала Наталья. Бледные лучи заходящего солнца пробивались сквозь тяжелые облака над Барнаулом. С востока, со стороны Оби, в лицо подул холодный ветер. Старые корневища и стебли пожухлой прошлогодней травы громко хрустели под ногами. Ко всему встреченному на пути она приглядывалась с неустанным, обостренным и в то же время спокойным вниманием.

На площади Спартака нужно было пересесть на другой автобус. Раньше времени домой возвращаться не хотелось. Тогда пришлось бы объяснять мужу причину столь раннего появления, а, рассказывая, переживать еще раз неприятный разговор с тренером не хотелось.

Она остановилась на остановке автобуса и опять стала прокручивать в голове ссору. Где она поступила неправильно? Где нужно было промолчать, а она ответила? В какой момент нужно было молча перестать делать одно упражнение и начать другое? Ответа не было. Сильный порыв ветра вывел ее из внутреннего диалога. Мелкая дрожь пронизывала все тело, только что зубы не стучали. «Не хватало еще простудиться, в олимпийский-то год», — быстро опомнилась Наталья и села в первый же подошедший автобус: до ее остановки шли почти все маршруты.

«Крепитесь, люди, скоро лето», — прочитала она нацарапанную на замерзшем стекле автобуса надпись. Не надо лета, она совсем не готова к летнему олимпийскому сезону, многое предстоит сделать, а теперь еще и проблема с тренером...

Она впервые за восемь лет ушла с тренировки раньше времени и, как оказалось, навсегда ушла от тренера.

Много лет спустя, после смерти Захарова, его жена, Татьяна Фёдоровна, тоже работавшая тренером, призналась, что Юрий Петрович жалел о случившемся. Он также говорил ей (Татьяне Фёдоровне), что в работе тренера главное — результат и об амбициях иногда надо забывать. Как ни крути, а профессия тренера — одна из самых зависимых в мире.

Глава 4

Наталья учительница музыки по семейным обстоятельствам переехала в другой город. Наташе дали нового преподавателя — мужчину. Этот

факт сам по себе очень разочаровал юную музыкантшу, а дальше больше. Вячеслав Иванович злоупотреблял спиртным и был злостным курильщиком. На уроках она сидела молча, затаив дыхание и боясь пошевелиться. На замечания учителя реагировала без слов, чтобы не вступать с ним в диалог, отворачивала голову, чтобы перегарный запах проходил мимо нее. Старалась играть все точно, без замечаний, чтобы учитель меньше говорил. Постепенно занятия превратились в пытку. По расписанию специальность стояла по понедельникам и четвергам. Но если в четверг Вячеслав Иванович еще был в более или менее сносном состоянии, то по понедельникам он дышал на нее, как Змей Горыныч. Целый год Наталья терпела пытки перегаром. Постепенно страсть к музыке стала проходить. За полгода до выпускных экзаменов и получения свидетельства она бросила музыкальную школу.

Дома ее поступок восприняли спокойно, без скандалов. По большому счету никто и не ожидал от нее музыкальной карьеры, гастролей и выступлений, а в общем развитии девочки занятия музыкой уже сыграли свою роль. Через неделю пианино без сожаления было отправлено обратно в прокат.

Освободившееся от музыкальной школы время Наталья с удовольствием посвятила гимнастике. Выступала в показательных массовых программах на Дне города и Дне физкультурника, ездила в спортивный лагерь, участвовала в соревнованиях.

Постепенно нагрузки возрастали, и у Натальи стали болеть ноги. После каждой тренировки сводило судорогой икроножные мышцы и ломило надкостницы. Постепенно боль становилась настолько сильной, что мешала сосредоточиться на уроках. Доходило до того, что отец делал массаж ног, а Наташа в это время учила устные предметы.

Врачи объясняли природу этих более бурным ростом организма. Мышцы не успевали за костным корсетом, поэтому и болели. И правда, за лето Наталья выросла на 10 см. Повиснув на верхней жерди брусьев, она доставала ногами до пола. Отчасти из-за болей в ногах, но в основном из-за роста (170 см) с гимнастикой пришлось расстаться. Особого разочарования Наташа не испытывала: надоело терпеть постоянную боль.

Освободившееся время она посвятила... соседским детям. Во дворе набрала группу дошколят (пяти — шести лет). Сначала показывала им диафильмы, угощала карамельками, а потом обучала элементарным гимнастическим упражнениям. Родители малышей были в восторге и прочили Наталье будущее воспитательницы детского сада.

Человек, хотя бы раз прикоснувшийся к большому спорту, обязательно становится его пленником. Хотя занятия гимнастикой нельзя было назвать большим спортом, без спортивного зала Наталья скучала. В сентябре 1972 г., когда Наташа училась в восьмом классе, в школу пришел новый учитель физкультуры. Владимир Фёдорович Чистяков окончил Ленинградский институт физической культуры имени Петра Францевича Лесгафта. Это заведение считалось самым престижным в области физкультурного образования. К новому преподавателю в школе все невольно прониклись уважением. Поручили ему самую ответственную работу: уроки в старших классах. Наташин класс тоже попал к нему. Уроки были интересными, разнообразными и насыщенными. Прекратились пропуски уроков по неуважительным причинам.

Через месяц он стал набирать желающих в секцию для занятий легкой атлетикой. Показав второй результат в школе в осеннем кроссе и второй в спринтерском беге на 60 м, Наталья тоже получила приглашение в его группу.

Тренировки проходили пять раз в неделю на базе школы. Своими силами ребята вычистили подвал школы, побелили и покрасили стены, завезли песок в прыжковую яму, на пол постелили резину. Казалось, лучших условий для занятий и быть не может. Строительные работы еще больше сдружили ребят с тренером и между собой.

Все тренировки проходили в подвальном помещении, только три раза в неделю они начинались кроссом по улице. Несмотря на мороз, слякоть и дождь, все выходили на лесную трассу, ведущую к заводу «Ротор», или на стадион «Рубин». Зимой в школьном подвале проводились соревнования на первенство района или города. Дистанции 50 м, 50 м с барьерами и прыжки в длину. Зрители не допускались, болельщики тоже: места не было. Участники вели себя согласно строгим правилам: прыгнул в длину, пока

идет замер результата, быстро вернулся на начало разбега. Дистанции бежали парами. Когда в длину прыгали ребята, то казалось, что кто-нибудь обязательно на взлете достанет головой потолок и получит травму. На длинные дистанции (400, 800 и 1500 м) бежали вокруг школы.

Спустя 20 лет Наталья побывала в родном школьном подвале. Он сильно преобразился. Во-первых, его очистили полностью, по всей площади школы, а не только под коридором. Из нескольких отсеков сделали небольшие залы силовой гимнастики и аэробики, украсили стены зеркалами и панелями. Хоккейная команда «Мотор», игравшая в высшей лиге российского чемпионата, ходила в этот подвальный спортзал для проведения тренировок по силовой подготовке.

Более крупные соревнования зимой проходили на площади Советов, вокруг памятника Ленину. После очередных таких соревнований, когда Наталья попала в число призеров по своему возрасту на дистанции 100 м, Чистяков торжественно сообщил ей, что она отобрана в сборную края и поедет в марте на сборы в Ташкент. Восторгу не было предела, но дома радостную весть восприняли настороженно и без особого удовольствия.

К началу марта тренеру пришлось встретиться с отцом Натальи, поговорить о поездке на сборы, пообещать следить за здоровьем его дочери и обеспечить ее безопасность.

В поездку Наталья и две ее одноклассницы взяли учебники, получив задания от всех преподавателей по предметам обучения. Никакие успехи в спорте не могли порадовать Наташу в случае отставания по школьной программе.

Сборы проходили в Чирчике. Жили все в общежитии, питались в столовой, тренировались на стадионе, рядом с которым был открытый бассейн с горячей водой. Зарядка и две тренировки в день сильно изматывали, на учебники просто не хватало сил. В выходной день была одна тренировка, но хотелось походить по городу, побывать на местном базаре. Взрослые несколько раз ездили на рынки и в магазины в Ташкент. У Натальи не было ни сил, ни денег.

Через несколько дней Наташа приспособилась к тренировочному режиму, стала выкраивать время для занятий и привлекать к ним подруг. По приезде домой оказалось, что по алгебре и геометрии они ушли далеко вперед от класса.

Наметился прогресс и в спортивных результатах. Наталья никогда не бегала по хорошему покрытию, не прыгала в настоящую яму, да и метание мяча, которое входило в программу четырехборья, не по скользкому снегу тоже понравилось.

В 1974 году в Барнауле ввели в эксплуатацию легкоатлетический манеж. Сооружение по тем временам, да еще в Сибири, где полгода стоит зима, было просто грандиозным. С его вводом у легкоатлетов отпали многие проблемы. Результаты улучшались в каждом соревновании, а в группах появилось много новых желающих заниматься легкой атлетикой.

Для подготовки к Всесоюзной спартакиаде школьников Наташе и двум ее подругам разрешили сдать выпускные экзамены экстерном. К 10 июня (а не к 25-му, как все), они сдали восемь экзаменов и двухразовыми тренировками стали готовиться к соревнованиям. 27 июня — день получения документа о среднем образовании и выпускного бала — был выходным. В белых нарядных платьях, с прическами выпускницы гуляли всю ночь, вместе встретили рассвет.

Средний балл аттестата у Наташи был 4,5. На родительском совете решили поступать в открывавшийся в этом году Алтайский государственный университет на экономический факультет.

За лето Наташа неплохо выступила во всех этапах Всесоюзной спартакиады школьников, попала в состав сборной РСФСР, тренировалась на сборах вместе с прославившейся на весь мир высокими результатами в беге на 100 м Людмилой Кондратьевой. На спартакиаде Наталья стала бронзовым призером в беге на 100 м с барьерами.

Чистяков пообещал, что с поступлением в университет Наталье помогут. Высокие спортивные результаты давали почти 100-процентную гарантию поступления. На первом экзамене по математике ей попались задания, которых она в жизни не встречала. Из пяти задач Наташа решила только две и стала ждать, когда же ей помогут решить остальные? Никто не помог.

Таким разгневанным своего отца Наталья никогда еще не видела.

— Вместо того чтобы готовиться к поступлению, ты разъезжала по своим сборам! Вот теперь получи результат! Никому твой спорт не нужен!

Он перестал отпускать дочь на тренировки. Владимир Фёдорович Чистяков пришел к отцу поговорить. Тот много разговаривать не стал, поставил жесткие условия: пока дочь не поступит в институт, на тренировки ходить не будет.

К тому времени почти все воспитанники Чистякова окончили школу, а с вводом в эксплуатацию легкоатлетического манежа там требовались квалифицированные преподаватели. Он перешел работать в политехнический институт на кафедру физвоспитания. По его договоренности с коллегами Наталья забрала документы из университета и принесла в политехнический. Весь последний год учебы в школе она нажимала на обществоведение, литературу и русский, а теперь приходилось сдавать физику, геометрию, математику и писать сочинение.

Экзамен по математике принимала машина. На экране выдавалась задача и пять вариантов ответа. Пока абитуриент не решит первую задачу, вторая не появлялась. После двух неверных ответов экзамен заканчивался. Над первой задачей Наталья просидела полчаса, но ни один из предложенных ответов у нее не получался. Нажав на кнопку, она увидела на экране «не верно». Вторая задача была еще труднее первой, и Наталья не стала ломать голову над тем, чего не знала. Мысленно простившись с еще одним вузом, она выбрала понравившийся ответ и нажала на кнопку. К удивлению, на экране высветилось «правильно». Следующую задачу Наташа решила сама, и ответ оказался правильным. Следующие две — снова нажимала наугад кнопки, получая правильный ответ.

После окончания экзамена каждый абитуриент должен был подойти к преподавателю за оценкой. Увидев практически пустой листок с записями задач и ответами, преподаватель округлил глаза:

— А где решения?

— Я все решила в уме, — грустно пошутила Наталья.

— За такие решения я больше тройки поставить не могу. Вы сами понимаете, что этого будет мало для поступления.

— Мне хватит, — уверенно ответила Наталья.

Из школьного курса физики Наталья знала на зубок законы Ньютона. Вытащив билет, она чуть не подпрыгнула от радости. Первый вопрос был как раз о законах Ньютона. Оттарагорив все законы с примерами и подробными объяснениями, следующие вопросы о массе тела и силе тяжести Наталья рассказала благодаря общему уровню грамотности. На четверку знаний хватило. На сочинении она чувствовала себя как рыба в воде. Написав свою тему, она подсказала всем соседям, а потом проверила ошибки у тех, кто смог протянуть ей свои листки.

Набранных баллов хватало для поступления на любой факультет, но они с тренером выбрали специальность «литейное производство», на которую был самый низкий конкурс. Чтобы не влетело от отца, решили не рисковать. Работавший в институте тренер пообещал, что после первого курса она может перевестись на любую специальность.

Учиться было невероятно трудно. Теоретическая механика, высшая

математика, детали машин и начертательная геометрия никак не воспринимались умом гуманитарного склада. Наталья несколько раз обращалась за помощью к преподавателям, пока однажды преподаватель по начерталке не заявил ей открытым текстом:

— Что значит «не могу», «не получается», «не вышло»? Милочка моя, если ты поняла, что попала не туда, бросай институт или поступай в другой. За твои «не могу» и «не вышло» тебя все равно отчислят.

Никто не мог заставить Наталью расписаться в собственном бессилии. Сдав первую сессию с одной тройкой по начертательной геометрии, она пересмотрела свой взгляд на обучение. Консультировалась у одногруппников, списывала у отличников, просила что-то решить знакомых. Летнюю сессию она сдала на все пятерки.

За год обучения Наталья подружилась с группой, завела новых друзей и подруг. Политехнический институт не стал ее пространством, поэтому было все равно, на каком факультете учиться, лишь бы в манеже тренироваться разрешали. Когда через год вновь встал вопрос о переводе на любой другой факультет, решено было остаться.

Глава 5

Муж не спросил, почему Наталья вернулась с тренировки раньше обычного. Это радовало. Ей не хотелось вновь переживать обидную ситуацию ссоры с тренером. На другой день был законный выходной. Это тоже способствовало сглаживанию конфликта. Но когда наступила суббота, Наталья вдруг поняла, что не может идти на тренировку. Простить незаслуженное оскорбление тренеру у нее никак не получалось. Не пропустив ни одной тренировки без уважительной причины, выполняя все задания в нужном количестве и с нужной интенсивностью, она не заслужила обвинения в недобросовестности. Обида и здравый смысл долго боролись между собой где-то внутри. Олимпийский год и возможность попасть на всемирный форум некоторым спортсменам выпадает один раз в жизни. Наталья очень хорошо это понимала. И все-таки на тренировку она не пошла. Решила потренироваться самостоятельно.

По плану сборной страны через две недели были сборы в Польше. Необходимо было продержаться всего две недели, а там... Любой из тренеров согласится тренировать Шубенкову. Она твердо знала сама, что ей делать — в каких количествах и в каком объеме. От них требовалось только стоять рядом, включать и выключать секундомер, показывать место отталкивания в длину или высоту. В общем, мелочи.

Для начала Наталья поменяла дни тренировок в манеже и на Горе в ДЮСШ. Когда вся группа Захарова тренировалась в манеже, она шла в ДЮСШ, когда все собирались на Горе, она отправлялась в манеж. По старым дневникам, которые всегда велись добросовестно и скрупулезно, Наталья составила себе план на две недели и приступила к его реализации. Как всегда, весной вновь возникла необходимость пролечить колени — пять уколов через два дня на третий. Тренировки в эти дни носили щадящий характер, в общем, Наталья была уверена, что все получится.

Для начала она каждый день стала делать зарядку. Пробежка 5 км, разминка на стадионе 55-й школы, растяжки, упражнения на гибкость. Затем тренировка. Самостоятельно проводимые тесты показывали, что спортивная форма не теряется, а сила и выносливость даже подросли. Для развития этих качеств она бегала вверх по ступеням лестницы ВДНХ. Это 150 ступеней. При беге вверх Наталья их не считала, потому что бежала через две-три ступени, а вот спускаясь вниз, наступала на каждую. Уже после двух подъемов ноги начинали трястись мелкой дрожью и подкашиваться, но о том, чтобы пробежать меньше пяти раз, даже и мысли не было. После некоторых тренировок она так уставала, что не было сил записать проделанную работу в дневник. Дочь писала под ее диктовку. Марина была послушным, милым и умным ребенком. Она дарила маме много счастливых минут.

Подруги по группе рассказывали, что Захаров обрушил на Наталью весь свой гнев, обвинял во всех смертных грехах. Зная, что они все ей передадут, бил по самому больному: говорил, что недобросовестная, ленивая, неисполнительная и что он лишит ее и зарплат, и стипендии, и экипировки, и чего-то еще, они всего и не помнили. Более молодым приводил этот случай

как пример обострения звездной болезни и неуправляемости ученика, воспитывал, что без послушания невозможно добиться результата.

Слушая подруг, Наталья закипала от злости, ведь сам себе противоречит: если она непослушная, значит, результата не должно быть, а он был. Если грозит лишить стипендии и зарплаты, значит, результаты есть. Значит, здесь что-то другое.

Самое трудное в самостоятельных тренировках — это планирование. Сделать она могла любую работу, а вот правильно ли она спланировала, надо ли это делать, сомневалась часто. Эти сомнения иногда приводили к мысли вернуться к тренеру, но его оценки и обвинения сделали примирение невозможным.

Накануне сборов он вытянул из девчонок информацию о Натальиных тренировках

— А что хоть она делает в одиночестве?

— Почти каждый день да через день бегают на Выставку.

— Боже мой, скажите, что она может перетренироваться и посадить сердце. Пусть уменьшит нагрузку.

Девчонки поделились опасениями тренера с Натальей, но она уже не верила ни единому его слову. Возможно, он нарочно так говорит, чтобы без его участия она не попала на Олимпиаду. Наталья поняла, что она на верном пути, и продолжила самостоятельно спланированную работу.

Сегодняшний наш дебютант необычен. Во-первых, Виктору Галкину уже за 70, скоро он отмечает юбилей, во-вторых, много лет пишет стихи и тесно общается с литераторами. Сначала это были литераторы Барнаула 1970-х, потом их сменили новые поколения... Галкина знают все. И удивительно, что как поэт он совершенно неизвестен! Необычны и его стихи. Тексты-зарисовки, в которых много от западного верлибра и столько же от японских хокку, вообще от восточного мирозерцания... Надеемся, Галкин скоро выпустит свою первую книгу. Пока — дебютная публикация, тексты разных лет.

Виктор Галкин

Тишина, прозрачная, как ночь

* * *

*Нанизываю строфы
одна за одной,
не устаю перебирать.
Какие прекрасные четки!*

* * *

*Объ — безобидная женщина,
но дрожат тени деревьев
и рваный берег в клочьях корней.*

* * *

*Облака над Барнаулом — стадо баранов,
солнце — рыжий пастух.
А что, на земле есть люди?*

* * *

*Парк,
тишина.
Аллея в изумрудах.
О, паутин мерцающих дрожанье.*

* * *

*Ручей журчит взволнованно и чисто.
Будь осторожен!
Каждое слово вещественно,
как брошенный камень.*

* * *

*Из ничего
Возникают белые гроздья облаков,
(Куда они плывут?.. Над ними бездна.)
отражаясь в прохладных водах Оби.*

ФРОНТОВАЯ ТИШИНА (Воспоминания отца)

*На фронте тишина,
затишье на передовой...
Редкие пули врезаются неотвратимо
рядом, как преданные собаки.
Солнце улыбается криво.*

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ НА БАРНАУЛКЕ

*Деревья стоят
в весеннем половодье,
а воды светятся небесами.
Звенят деревья воробыным базаром.
Их отражения
в темной глубине тонут,
мерцающие отражения
в мерцающем мире волчьей речки.*

* * *

*Ночь запнулась
о свет летучего фонаря.
Птицы не ко двору.
Время не ко двору.
Зря так рано приходит рассвет
в Барнауле.
(В этом слове из семи букв
слышу только — «Ау»!)*

* * *

*Выйду на балкон безоблачной ночью
и в бесконечность смотрю неотрывно.
Вдруг не удержусь и упаду в звезды.*

* * *

*Тело мое горит — шептала звезда
сквозь облака.
Но падали капли — «Так ли, так ли?»*

* * *

Ночная твердь
мерцает
крохотными звездочками.
Всё так обманчиво в нашей жизни.

Хорошо
ночной тишине на просторе.
Бойтся вернуться в дом,
где люди еще не спят.

Слова мои
превратились во взгляды
и улетели на луну.
Взялая собака,
к ней присоединился целый хор.
И снова тишина.
Тишина прозрачная, как ночь,
подумал я.

* * *

Годы, как горы, овеваны временем.
Подчиняясь его ритму,
в небыли дуют ветры небывалые.
А бывалые люди врут,
боясь молчать.

* * *

Не всё то золото, что блестит,
говорит поговорка.
Но прав и Некто, утверждавший,
не всё то золото, что не блестит.

Зеркала букв
буквально отражают не то.
Смысл в них тонет.

* * *

Тонкой тростинкой дрожит река
в разводах облаков,
а борона царапает броню поля,
чтобы стало оно мягче пуха.
На мягкой земле, на мягкой земле
и воздухи мягко.

* * *

Ни одной капли зла
в этой бесконечной весенней капели.
Выслушаю её до последней
даже от себя затаившись.
Улыбнусь каждой капле,
радость свою подарю
и мы будем квиты.

* * *

Средство общения – язык
превращается иногда
в средство изготовления словесного
орнамента,
украшающего тишину молчания
или пустую поверхность листа,
подобного речному песку у моих ног.

* * *

Дождь говорит о дожде,
ветер говорит о ветре.
Я говорю о себе.
Птицы летят на север,
птицы летят на юг.
Я бегу от себя.
Мне говорят: Эй, ты хороший парень.
Знаете,
приятная ложь лучше неприятной правды.
А небо качает меня сутра до утра.
А земля лежит под ногами.
А ночь наступает...
Знаете, когда не видно низги.

ПЕЙЗАЖ С ФИГУРОЙ. (Фигура – Я)

Ноябрь.
Клёны, на фоне грязно-желтой пятиэтажки,
совершенно голы.
Живописная группа
закалённых ветром деревьев,
готовых пуститься в плавание по зиме.
И всё это рядом, рукой подать,
протянув её до горизонта далёкого прошлого,
почти забытого мной.

* * *

Там, за домом, растёт сирень,
а здесь, за сиренью, дом
и растерянные тени
разбежались от них.
Никто и не вспомнил, что уже полдень
и на деньки рассыпался день.

* * *

Смешаю голубое и белое.
Нарисую серое небо,
поставлю в нём точку
и назову нарисованное, птица в небе.
Безмерная небыль унесёт меня,
пусть на мгновенье,
в прошлую беспечность.

* * *

Закричу так, что превращусь в звук,
знакомый до оторопи,
грустный до боли в глазах,
видящих синюю даль,
которая на самом деле сосновый бор,
пахнувший хвоей, детством и тишиной.
Вернусь в самой детство,
где в картонной коробке
лежат семь цветных карандашей,
которыми я рисую на белой бумаге
коричневый дом,
жёлтый забор,
ярко-зеленую ёлку
с красной звездой в вершине
и синее небо
без единого облака.

Владимир Чикильдик

Последняя встреча

К 75-летию Геннадия Панова

В августе 1988 года заканчивался первый год моей службы в Группе советских войск в тогда еще демократической Германии. Предстоял отпуск, провести который я намеревался на Алтае, в родной для меня Ребрихе. Прибыв в дорогие пенаты, я нанес визиты вежливости своим родственникам и друзьям. От них и узнал, что в соседнем селе Паново отдыхает Геннадий Петрович Панов, с которым у меня была не очень давняя, но искренняя дружба. Конечно, как земляк известного к тому времени поэта, я еще со времен своей юности был наслышан о нем и даже имел несколько книжек его стихов с автографами. Но личное наше знакомство состоялось лишь в 1982 году, когда я прибыл для дальнейшего прохождения службы в Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков.

Немного присмотревшись к культурной жизни Барнаула, быть в курсе которой входило в мои служебные обязанности, я решил однажды позвонить Геннадию Пе-

тровичу с просьбой выступить перед будущими летчиками. Услышав, от кого исходит просьба, он безо всяких отговорок согласился. А дело в том, что, часто бывая в Ребрихе, Геннадий Петрович обязательно заглядывал в книжный магазин, в котором работала моя матушка. Пользуясь возможностью, она нередко оставляла для него книжные новинки, которые в те годы были дефицитом. А он в ответ не скупился на автографы для всей нашей многочисленной родни. По просьбе матери, естественно. Потому-то я и имел несколько его книжек, а он, предполагая, со слов мамы знал о моем существовании. И все же предстоящая встреча не была самой первой. Первая состоялась в начале 1960-х, когда он, молодой начинающий поэт, студент Барнаульского пединститута, выступал перед школьниками и учителями в нашей Ребрихинской средней школе.

Красивый, с копной густых волос, с сочным звонким голосом, напористой манерой чтения, он тогда, уверен, влюбил в себя многих из нас. Именно таким я помнил его два десятка лет до знакомства с ним.

На встречу с курсантами Геннадий Петрович пришел не один, а со своим давним и добрым другом — композитором Михаилом Стариковым. Тот вечер курсанты наверняка запомнили надолго. Геннадий Петрович в первой части прочел свои стихи, а Михаил Филофьевич исполнил несколько своих песен, в том числе и на стихи друга. Ребята, многие из которых никогда не видели вживую поэтов и композиторов, были потрясены увиденным и услышанным.

Вторую часть встречи Геннадий Петрович посвятил своей новой работе — поэтическому переложению бессмертного

«Слова о полку Игореве». Благодарная аудитория будущих защитников Отечества, а как будто к каждому из них лично обращались и автор «Слова...», и его переводчик со старославянского на современный литературный русский язык, еще долго приходила в себя. Да я и сам с трудом верил, что наш ребрихинский парень смог сотворить такое, на что не решались многие признанные мастера поэтического слова. Каждая строка, каждое четверостишие попадали в точку. Казалось, что сидевшие в зале давно ждали столь емких и выверенных слов, подобно вспаханной пашне, ждущей семян, чтобы в положенный срок появились ростки и всходы будущего урожая.

После окончания встречи мы с Геннадием Петровичем еще долго разговаривали. О чем? Конечно, о стихах и, конечно, о нашей малой родине — о Ребрихе. Я признался, что все годы службы находил возможность на армейских топографических, политических, географических картах определять примерную точку, где, по моим расчетам, должно было находиться наше родное село, рисовать там большую звездочку и крупным шрифтом писать: РЕБРИХА.

После того памятного знакомства встречи мои с Петровичем стали еще более желанными, хотя, понятно, не каждодневными. Во время одной из них, узнав, что он работает над составлением своего генеалогического древа, я попросил разузнать какие-либо подробности о моих предках, хотя бы четвертого или пятого колена, предпо-

ложительно пришедших на Алтай откуда-то с Украины.

Каково же было мое удивление, когда буквально через месяц-другой раздался телефонный звонок, а следом в трубке послышался знакомый басок, который ни с чьим не спутаешь:

— Ну что, черниговский, готовь магарыч!

Ну а изумлению моего отца — Карпа Ильича — не было предела! Он был потрясен, узнав уже от меня, сколько было в 1917 году в хозяйстве его отца голов скота и поставлено копен сена, не говоря уже о более существенных подробностях и деталях, которые накопил в краевом архиве для меня Геннадий Петрович. А самое главное — из архивной сельскохозяйственной переписи 1917 года мы узнали, что наши предки пришли на Алтай из Черниговской губернии в 1895 году. Я же лишний раз убедился в ответственном отношении Геннадия к просьбам своих друзей и товарищей, а заодно в том, что его принцип: обещал — сделал!..

Как-то при очередной встрече, говоря о его новой книге стихов, я поинтересовался, почему в ней и двух последних книжках, не встречается раннее стихотворение, где Геннадий обыгрывал название родного села и своей фамилии:

... Часто слышу — вопрос не в новостях:

Разгадай нам загадку слов:

Толь село по тебе — Паново,

То ли ты по селу — Панов...

Гена тогда отшутился, мол, молодой был, себя больше в стихах выделял. А сейчас,

мол, сменил ориентиры, свое село и земляков показываю. И подтвердил строфой:

*Все, что я переплавил в слово,
Что останется на столе —
Я, Панов, из села Панова.
Говорю о родном селе!*

Этому он и следовал всю оставшуюся недолгую жизнь — говорил о своей малой родине и не просто говорил. Он о ней пел...

Однако вернусь в август 1988 года. В Паново мы поехали с моим братом Сергеем, тоже дружившим с Геннадием. День был в зените, когда мы подошли к дому нашего знаменитого земляка.

— Придется подождать. За грибами с утра еще ушли, — встретила нас мать Геннадия, Василиса Егоровна. Правда, тут же успокоила: — Скоро должны вернуться.

Ждать долго и впрямь не пришлось. Через каких-то полчаса с двумя полными ведрами отборных белых грибов из бора появились Геннадий и его жена Галина Ивановна.

После взаимных приветствий, рукопожатий и неизменного похлопывания друг друга по плечу присели поговорить, повспоминать, поделиться новостями. Геннадия Петровича интересовали подробности моей службы за кордоном, меня же — над чем он сейчас работает, когда ждать новой книги. Я посетовал, что остался без двух его предыдущих сборников: «Отчина» и «Добрая воля». В ответ он добродушно улыбнулся, сказав, что это дело поправимое, легко поднялся, прошел в дом и через минуту-другую вернулся с четырьмя своими книгами. При-

сев снова рядом, немного подумал и на титульном листе одной из них — на «Доброй воле» — написал:

«Владимиру Чикильдиду — давнему и нареченному другу и земляку за союз земли и огромного синего неба, которое ты охраняешь далеко от родной земли. В дни ее посещения и в канун грибной охоты; с. Паново, 27.08.88».

На другом сборнике — «Отчина» — оставил еще более лестные для меня строки: «Владимиру — ратнику нашей славной авиации от со-ратника Игоревой рати, а значит, брату по славянским потомкам на долгую дружбу. Геннадий Панов. 27.08.88».

Не скрою, и до того, и после не раз и не два мне дарили авторы свои книги с автографами. Но всего памятнее и дороже именно эти две книги и фотографии (брат догадался прихватить с собой фотоаппарат), запечатлевшие столь драгоценный для меня момент.

Разговоры разговорами, а мы все чаще стали поглядывать в сторону кухни, где хозяйничали Галина Ивановна и мама Геннадия. Над чем колдовали они, было нетрудно понять. Запах жарившейся картошки с белыми грибами говорил сам за себя.

К предстоящей встрече я тоже приготовился. Даже брат не знал, чем я собирался удивить Геннадия Петровича. Сюрпризом для него должна была стать бутылка «Московской», привезенная мною из Германии. Тем, кто забыл, напомню, что с начала 1977 года «Московская» исчезла с советских прилавков. Приобрести ее можно было только в кремлевском распределителе, в валютных магазинах «Березка» и за границей.

А исчезла потому, что марка ее была продана за рубеж. И когда я выставил на стол свой сюрприз, настала очередь удивляться Геннадию.

— Откуда у тебя этот раритет?! — воскликнул он.

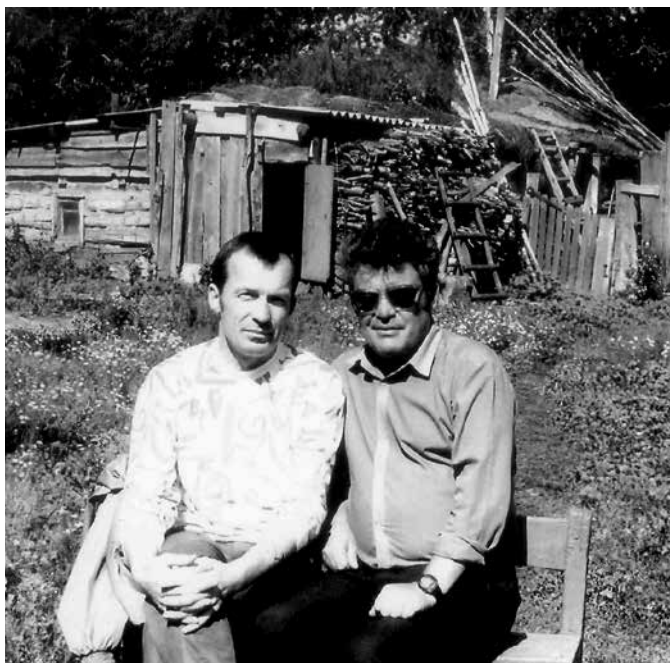
Расправившись с раритетом и внушительных размеров сковородой жаренной картошки со свежими грибами, мы решили прогуляться до озера. И по дороге к нему, и на берегу Геннадий Петрович продолжал «потчевать» нас своими новыми стихами, или, как он выразился, «узелками на память», — миниатюрами в четыре — восемь строк. Предназначенными для новой задуманной им книги «Наедине». Суть большинства стихов выражала отношение поэта не только ко временам вчерашним, нынешним, но и к завтрашним, маячившим за порогом начавшейся в стране перестройки. Боль, горечь, недоумение и тревога о том, что ожидает нашу державу в недалеком будущем, сквозили буквально в каждой строке...

Провожая нас с Сергеем до остановки автобуса, Геннадий Петрович вновь стал расспрашивать меня, на этот раз о том, что чувствует советский человек, оказавшийся по долгу службы за рубежом, чему радуется, чего ему недостает. А прощаясь, спросил вдруг, о чем бы я пожелал прочесть в будущем стихотворении, посвященном лично мне. Я, недолго думая, попросил написать о русской бане. На его явное недоумение признался, что баня с ее паром и березовым веником как раз и есть то, чего больше всего недостает за границей. Помимо, конечно, друга. Что не по службе, а по душе. Потому каждая часть, эскадрилья считает за честь иметь свою баньку, негласно соревнуясь, чья лучше и жарче.

Геннадий посмеялся, однако пообещал выполнить мой, как он выразился, социальный заказ...

...Мог ли я предположить, садясь в автобус, что эта наша встреча — последняя, что перестройка и гласность приведут к тому, что рухнет не только Берлинская стена, но и могучий Советский Союз, а жизнь вчерашних советских граждан пойдет кувырком?.. Но, видимо, то, что должно было рано или поздно случиться, — случилось. В 1992 году, после начала вывода советских войск из Западной группы войск, я оказался в распоряжении командующего ВВС СибВО, то есть за штатом, в ожидании нового назначения. Мы изредка перезванивались с Геннадием, однако крупные потрясения и череда мелких бытовых событий того времени не давали нам возможности встретиться. С его слов я знал, что в краевом издательстве готовится его новая книга стихов «Русский складень». И вдруг звонок от брата и его растерянные слова: «Геннадий Петрович умер. Завтра похороны. В Паново...»

Спустя десять лет, уже распрощавшись с военной службой, я узнал, что издания

«Русского складня» Геннадий Петрович так и не дождался; что лишь некоторые бывшие его друзья и собратья по перу раз в год, в день его рождения, приезжают в его родное село Паново, чтобы почтить память поэта. А еще через несколько лет, точнее, накануне его 60-летия, жизнь свела меня с Владимиром Лукичом Казаковым, тоже поэтом и другом Геннадия Петровича, горевшим желанием издать-таки «Русский складень».

Желание Владимира Лукича стало и моим тоже. Было решено, что он займется подготовкой рукописи — составлением, редактированием и прочими необходимыми действиями, я же — материальной стороной дела. Другими словами, поисками необходимой денежной суммы, для чего пришлось обращаться прежде всего к своим друзьям, для которых имя поэта было не пустым звуком.

В результате наших совместных усилий к 11 июня 2002 года (к 60-летию поэта) книга «Завет» с подзаголовком «Русский складень» стала достоянием истинных поклонников его поэтического дара. Презентация книги состоялась на очередном краевом литературном празднике «Пановские встречи» на родине поэта (ныне она состоится уже в 23-й раз). Владимир Лукич, представляя книгу, сказал, как бы заглядывая наперед, что команда, работавшая над изданием, надолго не прощается с читателем. И как в воду глядел. Через шесть лет усилиями друзей Геннадия Петровича вышла книга «Сын села» — коллективный портрет поэта в воспоминаниях, посвящениях и свидетельствах. Участвовать в издании этой книги мне пришлось уже как руководителю «Ребрихинского землячества в г. Барнауле».

Геннадий Панов

Святое, светлое, свое

* * *

*Кольшеется жаркое жито,
опоры в растяжку гудят.
Мой возраст
скатился с зенита,
пошел громыхать на закат.
Ну что же,
я прожил немало,
пора оглядеться, пора!..
Вот послевоенная мама
у печки хлопочет с утра.
Глаза и движения строги,
шершавые руки грубы.
А вот я и сам на пороге
крестьянской избы и судьбы.
В холщовых рубашке, штанишках,
босой (чтоб обувку беречь),
мои изначальные книжки,
родная — до букочки — речь!..*

*Шумят вековые деревья,
распахан столетний овраг.
Во имя добра и доверья
сражается с морочью флаг.*

*А дни, как назло, ветровые,
а колос граненый весом.
И я за штурвалом впервые
стою на комбайне с отцом.
Мы брали у жизни уроки —
и я благодарен судьбе,
что самые первые строки
сложились о нашей избе,
о бабушках,
что нас растили,
о близкой и дальней родне,
о нашем селе, о России,
о прошлом и завтрашнем дне.
Мы знаем все наши святыни,*

*а с ними —
мы зорче втройне.
Мое поколение ныне
за все
отвечает
в стране.
Шумят вековые деревья
и свежестью тянет с полей.
Во имя добра и доверья
означены в сути своей:
шумиха и дело святое,
ржа власти
и слезы удач...
А поле — и впрямь золотое,
а колос —
тяжел
и горяч!*

* * *

Это утверждается навеки,
как закон согласия
в семье:
родники рождаются,
чтоб реки
никогда
не молкли
на земле.

Потому и здравствует Россия
и над ней
бессмертен
небосвод:
мать у нас
живет во имя сына,
сын —
во имя будущего сына
и во имя матери
живет!

СТИХИ О РУССКОЙ ПЕЧКЕ

И. Дронову

О тебе,
воистину пригожей,
эта незатейливая речь
в доме мамы,
в кухоньке-прихожей,
чудом сохранившаяся печь.
Вот шесток,
вот устье и загнетка,
вот чувал,
горячий и живой.
Сколько сказок,
редкостных да метких,
ты в войну дарила нам зимой!
В печке жарко целкали поленья
и вскипала, как слеза, смола.
Фронтное наше поколенья
ты,
свет-печка русская, спасла...
Поседали вдовы, как березы.
Наши дети в армии уже.
Грянули сибирские морозы —
аж слова смерзаются в душе!
Или мы отвыкли от мороза?
(Не тепличных вроде бы кровей!)
Или удаль вытеснила проза?
Или деды были здоровей?..
Гулко в печке бухают поленья,
будто рвется в памяти тротил.
Время — молодому поколенью
у руля вставить и у ветрил!...

* * *

Завари листом смородины
чай,
и утренней душой
сам поймешь: без малой родины
нет понятия — большой.
Без примет родимой улицы,
что растрогали до слез —
дом Бакулиных ссутулился,
дом Поповых в землю врос.

Без старушки на завалинке
и ее славянских глаз,
что тебя знавали маленьким
и признали в этот раз.
Встану рано утром, гляну я —
оторваться не могу:
конь мухортый и буланая
кобылица на лугу.
Четкий след копыта выбили
на отаве молодой.
Первый иней густо выбелил
две березы над водой.
А за этими березами —
копны розметью, стерня.
Изумительные озими.
О Т Ч И Н А.
Начало дня.

БЕРЕЗОВОЕ ЧУДО

Вад. Кузнецову

Поэт опальный и поручик
с глазами,
темными от слез,
он ввел в поэзию под ручки
«чету белеющих берез»...

Другой поэт
при личной встрече
поставил русское клеймо:
он услышал в живом наречье
«от милой матери письмо»...
И на краю воды, у пруда,
где гладь — зеркальна до беды,
сумел поэт увидеть чудо
ее девичьей наготы...

И я, сдирающий бересту,
и нежно глядящий корье,
гляжу на темные наросты
и вижу,
как нести непросто
с в я т о е,
с в е т л о е,
с в о е!

ПОЮТ ПЕТУХИ

Село как село. Над селом рассвело.
Поют петухи над селом весело.
Исторгнув восторг и глаза закатив,
выводят они стародавний мотив
от грешной земли
до блаженных высот.
Но вот по селу пропылил К-700.
И гром прогремел и утих на полях.
Мелькнул агроном на своих «жигулях».
Пастух,
что отвык от коня и бича,
привычно на луг
повернул «москвича».
Растет, хорошеет родное село,
от многих наград пиджакам тяжело.
А то, что в стихах я воспел петуха,
так вроде бы власть
и к певцам не глуха!..

Мы продолжаем обсуждать произведения писателей Барнаула, сталкивая мнения критиков, оценивающих наших творцов с противоположных позиций. И сегодня в дискуссию вступают рецензенты из Новосибирска и Санкт-Петербурга. Повод достойный: выход книги Натальи Николенковой «Сто главных стихотворений» — своего рода сенсация нынешней весны.

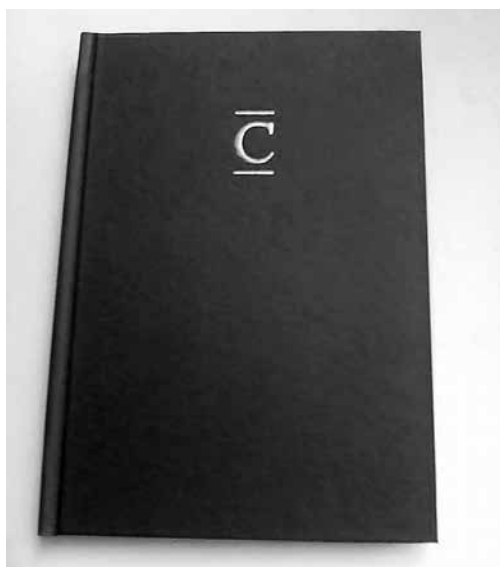
Обложка вместо книги

Роман Гром, Новосибирск

Мне прислали текст книги Натальи Николенковой. Я посмотрел и решил: не буду писать. Не о чем писать. Стихи как стихи. Но потом я получил книгу (уплатив 300 рублей). И не пожалел. И вот пишу.

Книга издана превосходно. Лучше всех виденных мною барнаульских книг. Лучше большинства книг новосибирских авторов. Смотрю и радуюсь. Особенно впечатляет тисненый, золотой знак «С» на обложке. Так и так вертел, потом догадался: это же «сто» по-латыни.

Приятно, что это проект энтузиастов, не имеющих господдержки. А то доить бюджет вес мастера. Попробуй выпустить и продать хорошую книгу. Слышал, в Барнауле она идет на ура. Хотя цена и немаленькая.

Хватит рекламы. Еще бы лучше, чтобы под красивой обложкой на стильной бумаге были другие стихи. Николенкова обыкновенна до ужаса, до дрожи. Той дрожи, которая охватывала Кафку в его мире. Мелочных лавок и сонных торговков. Николенкова — женщина, вот что мы узнаем из ее стихов. Но это видно по ее имени-фамилии. А что еще? Ничего.

Таких культурных дамочек полно в каждом городе. В Новосибирске я, хотя ни с кем не общаюсь, знаю таких с полдюжины.

Разберем стихотворение.

Пятница.

Прогуляюсь там, где хочется,

В телефон заброшу денежку.

SMS твои закончились —

Ничего, куда ты денешься!

Мы еще пригубим знойные

Дни июльские, случайные.

Я, ты знаешь, не назойлива,

Но притом — незабываема.

Здесь много кокетства. Но здесь есть чувство хищницы, которая вышла на охоту и дразнит свою жертву. Причем чувство выражено не сильно, без ярких образов. Просто ленивая проговорка. Вот это раздражает: вялость, замедленность, лень во всем тоне и строении николенковских стихов. Вечное потворение, вечное возвращение не лишком запоминающихся образов.

Природа умирает,

бьет под дых,

Красиво разлетаясь на куски.

О, дайте, дайте мне простой воды

И чувств, не обращенных в медяки!

Никто Вам, Наталья, этого не даст, потому что его нет и у Вас.

Мне говорили, что она в Барнауле звезда и мэтр. Как и Владимир Токмаков. Странные на Алтае мэтры.

Вселенная на ладони

Елена Кузнецова, Санкт-Петербург

Верный признак хороших стихов — легкость, с которой они запоминаются. Достаточно один, два, пусть три раза прочитать небольшие стихотворения Натальи Николаенковой, и их строчки врежутся в память и будут вспоминаться при случае, как крылатые фразы из «Горя от ума», стихов Пушкина, Лермонтова, Ахматовой и других проверенных временем поэтов. Это значит — каждое слово в этих строках на своем месте. «Ну что, душа, заманчиво свернуть/ К зеленым побережьям Суринама?» — лукаво спрашивает поэтесса; «Я ухом — к снеговику: тихонечко дышит./ А я? Приложите ухо ко мне! Хотя...» — провоцирует она. И читатель волей-неволей поддается, вступает с ней в мысленный диалог и сопереживает ей, проживает и запоминает ее стихи.

Второй существенный признак, доказывающий вневременную ценность стихов Николаенковой, — упорядоченность ее мира. Она созидает свою поэтическую Вселен-

ную, где существуют как структурные элементы: герои, темы, мотивы, образы, так и отношения между ними. Эта структура не создана искусственно, скорее, она таинственно порождена. Она вырвалась, как поток стихийной силы: раскинулась, как тайга, разлилась, как океан, воздвиглась, как гора — и заняла свое место относительно других объектов, будучи при этом самостоятельной системой. И поэтесса как будто не приложила к этому чрезмерных усилий: мы можем лишь угадывать, что она была проводником стихии и мастером, чья рука все же приглаживала природные шероховатости дикой поэзии. Несмотря на то, что поэтика ее в основном классическая и читатель не встретит в ее сборнике вычурных экспериментов с формой, мощь ее лаконичных стихотворений не оставляет сомнений в том, что ее поэзия сродни явлениям природы. Если присмотреться и подвергнуть каждое стихотворение разбору на предмет «как сделано» — можно найти ответы, но если наслаждаться им как литературным произведением, то оно пронзает, ослепляет,

как вспышка сверхновой, рождает чувство, оставляет впечатление — не этого ли мы хотим от поэзии?

В сборнике «Сто главных стихотворений» собраны произведения, относящиеся к разным периодам творчества Натальи Николенковой и вместе образующие симфонию ее главных тем: время, смерть и жизнь, любовь. Можно составлять сборник афоризмов: «Только смерть — не разлука». «Любовь не может быть смешной./ Но, даже если так, — спасибо!»

Поэзия Николенковойсоприродна циклическим процессам во Вселенной, в ней отражены жизненные циклы — круговорот бытия, переход жизни в смерть и рождение новой жизни, превращение любви — в нелюбовь и даже в смерть («убей меня, не лелея») и возрождение любви. Наиболее заметно проявляется это в описании смены времен года. В стихотворениях Николенковой обычно присутствует какое-то определенное время года (или даже конкретный месяц, он чаще всего назван), оно кровно связано с сюжетом и душевным состоянием героев.

*Вот и опять возрожденье, спасибо августу,
Давшему столько любви без процентов
взаимы.*

*Надо сейчас запастись витаминами
радости,*

Ведь впереди, дорогая, — полгода зимы.

Еще люблю чахоточные дни,

Ртуть октября, разлитую в природе...

Время — ее герой, безжалостное и

очаровательное время со всеми его

атрибутами — памятью, бессонницей,

спешкой, расставаниями и встречами.

Ты говоришь, что время пошло.

Время — прошло, это кто-то блефует.

Один из персонажей лирики Николенковой - Барнаул. Город в ее стихотворениях — знакомые улицы, кафе, остановки, музеи... Он живет, дышит, слышит, внимает, отвечает. Город то сжимает лирическую героиню кольцами тоски и холода, ты выручает в трудную минуту, то отнимает надежду, то подхватывает и радостно воспаряет с ней в эмпирии («Полгорода прошла пешком/ Моя разнеженная тушка./ Душа летела мотыльком. Она должна летать, старушка!», «Опять замело Барнаул по самые крыши./ Сто двадцать автомобилей столкнулись, летя», «...Словно ангел, подлетит/ Мой ночной 48-й»). Люди даже более случайны, чем город, и гораздо более случайны, чем та энергия, которая заключена, казалось бы, в простых сочетаниях обманчиво обычных слов. Неслучаен и несомненен полет. Однако множество спасительных мелочей не дает стихии разыграться, а читателю — заблудиться в стихах Николенковой. Например, традиция поэтических посвящений накрепко связывает ее стихотворения с Золотым и Серебряным веками русской поэзии и делает пугающие, масштабные универса-

лии: всю память, всю любовь и всю смерть — человеческими, житейскими, близкими, не чрезмерными для души. Элегантные, почти прирученные аллюзии на Блока, Цветаеву, Бродского и других великих, свернулись, как домашние кошки, в ее строках.

Ты меня уже не помнишь.

Снег — несвежая простынка.

Я не выхожу из комнат.

Я — больная, я простыла.

Выходи, выходи из квартиры

В пустоту ледяного эфира...

Поэтический мир Натальи Николенковой — это не мир без боли, отнюдь. В нем много отваги, иронии, пылкости и чудачеств. Но в нем достаточно уюта и теплоты, чтобы в нем хотелось жить. В нем много простора и радости. Первое стихотворение сборника словно приглашает читателя на прогулку:

Я чувствую: ничто, ничто не поздно.

Давай бродить вдвоем и налегке!

Ведь зелен мир и бесконечен воздух,

И синий лес — как горы вдалеке.

Если бы нужно было отнести творчество Николенковой к какому-либо литературному направлению, пожалуй, пришлось бы обратиться к термину «новый романтизм» художника Люка Тернера. Хочется верить, что читатель почувствует этот контраст неиссякаемой юности и мудрой зрелости, который способен подарить чтение сборника «Сто главных стихотворений». Как будто держишь открытый мир в одной ладони, чтобы другой погладить его...

Художник Алексей Чеканов еще в середине 80-х гг. XX в. стал заметным представителем неформального художественного движения в Сибири, входил в группу молодых художников, вокруг которой формировалось новое понимание современного искусства, был участником знаковых выставок. Сегодня Чеканов — отдельная фигура в изобразительном искусстве Барнаула, у художника всегда было удивительно самобытное творческое мышление, таким непостижимо оригинальным и свободным он остается и сегодня.

Чекануться нужно

Вадим Климов

Цветная графика выполнена в жанре зарисовок-заметок, приправленная фирменным «чекановским» чувством юмора. Графика Чеканова — повествовательная, глубоководная, эмоциональная и доступная.

Алексей Чеканов родился в г. Барнауле в 1968 г. Начиная творческий путь в середине 1980-х, активно засветился в 1986 г. с появлением в городе художественного объединения «Тихая мансарда», был организатором и участником всех наиболее заметных выставок и акций актуального искусства того времени. В 1989 году вместе с художником Юрием Эсауленко и арт-критиком Вадимом Климовым он начинает выпускать самиздатовский литературно-художественный журнал «Графика», где тогда нашли себе пристанище многие теперь достаточно известные местные авторы. Был участником художественных проектов «СвоТСо», «Теплый фронт», «Рыба». Все они оставили свой след в художественной истории города. Чеканов работал бутафором-декоратором в кукольном театре, иллюстратором в газете «Молодежь Алтая», художником в Краевом театре драмы. Участвовал в проведении десятков краевых и городских художественных выставок, в постановке пьесы А. Строганова «Придумайте пивную» на музыку Стравинского. Самостоятельно провел хепенинги «Рукописи горят» и «Тридцать три красные рыбы», создавал эскизы и оформлял сцены на поэтических и музыкальных выступлениях Н. Николенковой, Е. Чикишева и «Дяди Го».

Алексеем написаны и опубликованы

рассказы, эссе, статьи, параллельно с новым живописным проектом идет работа над романом «Луна в руке рукой»

Чеканов — удивительный художник. В его живописи утонченные цветовые отношения и легкость бытия, спрятанная в простых сюжетах. А графика наполнена иронией.

Графика Алексея Чеканова легкая, понятная, веселая, пропитанная юмором. Шарживость располагает зрителя к упрощенности. Кому-то доступно увидеть за смешными картинками легкий юмор и все, а кто-то рассмотрит самое дно сквозь глубину сатиры.

Графика Алексея повествовательная, и, продолжая высказывание, Чеканов дополняет его словами. Выстраивая более сложную конструкцию воздействия на сознание, он толкает зрителя к рассуждениям, заставляет читать и думать. Иллюстративность, к которой прибегает художник, вызывает стремительную реакцию, это рассказы в картинках, где изображение и текст — единое произведение. Это не комиксы, где художник создает изобразительный образ героев и развивает повествование. Картинки Чеканова, каждая — отдельный рассказ. Хотя, изучая его работы, можно найти и выделить несколько главных персонажей, но это типажи, узнаваемые, характерные социальной среде. Чекановская графика мультипликационная, зритель просто оживляет этих персонажей, потому что они реалистичны.

— На сегодняшний день Алексей — это самый парадоксальный и абсурдный худож-

ник на авансцене нашего города. Его творчество для меня, как конфетти, которое рассыпано в воздухе, — рассказывает куратор выставок Ольга Староверова. — Современный художник, как научно-исследовательская лаборатория, для которой важен процесс. И то, что вы видите на экспозиции, это процесс познания и созерцания. Он будто ловит идеи в воздухе и показывает их нам, складывая позитивную картину. Алексей Чеканов, безусловно, гениален, но он бездарно распоряжается своей гениальностью.

Рисунки этого художника прекрасные, интересные работы, поверхностная легкость, которая вызывает у некоторых недоумение, что это за детские картинки вы показываете, глубоко обманчивая. Это как тексты Хармса или Хлебникова, в которых абсурд, искусная наивность и объем здравого смысла превращаются в необыкновенное высокое искусство.

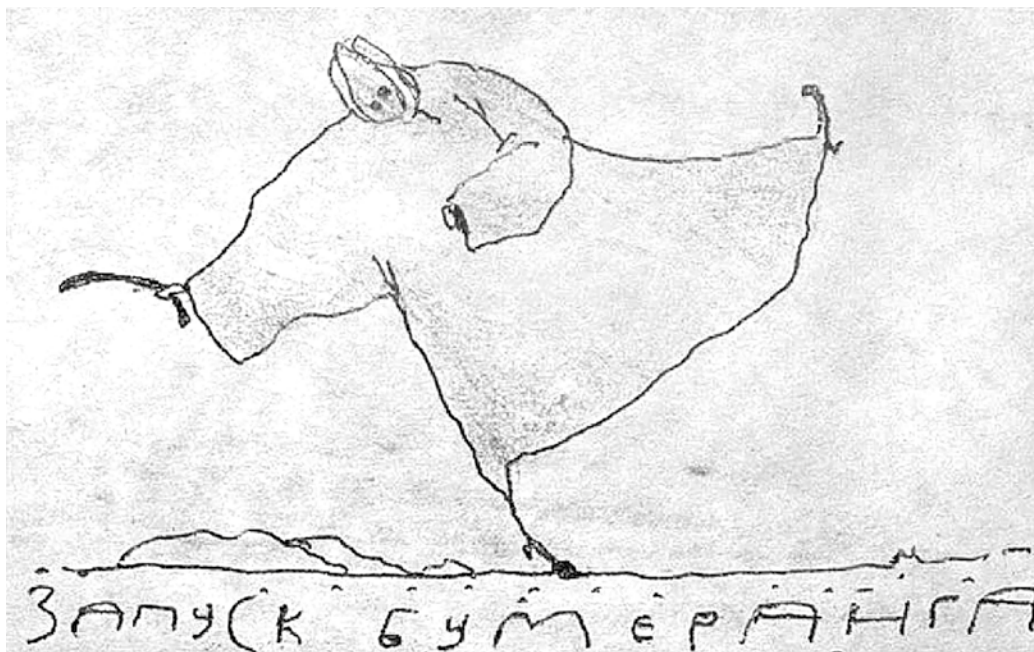
«Восторг — именно вот детский. Мир Лёки не имеет ничего общего с окружающим нас, он населен чудесными, веселыми и простодушными человечками, которые даже на самые сияющие вершины поднимаются только для того, чтобы стоять и тупо смотреть вниз. Картинки похожи на книжки Марины Москвиной, на музыку к лучшим

детским фильмам — они вообще похожи на детство», — говорит журналист Лариса Хомайко.

Я часто говорю, что Чеканов — гений. И, кажется, некоторых уже убедил. Я могу себе это позволить, Алексей, или, как его часто зовут друзья, Лёка, близкий мне человек. Сложно дружить с художником более

половины лет своей жизни и не уверовать в его гениальность. В прошлом году в Киеве вышла книга об алтайском художнике Алексее Чеканове, приятно осознавать, что книги про барнаульского независимого, актуального, художника, почти 30 лет являющегося неопознанным художественным явлением в крае, издают за границей.

КОГДА-НИБУДЬ, МОИ
МАЛЕНЬКИЙ, Я РАССКАЖУ
ТЕБЕ ВСЮ ХРЕНЬ ОБ ЭТОМ МИРЕ!

Алексей Чеканов

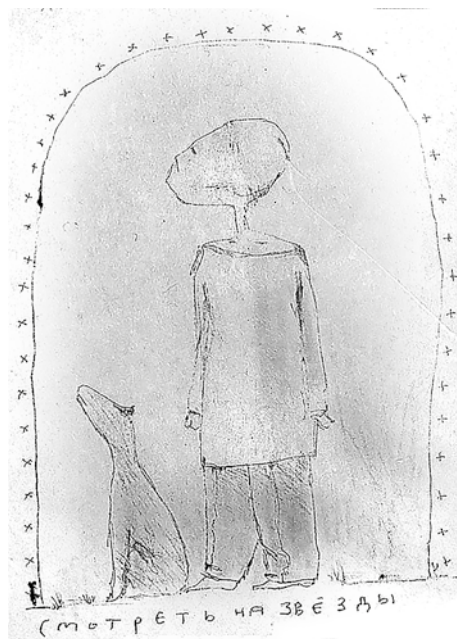
Нарисованный мир

Рассказ

Художник стоял у окна и смотрел на просыпающийся город. Кто-то уже спешил по делам, а кто-то еще не спешил вылезать из теплой постели. Художник смотрел, как в городе начинается день.

Отойдя от окна, он сел на пол, прислонившись к стене. Подняв с пола лист бумаги и карандаш, художник стал рисовать. Комната на рисунке получилась даже более пустой, чем была на самом деле. Голые стены, разбросанные по полу листы бумаги... И яркий свет раннего утра, льющийся из окна. И этой комнате досталось немного жизни пробуждающегося города.

Художник нарисовал себя, сидящего у стены. Он был окружен тенью и казался чужим в этой пустой комнате. Отбросив листок, художник еще раз оглядел комнату. Он опустился на колени и нарисовал на лежащем на полу листке маленькую девочку с длинным, как у Буратино, носом. Из-за носа девочка казалась очень любопытной, так и казалось, что она сейчас спросит: «А почему...?».

(СМОТРЕТЬ НА ЗВЕЗДУ)

Графика Алексея Чеканова

